

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
(СЕКЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ)

АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Москва 2003

Научное издание

АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

М., 2003, 120 стр.

Ответственный редактор:	академик РАЕН	Арунова М.Р.
Составитель:	адъюнкт РАЕН	Мелехина Н.В.
Подготовка к печати:		Пикалов С.В.

ISBN 5-89394-095-4

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения
Института.

ISBN 5-89394-095-4

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ

5 декабря 2001 года в Бонне было подписано межафганское соглашение, определившее состав Временной администрации Афганистана во главе с Х.Карзаем. Состоявшаяся в июне 2002 года в Кабуле всеафганская ассамблея Лойя Джирга утвердила Переходную администрацию под его председательством, в которую вошло большинство прежних министров. Разгром талибов и последовавшие за этим политические, социальные и экономические преобразования положили конец изоляции страны. Ведущие страны мира признали новое Правительство и с энтузиазмом взялись помогать в реконструкции страны. Однако, несмотря на определенные успехи, большинство проблем по-прежнему не решено, а внутривнутриполитическое, экономическое и социальное положение остается крайне сложным.

Большую роль в решении этих проблем играют сопредельные страны. Рассмотрению и анализу их позиций и посвящена данная монография. Не претендуя на полноту и законченность исследования, авторы взяли на себя труд в целом обозначить роль и значение этих стран в афганском вопросе. В монографию также включена глава об афгано-индийских отношениях: хотя Индия не имеет границы с Афганистаном, ее политический вес в этой стране в последнее время значительно увеличился.

* * *

В написании монографии участвовали: М.Р.Арунова (стр. 4–13), С.М.Веревкин (Приложение 1), М.А.Максимов (стр. 80–87), В.Н.Москаленко (стр. 24–50), Р.М.Мукимджанова (стр. 62–79), З.К.Набиев (стр. 4–13), А.П.Орехов (Приложение 2), С.М.Охотников (стр. 51–61), Н.В.Рубина (стр. 24–50), С.В.Славин (стр. 14–23)

АФГАНИСТАН: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Прошло более полутора лет с момента свержения в Афганистане режима талибов, которые за годы своего правления превратили страну в опорную базу международного терроризма и мировой центр производства и контрабанды наркотиков. Разгром талибско-террористической инфраструктуры национально-патриотическими силами Афганистана при поддержке международной коалиции позволил существенно снизить исходившие из этой страны реальные угрозы региональной и глобальной безопасности. Однако говорить об окончательном подавлении афганского очага нестабильности, бесповоротном уничтожении его деструктивного потенциала представляется весьма преждевременным. Без адекватной внешней поддержки под эгидой ООН усилий афганского народа по государственному и экономическому обустройству страны приглушенная опасность может обрести быструю силу, вновь бросить серьезный вызов существующему миропорядку и общечеловеческим ценностям и обострить ситуацию в регионе.

Современной точкой отсчета процесса становления обновленного афганского государства принято считать заключенное при содействии ООН 5 декабря 2001 года в Бонне межафганское «Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов». Боннское соглашение, представляющее собой подобие «дорожной карты» политического и экономического возрождения Афганистана, закрепило состав и мандат Временной администрации страны во главе с Х.Карзаем на шестимесячный период. Состоявшаяся 10–21 июня 2002 года в Кабуле чрезвычайная Лойя джирга (традиционная общеафганская ассамблея) сформировала Переходную администрацию под председательством Х.Карзая, который получил президентские полномочия с правом принятия законодательных актов. Всеобщие выборы президента и парламента Афганистана намечены на июнь 2004 года. Этому должны предшествовать выстраивание вертикали государственной власти в центре и на местах, разоружение населения, формирование новых национальных вооруженных сил и правоохранительных органов, меры по социально-экономическому восстановлению страны, реформа системы правосудия, созыв в октябре 2003 года конституционной Лойя Джирги.

За прошедший период была проделана впечатляющая работа по выводу Афганистана из политической и экономической комы, однако большинство его главных проблем по-прежнему ждет своего решения.

В стране царит хозяйственная разруха, кабульское правительство фактически не контролирует положение в провинциях. В центре и на местах сохраняются трения по этническому, региональному и политическому признакам, медленно и противоречиво идет создание новой афганской армии. К этому следует добавить острые экономические и социальные проблемы и ухудшение криминогенной обстановки, вынужденные, в том числе и нерешенностью проблемы более полутора миллионов репатриированных беженцев, высоким уровнем безработицы.

Общая нестабильность усугубляется всплеском наркопроизводства в стране, объем которого, по данным ООН, составил в 2002 году порядка 3400 т опиума-сырца (эквивалент 340 т героина), т.е. 75% его мирового производства. По предварительным расчетам ООН, объем производства опиума-сырца в 2003 году может превысить 4 тыс. тонн. Предпринимаемые властями меры по борьбе с наркоиндустрией пока не дали сколько-нибудь ощутимых результатов.

Контрабанда наркотиков через Иран и Центральную Азию в другие страны СНГ, многие регионы Российской Федерации и далее в Европу, США, Канаду и Японию вызывает серьезнейшую озабоченность мирового сообщества. 22 мая 2003 года в Париже по инициативе Франции и при участии представителей более 50 государств состоялась конференция по вопросам наркотрафика из Афганистана. На конференции справедливо отмечалось, что наркоугроза тесно связана с проблемами организованной преступности и терроризма. Поэтому есть основания говорить не только о наркоугрозе как таковой, но и угрозе наркотерроризма. В самом Афганистане доходы от наркоиндустрии (около 1 млрд. долларов США в 2002 году) составляют основной источник финансовой подпитки экстремистских структур в стране и за ее пределами.

Невзирая на продолжающуюся антитеррористическую операцию коалиционных сил, в последнее время наблюдается заметное нарастание подрывной деятельности перегруппировавшихся остатков сил талибов, «Аль-Каиды» и прочих экстремистов. В Афганистане развернут 10-тысячный военный контингент США и их союзников по контртеррористической коалиции. В Кабуле дислоцируется почти 5-тысячная военная группировка многонациональных (18 государств) Международных сил содействия безопасности (МССБ), развернутых там по решению СБ ООН. Их базы и подразделения афганских правительственных войск регулярно подвергаются ракетным обстрелам и терактам со стороны вооруженных отрядов проталибских сил. В последние месяцы партизанские действия против властей и иностранных, прежде всего американских военных значительно активизировались и приобрели более организованный и систематический характер.

У афганцев, крайне чувствительных к присутствию в стране иностранных войск вообще, нарастает раздражение и в связи с нередкими ошибочными бомбоштурмовыми ударами коалиционных сил по

мирным жителям и объектам. Бурное недовольство вызывает также пренебрежительное отношение американских военнослужащих к местным традициям и религиозным чувствам людей в ходе периодических войсковых операций, облав и «зачисток» населенных пунктов. Протест против таких действий подталкивает часть жителей, в первую очередь пуштунов, к поддержке антиправительственных сил. Война в Ираке придавала дополнительный импульс к усилению среди афганцев антиамериканских настроений и расширению социально-политической опоры исламских экстремистов в Афганистане. Особенно напряженная обстановка в этом плане сложилась на востоке и юге страны, а также в ряде центральных районов.

На таком сложном фоне новым властям Афганистана приходится преодолевать тяжелейшие проблемы послевоенного обустройства, от решения которых зависит не только их собственное будущее, но и дальнейшая судьба самого государства. Приоритетными среди них являются создание дееспособной государственной власти, включая национальную армию и правоохранительные органы, и подъем экономики.

Органы государственной власти

Переходная администрация Афганистана (ПАА) провозгласила в качестве одной из первоочередных целей проведение глубокой реформы органов государственного управления в центре и провинциях. В настоящее время общий штат государственных служащих составляет порядка 300 тысяч человек. Наряду с изначально образованными в соответствии с Боннским соглашением 29 министерствами госаппарат оброс бесчисленным количеством комитетов и комиссий, которые зачастую дублируют деятельность профильных ведомств. Содержание бюрократического аппарата ложится неподъемным бременем на госбюджет страны, который определен на текущий финансовый год (начинается с 21 марта) в размере 550 млн. долларов США при дефиците в 350 млн. долларов (предполагается покрыть за счет иностранной помощи). Административный хаос открывает широкий простор для коррупции, местничества и кумовства, тормозящих развитие страны. ПАА пока еще тщетно пытается кардинально сократить госаппарат, оптимизировать его структуру и обуздать коррупцию. Кроме того, следует обратить внимание на то, что нередко власти на местах, прежде всего полевые командиры, не перечисляют в центр получаемые доходы, в частности, от таможен. Как отмечалось в СМИ, например в газете «Арман-е милийе», где приводится интервью Х.Карзая, власти отдельных провинций не перечисляют налоги в центр. На встрече с губернаторами 12 провинций, задолжавших казне более 400 млн. долларов, Х.Карзай заявил, что если ситуация не улучшится, то правительство не сможет эффективно работать.

Руководство Афганистана хорошо осознает необходимость решения проблемы эффективности государственного управления через

системную реформу и закрепление его фундаментальных основ в будущей конституции страны. В афганских политических кругах и общественном сознании в целом доминирует понимание целесообразности установления в стране республиканского строя. Однако вопрос о президентской или парламентской форме правления пока еще остается открытым. Насколько известно, глава ПАА Х.Карзай отдает предпочтение созданию сильной президентской власти и однопалатного парламента, который был бы неподконтролен региональным лидерам. Его оппоненты из религиозных партий и регионалов выступают за парламентское правление и ограничение полномочий главы государства. В этом контексте не лишним будет упомянуть и о том, что определенная часть в первую очередь пуштунского населения настойчиво выступает за реставрацию конституционной монархии.

В этом контексте весьма примечательным представляется заявление экс-короля М.Захир-Шаха о его готовности встать во главе государства, чтобы привести Афганистан к национальному примирению. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что заявки о выходе на политическую арену в той или иной форме сделали несколько объединений, общественных политических организаций и групп, большая часть которых практически не обладает реальной социальной базой.

Ключевым вопросом, от решения которого в конечном итоге будет зависеть облик и жизнеспособность обновляющейся афганской государственности, все же является обеспечение его полиэтничного характера. Афганистан – многонациональная страна, наибольшую часть населения составляют пуштуны, таджики, узбеки и хазарейцы. Наряду с ними там проживает более десятка других народностей. Последние два десятилетия внесли кардинальные изменения в социально-этническую ткань афганского общества, подорвали традиционное доминирование в государстве представителей пуштунов. На политическую сцену вышли организованные, в том числе и в военном отношении, представители таджиков, узбеков, хазарейцев и других этнических групп.

Достаточно упомянуть, что главной силовой опорой ПАА в Кабуле и ряде провинций являются вооруженные формирования бывшего антиталибского Объединенного фронта («Северный альянс»), укомплектованные таджиками. Непуштунские военно-политические группировки и региональные лидеры, сыгравшие решающую роль в смещении режима талибов-пуштунов, требуют правового закрепления адекватной роли для своих представителей во всех властных институтах. Из этого лагеря раздаются все более настойчивые призывы к возрождению Афганистана на федеративных началах. В свою очередь пуштуны, стремясь в максимально возможной степени восстановить свое привилегированное положение, добиваются сохранения унитарного характера государства.

Пока что это принципиальное противостояние не приобрело открытые формы и проявляется в попытках каждой из сторон усилить свои

позиции политическими и административными методами. В среде лидеров непуштунов, хотя и обладающих наиболее крупными и, по существу, регулярными вооруженными формированиями, сохраняются взаимные разногласия и недоверие. Пуштуны же разобщены по племенным, клановым и территориальным признакам. Противостояние проецируется и на ПАА, силовой блок которой контролируется преимущественно непуштунами, а экономический – представителями пуштунов. Если его не удастся уладить посредством разумных компромиссов и установления устойчивого баланса интересов, ситуация может выйти из-под контроля и поставить под угрозу целостность государства.

Другим острым вопросом общенациональной значимости является определение статуса ислама в жизнедеятельности государства, его соотношения со светскими нормами. Прозападное националистическое крыло ПАА, включая самого Х.Карзая, заинтересовано в ограничении роли духовенства в управлении государством. Другая часть политического истеблишмента Афганистана, состоящая преимущественно из деятелей «северян» и полевых командиров моджахедов (М.Фахим, Ю.Кануни, А.Достум, Исмаил Хан, К.Халили и другие), выступает с позиций «националистов-почвенников» в пользу нахождения разумного баланса между исламскими и светскими принципами. В то же время значительная часть бывших моджахедов поддерживает точку зрения лидеров клерикальных партий (Б.Раббани, А.Сайяф), ратующих за безусловный примат исламских норм. Столкновение интересов в этой сфере затормозило процесс реформирования системы правосудия Афганистана, поскольку Х.Карзай попытался радикально сократить число исламских теологов – членов соответствующей юридической комиссии при ПАА. Однако, судя по всему, главное «сражение» между сторонниками светской и исламской власти развернется, скорее всего, вокруг будущей конституции страны и в ходе последующих всеобщих выборов.

Вооруженные силы

В настоящее время в Афганистане отсутствуют единые национальные вооруженные силы в традиционном понимании этого термина. Основу силовой составляющей нынешнего режима образуют регулярные и полурегулярные вооруженные формирования, в первую очередь таджикские, бывшего «Северного альянса», возглавляемые нынешним министром обороны М.Фахимом – преемником покойного А.Ш.Масуда. 80-тысячная группировка этих сил контролирует Кабул, некоторые другие центральные районы, а также ряд северных и северо-восточных провинций. Таджики составляют костяк личного состава военизированных подразделений МВД Афганистана и спецслужб.

Часть севера и северо-запада страны находится под контролем узбекских этнических формирований А.Достума (15–20 тыс. чел.), которому приходится делить власть в регионе с таджикской и хазарейской группировками. Западные провинции являются вотчиной гу-

бернатора Герата Исмаил-хана, который опирается на местных этнических таджиков и лояльных пуштунов (их численность составляет порядка 20 тыс. чел.). Центральную провинцию Бамиан и анклавы в провинциях Балх, Саманган, Урузган и Вардак контролируют боевые отряды хазарейцев (около 15 тыс. чел.). Южные районы управляются губернатором Кандагара Г.А.Ширзаем (5 тыс. чел.) и конкурирующими с ним влиятельными представителями других местных пуштунских племен (примерно такой же численности).

Наиболее неопределенное положение сложилось на востоке страны, где отдельные районы удерживаются полевыми командирами и вождями пуштунских племен, обладающими собственными отрядами (от 100 до 1000 чел.). Самый крупный проправительственный гарнизон расположен в Джелалабаде (порядка 5 тыс. чел.).

К этому следует добавить, что практически во всех регионах существует множество местных небольших вооруженных формирований ополченцев (подобие отрядов самообороны). В целом же, по оценкам экспертов ООН, на руках населения имеется от 700 тыс. до 1 млн. единиц стрелкового оружия. В зависимости от своих интересов и политической конъюнктуры эти ополченцы и вооруженные люди могут примыкать к войскам того или иного регионального военачальника.

В таких условиях в середине 2002 года начался процесс создания новой афганской национальной армии и правоохранительных органов, ведущую роль в которых с согласия Переходной администрации и одобрения Миссии содействия ООН в Афганистане (СМООНА) взяли на себя США, Германия и Франция. Только США выделили на эти цели в 2002–2003 годах около 500 млн. долларов.

Уже на первом этапе создания афганской армии возник ряд проблем, вызванных принципиальными разногласиями в подходах к ее формированию. Изначально Минобороны Афганистана настаивало на том, чтобы численность новой армии составляла 200 тыс. человек, а полиции – 170 тыс. чел. Тем не менее по настоянию государств-доноров была разработана согласованная программа строительства вооруженных сил общей численностью 80 тысяч чел. (60 тыс. сухопутных войск, 8 тыс. ВВС и 12 тыс. пограничных войск), полиции – 50 тыс. чел.

Афганская сторона решительно отвергла попытки замены имеющегося оружия российского (советского) образца другими иностранными аналогами, исходя из того, что афганцы привыкли иметь дело с российским вооружением, которое отличается высоким качеством и относительной дешевизной.

Минобороны Афганистана не согласилось с предложениями США искусственно обеспечить так называемый «этнический баланс» среди личного состава вооруженных сил за счет резкого наращивания пуштунской и иной нетаджикской составляющих. Оно настаивает на том, что многонациональный характер силовых структур должен создаваться постепенно с учетом существующих в стране реалий.

Афганское военное руководство практически возражает и против стремления западных партнеров в форсированном порядке демобилизовать личный состав действующих регулярных вооруженных формирований. Оно считает целесообразным на данном этапе ускорить разоружение населения и роспуск иррегулярных отрядов. По его мнению, регулярные формирования в настоящий момент являются главным фактором, обеспечивающим внутреннюю безопасность страны и противостоящим реваншистским устремлениям проталибских сил. Кроме того, выделенные Японией средства (125 млн. долларов в 2003 году) на демобилизацию и реинтеграцию экс-комбатантов не в состоянии покрыть предполагаемые на эти цели расходы.

Достаточно веским аргументом в поддержку позиции афганцев является и то, что почти за год работы при иностранной помощи с трудом удалось сформировать в общей сложности всего 8 батальонов. Эти силы слишком малочисленны и неопытны для эффективного выполнения задач по обеспечению внутренней и внешней безопасности страны.

Россия, со своей стороны, считает оптимальным скорейшее создание новых афганских вооруженных сил, которые были бы способны взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение национальной безопасности страны. Она активно подключилась к этому процессу и в течение 2003 года безвозмездно предоставит Афганистану военное имущество и услуги (автотранспортные средства, средства связи, запасные части, горюче-смазочные материалы, топографические карты, ремонт авиатехники, подготовка офицерских кадров) на общую стоимость около 50 млн. долларов. Другие силовые ведомства России уже оказывают определенную техническую, методологическую и образовательную поддержку становлению правоохранительных органов и спецслужб Афганистана.

Важно отметить, что российское военно-техническое содействие осуществляется в соответствии с разработанной ПАА программой строительства вооруженных сил, поддержанной ООН и «восьмеркой». При этом российская сторона считает контрпродуктивными попытки навязывания афганцам методов и форм военного строительства, идущих вразрез с местными национальными традициями и существующими реалиями Афганистана.

Восстановление экономики

По оценкам Переходной администрации Афганистана, для восстановления экономики страны в ближайшие 5 лет понадобится до 20 млрд. долларов, в том числе на цели развития в 2003 году 1,7 млрд. долларов. В рамках решения токийской международной конференции по содействию государственному и экономическому возрождению Афганистана (февраль 2002 года) о выделении 4,5 млрд. долларов в прошлом 2002 году в страну по линии ООН и неправительственных организаций (НПО) было направлено почти 2 млрд. долларов.

Тем не менее, по мнению афганской стороны, практическая отдача от этих вливаний остается невысокой, что вызвано рядом причин. Во-первых, основная доля выделенных средств была израсходована не на проекты развития, а на покрытие гуманитарных нужд. Во-вторых, громоздкость механизмов освоения финансовой помощи через каналы ООН и НПО, нередкое дублирование в их деятельности приводят к снижению эффективности внешних инвестиций. Наряду с этим многие государства-доноры предпочитают направлять финансовую помощь через собственные национальные НПО, что не способствует развитию многосторонней кооперации. В-третьих, обращается внимание на то, что финансовый поток внешней помощи заметно «усыхает» на пути от источника до потребителя в результате высоких административных издержек, коррупции и прочих злоупотреблений.

ПАА настойчиво добивается оптимизации схемы учета и распределения помощи путем передачи ей права самостоятельно контролировать эти процессы. В интересах Кабула необходимо, чтобы целевые инвестиции в программы развития направлялись прежде всего на финансирование приоритетных проектов, определенных афганской стороной. Для этого при ПАА создан специальный орган – Администрация по координации помощи Афганистану, возглавляемая министром финансов.

Со своей стороны ПАА стремится также создать в стране благоприятный и прозрачный инвестиционный климат, всемерно стимулировать приток иностранного финансирования в экономику. В этих целях был принят новый закон об иностранных инвестициях. Однако отсутствие должного уровня внутренней безопасности, коррумпированность местной бюрократии удерживает многих иностранных инвесторов от активной работы на афганском рынке.

Главная ставка делается на максимальное стимулирование частного сектора, который должен обеспечить вывод экономики из разрухи. В этом контексте разрабатывается широкая программа приватизации объектов государственности в промышленности и сельском хозяйстве, минимизирования государственного вмешательства в экономику.

Предпринимаются усилия по расширению внутренних источников поступления в бюджет, которые в настоящее время обеспечиваются практически исключительно за счет таможенных сборов. В настоящее время они контролируются региональными властями, которые не спешат делиться доходами с центральным правительством. По оценкам Кабула, например, провинция Герат, собирающая таможенные пошлины в пределах 150–170 млн. долларов в год, в текущем 2003 году перечислила в центр всего 10 млн. долларов. Аналогично обстоят дела и в других приграничных регионах страны, что вынуждает ПАА добиваться форсированного проведения таможенной реформы.

ПАА выдвигает в качестве первоочередных задач восстановление и развитие дорожной инфраструктуры и реконструкцию топливно-

энергетического комплекса. В этом плане уже наметились положительные подвижки. Международный консорциум (США, Япония, Саудовская Аравия) взялся за крупный проект по реконструкции автодороги Кабул – Кандагар – Герат. ЕС, Азиатский банк развития совместно с другими донорами готовы профинансировать восстановление автотрассы Кабул – Мазари-Шариф – Герат. Реализация этих проектов позволит создать «большую кольцевую дорогу», которая соединит, по существу, все основные регионы страны и облегчит внутренний и внешний товарообмен.

Афганистан богат природными ископаемыми (газ, нефть, медная руда, редкоземельные металлы, драгоценные и полудрагоценные камни и т.д.), однако разработка этих ресурсов затруднена из-за отсутствия надлежащей промышленной, особенно горнодобывающей, инфраструктуры. Затягивается принятие афганскими властями закона о недропользовании, призванного закрепить юридические основы для деятельности инвесторов в этой сфере.

Россия неоднократно подтверждала заинтересованность в активном участии в международных усилиях по содействию экономическому восстановлению Афганистана в двустороннем и многостороннем форматах. Для этого имеются солидные предпосылки, поскольку в свое время при помощи Советского Союза в этой стране было сооружено порядка 140 промышленных, сельскохозяйственных и социально-культурных объектов. Восстановление или реконструкция многих из них способствовали бы ускоренному подъему экономики, поскольку в стране сохранились в целом афганские национальные кадры, обладающие навыками работы с советскими оборудованием и технологиями.

С учетом ограниченности собственных инвестиционных возможностей Россия призывает иностранных доноров к широкой многосторонней кооперации усилий в Афганистане. Сочетание российского опыта и апробированных в этой стране технологий с донорским финансированием позволило бы значительно повысить эффективность капиталовложений в афганскую экономику, существенно сократить период ее реабилитации. Российские проекты получили полную поддержку со стороны афганского руководства, в том числе в ходе мартовского 2003 г. рабочего визита в Кабул министра иностранных дел России И.С.Иванова. Однако, к сожалению, за редким исключением эти предложения не получили пока адекватной реакции со стороны большинства государств-доноров.

* * *

Афганистан переживает исключительно трудный и исторически ответственный период перехода от войны к миру и национальному возрождению. Результаты этого процесса связаны не только с внутренней стабильностью и будущим этого государства, но и напрямую затрагивают интересы общерегиональной и международной безопасности.

Исходя из этого, крайне необходимо сохранение приоритетного внимания к Афганистану со стороны мирового сообщества, наращивание международной поддержки обустройству этой страны. Особо важно при этом, чтобы все заинтересованные государства действовали на афганском политическом и экономическом поле как партнеры, а не соперники.

Руководствуясь такими соображениями, российская сторона предложила разработать под эгидой ООН комплексную стратегию противодействия афганской наркоугрозе, охватывающей весь цикл незаконного производства и оборота наркотиков, о чем было заявлено, в частности, министром иностранных дел РФ И.С.Ивановым на упоминавшейся выше международной конференции в Париже в мае 2003 г.

В более широком плане настало, видимо, время серьезно обсудить вопрос о созыве в рамках ООН международной конференции по всестороннему рассмотрению проблем, касающихся совершенствования многостороннего содействия государственному и экономическому становлению Афганистана.

ИРАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Отношения между соседними Ираном и Афганистаном традиционно – как минимум на протяжении двух с половиной веков существования афганской государственности – носили непростой характер. Иранская монархия, за которой стояли 2,5 тысячелетия истории взлетов и падений, всегда относилась к Афганистану как «младшему брату». Аналогичным было и восприятие иранцами афганцев, рассматривавшихся в Иране как люди «второго сорта». Сами афганцы – особенно персоязычная государственная и интеллектуальная элита – с одной стороны, считали себя частью персидской культуры, язык дари (при конституционном двуязычии с пушту) преобладал в официальном общении и переписке. Вместе с тем в подсознании афганцев всегда существовало опасливое отношение к иранскому «старшему брату», более сильному в военном и экономическом отношении. В основе региональной политики Кабула всегда находился баланс между Ираном и Пакистаном, который был и остается, несомненно, еще более сложным, чем Иран, соседом Афганистана.

До апрельского переворота 1978 года в Кабуле афганская проблематика не являлась внешнеполитическим приоритетом Тегерана, а основным спорным вопросом на протяжении десятилетий оставалось распределение водных ресурсов реки Гильменд. После событий 1978–79 гг. в Афганистане и исламской революции 1979 года в Иране ситуация в корне изменилась. К власти в Тегеране пришли исламские клерикалы, одним из основополагающих лозунгов которых являлся экспорт исламской революции. В этом плане соседний Афганистан, значительная часть населения которого связана с Ираном культурной, религиозной и языковой общностью, был благодатной почвой. В период советского военного присутствия в Афганистане в 1979–89 гг. иранская линия на поддержку моджахедов фактически шла в одном направлении с действиями Пакистана, США и других стран Запада, Саудовской Аравии.

После прихода к власти Движения талибов (ДТ), с самого начала не скрывавших своих антииранских настроений, Тегеран перешел к поддержке сил, которые вели борьбу против талибов. Антиталибский выбор Тегерана был обусловлен не только враждебным отношением выпускников ваххабитских медресе к сторонникам шиитского направления в исламе. Талибы, по сути, спровоцировали Тегеран, совершив в 1998 году захват генконсульства ИРИ в Мазари-Шарифе и убийство группы иранских дипломатов и журналистов. Свою роль сыграло и то

обстоятельство, что в антиталибском лагере оказались традиционные иранские союзники в Афганистане – персоязычные таджики и шииты-хазарейцы. Вслед за военным поражением хазарейской Партии исламского единства Афганистана иранцы сосредоточились на оказании военной и материально-технической помощи силам А.Ш.Масуда – единственного лидера антиталибского «Северного альянса», оказывавшего эффективное вооруженное сопротивление ДТ. После гибели А.Ш.Масуда в сентябре 2001 года иранцы приняли участие в усилиях по укреплению единства лидеров антиталибской коалиции и наращиванию всесторонней помощи Объединенному фронту (ОФ).

На дипломатическом треке Иран, выступая за ключевую роль ООН в афганском урегулировании, сотрудничал с миссией спецпредставителя генсекретаря ООН, конструктивно участвовал в работе «Группы 6+2».

Выступив с однозначным осуждением террористических актов в США 11 сентября 2001 года, Тегеран, вынужденный учитывать неурегулированность своих отношений с Вашингтоном, отказался открыто поддерживать операцию международной антитеррористической коалиции в Афганистане (по некоторым данным, имели место закрытые контакты и обмен развединформацией с США). Несмотря на это, большинство западных стран оценило позицию, занятую ИРИ после 11 сентября 2001 года, как конструктивную. Произошла активизация политических контактов Ирана со странами Евросоюза, Японией, впервые за последние годы заговорили о перспективе ирано-американской нормализации.

Иран поддержал усилия ООН и международного сообщества по постконфликтному политическому урегулированию в Афганистане. Иранцы содействовали достижению Боннских соглашений в декабре 2001 года и поддержали создание Временной администрации во главе с Х.Карзаем. 24–26 февраля 2002 года Х.Карзай посетил Тегеран с визитом.

Тегеран обозначил свое намерение принять участие в международных усилиях по экономическому восстановлению Афганистана. На Токийской конференции в январе 2002 года иранцы заявили, что их вклад составит 500 млн. долларов (правда, большая часть должна быть потрачена на нужды, связанные с репатриацией афганских беженцев из Ирана).

В первый постталибский период иранцы практически не скрывали, что отдают приоритет в Кабуле своим давним союзникам – панджширцам и хазарейцам. Однако после того, как такой курс, сопряженный с многоплановым содействием губернатору Герата Исмаил Хану, стал активно использоваться западными спонсорами Кабула в целях подрыва ирано-афганских отношений, несколько прямолинейная политика Тегерана в афганских делах стала приобретать определенную гибкость.

После выдвинутых американцами обвинений в поддержке Тегераном антикарзаевских сил иранцы предприняли ряд шагов, призванных продемонстрировать их поддержку Временной администрации. В частности, были закрыты представительства лидера Исламской партии Аф-

ганистана Г.Хекматьяра в Тегеране и Мешхеде, сам он был помещен фактически под домашний арест и затем выслан из ИРИ. 20 марта 2002 г. МИД Ирана опроверг утверждения директора ЦРУ США Дж.Тенета об укрывательстве в Иране талибов и членов «Аль-Кайды», сообщив о передаче иранскими властями посольствам ряда западных и арабских стран нескольких задержанных в Иране и подозревавшихся в связях с ДТ и «Аль-Кайдой» граждан этих государств.

Подтвердить поддержку Ираном центрального афганского правительства был призван состоявшийся 13 августа 2002 года визит президента ИРИ С.М.Хатами в Кабул. В ходе его переговоров с главой ПИГА Х.Карзаем обсуждались двусторонние отношения, помощь Ирана в экономическом восстановлении Афганистана, проблемы репатриации беженцев, объединение усилий в борьбе против международного терроризма и наркотрафика.

Свою экономическую помощь Иран главным образом направил на западные провинции Афганистана. По данным посольства Ирана в Кабуле, товарооборот между Ираном и провинцией Герат в 2002 году составил около 200 млн. долларов. Значительные инвестиции осуществляются в восстановление инфраструктуры Запада Афганистана, в частности дорожной сети. Только на строительство участка автомагистрали Догарун (иранская граница) – Герат (более 120 км) и обновление таможенного терминала в Догаруне иранцы выделили 43 млн. долларов. В июне 2003 года было объявлено о планах строительства в провинции Герат трех трубопрокатных заводов с использованием иранского коммерческого кредита в 12 млн. долларов.

В январе 2003 года в результате визита в Иран министра торговли Афганистана М.Каземи были подписаны двусторонние соглашения о торговле и транзите. Торговое соглашение регулирует порядок взаиморасчетов, предусматривает создание торгпредств при посольствах обеих стран, участие в торговых выставках, оказание консульской поддержки предпринимателям. Соглашение о транзите в полной мере должно заработать в 2004 году, когда иранская сторона планирует завершить реконструкцию автомагистрали, связывающей порт Чахбахар с пограничным городом Догарун.

В ходе этого же визита состоялись трехсторонние афгано-ирано-индийские переговоры, завершившиеся подписанием двух меморандумов. Первый предусматривал меры по расширению взаимной торговли и снижению на 90% таможенных пошлин, второй – создание базовых условий для транзита по территории трех стран, включая меры по созданию транспортного коридора Чахбахар – Милак – Зарандж – Диларам. В рамках меморандума Иран подтвердил свое обязательство восстановить мост через р.Гильменд и построить пятикилометровую дорогу до Заранджа. Индия предоставила технико-экономическое обоснование 250-километрового шоссе Зарандж-Диларам при стоимости проекта в 60 млн. долларов.

Тема **многосторонней «транзитной дипломатии»** в целом является весьма популярной и в Тегеране, и в Кабуле и активно разрабатывается дипломатиями обеих стран. Важным событием регионального масштаба стал состоявшийся в июне 2003 года в Тегеране саммит с участием президентов Афганистана, Ирана, Таджикистана и Узбекистана. Итогом стало подписание двух трехсторонних документов: афгано-ирано-узбекского соглашения о международных транспортных направлениях и соглашения о транзитном сообщении между Афганистаном, Ираном и Таджикистаном. Два документа предусматривают создание магистрального сообщения из Узбекистана (через Термез – Хайратон – Мазари-Шариф – Шиберган – Маймана – Герат – иранская граница) и Таджикистана (через порт Ширихан – Кундуз – Мазари-Шариф и далее) с перспективой выхода на иранские порты в Персидском заливе.

Активно работая на западе Афганистана, иранский бизнес пытается закрепиться и на общенациональном афганском рынке. На это было направлено проведение в конце мая 2003 года в Кабуле первой иранской торгово-промышленной выставки. Среди участников выставки были представители более 140 иранских компаний, работающих в таких отраслях, как машиностроение, в том числе автомобильное, сельскохозяйственное, дорожно-строительное, легкая и пищевая промышленность, стройиндустрия, фармацевтика.

В мае 2003 года крупнейший иранский автомобильный концерн «Иран Ходроу» заявил о намерении начать широкомасштабный экспорт автомобилей в Афганистан, а также содействовать созданию в перспективе собственного афганского автомобилестроения.

Иран стремится сыграть роль регионального координатора международной помощи реконструкции Афганистана. Это, в частности, проявилось в ходе состоявшейся в октябре 2002 года международной выставки-ярмарки в Мешхеде, посвященной восстановлению Афганистана. В выставке приняли участие представители девяти стран, в том числе Великобритании, Германии, Франции, Италии, Турции, ОАЭ, международных организаций, а также около 400 иранских компаний.

Элементы двойственности содержатся в иранских подходах к **планам региональной транспортировки энергоносителей**. Тегеран формально приветствует идею строительства трансафганского газопровода (ТАГ) из Туркменистана в Пакистан. Одновременно иранцы активно лоббируют фактически альтернативный ТАГ проект газопровода Иран-Пакистан-Индия, представляя его как более безопасный и экономически обоснованный.

Попытки оказания Ираном **помощи в сфере образования** порой воспринимаются некоторыми представителями кабульской администрации – видимо, не без подсказки западных советников – как «идеологическая диверсия». Так, осенью 2002 года в провинцию Нимруз было доставлено 90 тыс. школьных учебников, собранных в Иране по

инициативе всемирно известного иранского кинорежиссера М.Мохмальба-фа (он, кстати, содействовал созданию афганским режиссером, директором «Афганфильма» С.Бармаком фильма «Усама», получившего в 2002 году премию Каннского кинофестиваля). Практически все учебники были изъяты из афганских школ подразделениями американского спецназа и заменены пакистанскими учебниками на языке урду. Несмотря на это, как признают афганские власти, в подавляющем большинстве школ западных провинций Афганистана дети осваивают грамоту по иранским учебникам за неимением других.

Важнейшее направление «афганской» политики Тегерана связано с **необходимостью противостоять потоку наркотиков**, поступающих из Афганистана в Иран и далее на европейские рынки. За последние 20 лет в ирано-афганском приграничье в борьбе с наркодельцами погибло более 3300 сотрудников сил охраны правопорядка (СОП) и военнослужащих ИРИ. Согласно статистике, 25% наркотиков захватывается в ходе боевых столкновений с наркодельцами. Наиболее серьезное беспокойство иранских властей вызывает криминогенная обстановка в приграничных с Афганистаном провинциях Хорасан, Керман, Систан и Белуджистан, где наркоторговцы активно используют методы террора, в том числе похищение людей, а также подкуп должностных лиц для обеспечения контрабанды наркотиков.

Как сообщил в августе 2002 года представитель МВД ИРИ М.А.Рахмани, по данным Международной службы по контролю за наркотиками, 80% опия и 90% морфина, конфискованного в мире, приходится на Иран, где 2 млн. человек официально признаны либо наркоманами, либо употребляющими наркотики периодически. В 2001 году иранские власти арестовали более 300 тыс. наркоторговцев и контрабандистов, в основном из Афганистана, а на борьбу с потреблением и распространением наркотиков ежегодно правительство ИРИ тратит более 800 млн. долларов.

Несмотря на предпринимаемые меры, уровень потока наркотиков из Афганистана не снижается. Количество перехваченных в 1-м квартале 2002 года иранскими силовыми ведомствами наркотиков осталось на уровне соответствующего периода 2001 года.

В последнее время иранской стороной принят целый ряд мер по повышению эффективности борьбы с наркотрафиком. Продолжается сооружение систем инженерной защиты границы с Афганистаном. Расположенные вдоль нее части СОП усилены подразделениями армии и Корпуса стражей исламской революции. В августе 2002 года Иран приступил к формированию специальных пограничных бригад. В июне 2003 года было заявлено о создании дополнительно 25 иранских пограничных застав на границе с Афганистаном.

Все больший акцент в борьбе с афганским наркобизнесом иранцы делают на мерах по замещению посевов наркосодержащих растений другими сельскохозяйственными культурами. На проведение этих

мероприятий в 2002 году в провинциях Фарах, Гильменд и Нимруз иранским правительством выделено 3 млн. долларов.

Целый комплекс проблем в ирано-афганских отношениях связан с **пребыванием в Иране большого количества афганских беженцев**. Наибольшее число официально зарегистрированных беженцев из Афганистана было зафиксировано в Иране в 2001 году, когда их количество составило 2 349 068 человек. Еще около 250 000 афганцев проживало на тот момент в Иране незаконно. При этом следует отметить, что количество афганских иммигрантов в Иране было всегда традиционно высоким, однако до 1978–79 гг. причины эмиграции афганцев в более развитый Иран были в основном экономическими. С 1978 по 1995 год показатели притока афганских беженцев в Иран, официально въехавших в страну, колебались от 6855 человек в 1987 году до 24831 человека в 1984 году. Рекордных показателей поток беженцев достиг в годы правления в Афганистане Движения талибов, политика которого вынуждала представителей национальных меньшинств Афганистана искать убежища от репрессий в соседних странах. Число официально въехавших в Иран в 1996–2001 гг. и зарегистрированных властями ИРИ афганцев выглядит следующим образом: 1996 г. – 38415 чел.; 1997 г. – 48570 чел.; 1998 г. – 67342 чел.; 1999 г. – 99108 чел.; 2000 г. – 243663 чел.; 2001 г. – 22447 чел.

На этнический состав афганских беженцев в Иране влияли не только такие политические моменты, как пропущенная политика талибского режима, но и естественные факторы языковой, религиозной и культурной близости. Так, по данным иранской статистики, в 2002 году среди афганской диаспоры в Иране 29,92% составляли таджики, 29,81% – хазарейцы и лишь 9,5% – пуштуны.

С устранением режима талибов в Афганистане, формированием переходного правительства и началом оказания международной гуманитарной и экономической помощи этой стране сложилась благоприятная ситуация для репатриации афганских беженцев, в том числе и из Ирана. Власти ИРИ, для которых затянувшееся пребывание афганских беженцев на территории своей страны стало серьезнейшей социально-экономической проблемой, приложили большие усилия для организации процесса репатриации. 3 апреля 2002 года в Женеве было подписано трехстороннее соглашение между правительствами Ирана, Афганистана и Управлением Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН, устанавливавшее параметры гарантированной добровольной репатриации афганцев из ИРИ. С марта 2002 по март 2003 гг. было запланировано вернуть на родину 400 тыс. афганцев.

Одновременно МВД Ирана по согласованию с УВКБ ООН установило 11 августа 2002 года в качестве даты, после которой афганцы, не прошедшие регистрацию в рамках программы репатриации, будут задерживаться иранскими правоохранительными органами и затем депортироваться в Афганистан. С учетом большого наплыва желав-

ших зарегистрироваться афганцев указанный срок был перенесен на 27 августа 2002 года. После этой даты иранские власти приступили к насильственной репатриации нелегальных иммигрантов. Так, в начале ноября 2002 года в Исфгане было арестовано более 700 афганцев, которые были переправлены в миграционные лагеря на востоке Ирана и затем депортированы в Афганистан.

По данным УВКБ ООН, с марта по ноябрь 2002 года число беженцев, выехавших из Ирана в Афганистан, составило более 330 тыс. человек, из которых 246,7 тыс. человек вернулись добровольно в рамках ооновской программы. К марту 2003 года количество репатриантов из Ирана приблизилось к запланированной цифре в 400 тыс. чел. В июне 2003 года иранская сторона заявила, что в ИРИ остается еще около 1,9 млн. афганских беженцев.

16 июня 2003 года в Тегеране было подписано второе трехстороннее соглашение между Ираном, Афганистаном и УВКБ ООН, призванное регулировать процесс добровольной репатриации афганцев из ИРИ до марта 2005 года. По некоторым данным, второе соглашение было вызвано принятым иранскими властями в мае 2003 года решением форсировать репатриацию, объявив подавляющее большинство беженцев нелегальными иммигрантами (соответствующее заявление было сделано начальником Управления по делам беженцев МВД ИРИ А.Хосейни 27 марта 2003 года). Подчеркнув добровольный характер репатриации, соглашение предоставило УВКБ ООН право свободного доступа к беженцам как в Иране, так и после их возвращения в Афганистан. УВКБ обязалось продолжить предоставление репатриантам медицинской помощи и услуг по их транспортировке из Центров добровольной репатриации (ЦДР). На территории Ирана функционирует 10 ЦДР, расположенных в Тегеране (два), Мешхеде, Захедане, Куме, Исфгане, Кермане, Ширазе, Йезде и Араке.

Традиционным раздражителем отношений между Кабулом и Тегераном при всех режимах оставалась **проблема распределения вод реки Гильменд**. Спор вокруг использования водных ресурсов был частично решен в 1973 году, когда тогдашние власти Афганистана и Ирана заключили соглашение, согласно которому Афганистан обязался на постоянной основе выпускать из своих водохранилищ в русло реки Гильменд каждую секунду 26 кубических метров воды. Соглашение в целом выполнялось до прихода к власти талибов, которые в 1999 году перекрыли шлюзы водохранилища. В результате иранское озеро Хамун и впадающий в него приток Гильменда река Хирманд практически пересохли. К 2002 году в приграничных с афганской провинцией Гильменд районах Ирана участились песчаные бури, 124 деревни Систана и Белуджистана оказались под слоем песка, были уничтожены пастбища и сельскохозяйственные угодья.

В результате договоренности, достигнутой во время визита президента Ирана С.М.Хатами в Кабул в августе 2002 года, Афганистан в

октябре того же года после трехлетнего перерыва открыл доступ воды из водохранилища Каджаки в реку Гильменд. Официальный представитель иранского МИД Х.Р.Асефи 29 октября 2002 года публично выразил удовлетворение этим шагом афганской стороны и выразил надежду, что впредь соглашение 1973 года будет выполняться. Однако вскоре, уже в начале ноября 2002 года, афганцы вновь перекрыли доступ воды в Гильменд, объяснив, что открытие шлюзов было произведено на временной основе из гуманитарных соображений. В общественно-политических кругах Ирана действия афганских властей были встречены критически, причем высказывались предположения, что прозападная кабульская администрация перекрывает доступ водных ресурсов в Иран под давлением американцев. Так или иначе, до сих пор традиционно омрачавшая ирано-афганские отношения проблема распределения водных ресурсов остается нерешенной и дает афганским властям рычаг давления на Иран.

Несомненно, омрачающим двусторонние отношения фактором остается **иранская поддержка губернатора Герата Исмаил Хана**, не делающего тайны из своего стремления к автономизации от Кабула. Иран не скрывает, что «львиная доля» средств, обещанных Афганистану на Токийской конференции, будет использована для восстановления и развития западных и юго-западных провинций Герат, Фарах и Нимруз. Иран начал восстановление ирригационных систем в Герате, реконструкцию автодороги Догарун – Герат. Планируется создание в этих провинциях совместных предприятий в области легкой, пищевой и химической промышленности. Не забывает Тегеран и об идеологическом факторе: за прошедшие полтора года в Герат, Нимруз и Фарах активно поставлялись напечатанные в Иране школьные учебники, канцтовары для школ.

Последовательную антииранскую работу с руководством ПАА проводили и проводят американцы. Формально признавая позитивную роль Тегерана в свержении талибов и достижении Боннских соглашений, Вашингтон постоянно обвиняет иранцев в предоставлении убежища на своей территории остаткам талибов и аль-кайдовцев. Ситуация усугубилась в мае-июне 2003 года, когда Кабул, не без подачи американских и ооновских советников, начал кампанию по выстраиванию властной вертикали путем ограничения властных полномочий региональных лидеров. 20 мая 2003 года Х.Карзай вызвал в Кабул 12 наиболее влиятельных губернаторов и пригрозил им уйти в отставку, если его усилия по подчинению провинций центру потерпят поражение. Находясь под сильным политическим и психологическим давлением, участники встречи, среди которых были Исмаил Хан, лидер северных узбеков А.Р.Достум, губернаторы Кандагара Г.А.Ширзай, Нангархара Дин Мохаммад и др., подписали решение Совета безопасности Афганистана. В соответствии с ним региональные лидеры брали на себя ряд обязательств, в частности, прекратить призыв в незакон-

ные вооруженные формирования и несанкционированные Центром боевые действия, а также наладить перевод в центральный бюджет средств, получаемых от таможенных сборов. Для выполнения решения СБ в Герат выехал неформальный лидер «афганских реформаторов», известный своей проамериканской ориентацией министр финансов А.Г.Ахмадзай. В результате проведенной им с местными авторитетами и населением Герата работы удалось добиться перевода в центральный бюджет почти 20 млн. долларов США.

Пуштунско-прозападное крыло ПАА при поддержке своих иностранных покровителей продолжило фронтальное наступление на Исмаил Хана. Международные правозащитные организации (в том числе «Хьюман райтс уотч») опубликовали ряд докладов, в которых говорилось о массовых нарушениях прав человека в провинции Герат, приводились факты проведения губернатором Герата политики насилия, незаконных арестов, тюремных пыток и репрессий. В июне 2003 года в Герате было организовано покушение на профессора Гератского университета А.Лудина, занимавшего пост заместителя министра юстиции в правительстве М.Дауда и рассматривающегося в качестве наиболее вероятного преемника Исмаил Хана на посту губернатора Герата. После неудавшегося покушения А.Лудин покинул Герат, заявив, что вернется туда вместе с правительственной комиссией по расследованию инцидента. После состоявшегося 16 июня 2003 года заседания Кабинета министров Афганистана, на котором обсуждались кадровые изменения в рамках начатой административной реформы, появилась информация о скором официальном назначении А.Лудина губернатором Герата.

Иранцы внешне спокойно реагировали на события вокруг Исмаил Хана и в открытых комментариях даже говорили о необходимости выполнения решений Совбеза Афганистана, продиктованных интересами сохранения единства афганского государства. Вместе с тем очевидно, что Тегеран не устроит такой вариант, при котором в приграничном с ИРИ Герате к власти будет приведен прозападный политик, который наверняка если не свернет активные связи провинции с Ираном (это является маловероятным, поскольку запад Афганистана географически «обречен» на тесные торговые и транспортные связи с Ираном), то не позволит иранцам превратить этот обширный регион в плацдарм своего влияния в Афганистане. В настоящее время трудно предсказать варианты возможных действий Тегерана в отношении событий в Герате, однако появившиеся сообщения иностранных, в частности пакистанских, СМИ об активизирующихся иранских поставках оружия и боеприпасов Исмаил Хану для возможного ведения «партизанской» войны против нового руководства провинции не представляются далекими от истины.

Выход американских войск на афгано-иранскую границу в Тегеране рассматривают как непосредственную угрозу собственной наци-

ональной безопасности. 31 октября 2002 года, еще в период активной подготовки операции в Ираке, министр обороны Ирана А.Шамхани заявил, что «если американцы будут находиться в Ираке и Афганистане, мы (иранцы) столкнемся с целой комбинацией вызовов». В Иране убеждены, что рассуждения официальных американских представителей о временном и ограниченном сроками антитеррористической операции характере пребывания войск США в регионе являются не чем иным, как дипломатическим прикрытием планов постоянного военно-политического и экономического присутствия Вашингтона на Среднем Востоке и в Центральной Азии. Создание авиабаз НАТО в Киргизстане, Узбекистане, строительство американского аэродрома в провинции Нимруз, намеченный на осень 2003 года переход командования МССБ в Афганистане к НАТО убеждают Тегеран в правильности этих предположений.

После успешной операции англосаксонской коалиции по устранению режима С.Хусейна в Ираке Вашингтон не скрывает, что следующим звеном в цепи действий по устранению негодных Вашингтону режимов является Иран. Для изменения строя в Иране США вряд ли будут прибегать к использованию военной силы. В данном случае гораздо более эффективной может оказаться постоянная угроза применения силы в условиях практического окружения Ирана силами США и НАТО. Как показали события мая-июня 2003 года, в действие запущен план по обеспечению международной изоляции Ирана и расшатыванию исламского режима изнутри. Критическое рассмотрение ядерной программы Ирана в МАГАТЭ, непрекращающиеся американские обвинения в адрес Тегерана в поддержке террористов – от ливанской «Хизбаллы» до «Аль-Кайды», предложения Великобритании о введении санкций Евросоюза против Ирана, интенсивная пропаганда иранских эмигрантских центров против исламского режима, организация антиправительственных студенческих выступлений в Тегеране и других городах ИРИ, подключение к пропагандистской кампании сына покойного шаха Ирана Реза Пехлеви III – все это части плана, нацеленного на изменение государственного строя в Иране. В этой ситуации можно ожидать, что Тегеран, вынужденный уделять все больше сил и средств на нейтрализацию антииранской линии Вашингтона и стабилизацию внутренней обстановки, будет постепенно снижать внимание к Афганистану. Вместе с тем каким бы ни был результат антииранской кампании США и какой бы режим ни пришел на смену исламской республике, Афганистан останется зоной жизненных интересов Тегерана.

ПАКИСТАН И АФГАНИСТАН: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

На протяжении своего существования теснейшим образом были связаны между собой Пакистан и его северный сосед Афганистан. Афганское направление было, есть и останется одним из приоритетных направлений внешней политики Исламабада, и его роль невозможно недооценивать. Без Пакистана нельзя представить и будущее Афганистана, слишком тесно переплетены взаимоотношения и интересы этих двух стран.

Огромное взаимовлияние, оказываемое друг на друга, периоды активного сотрудничества и охлаждения в отношениях, обоюдные интересы – все это было на протяжении довольно короткого временного периода.

По известной теории цивилизаций С.Хантингтона исламские государства Афганистан и Пакистан должны находиться в одном «лагере» на мировой арене, отношения их всегда должны иметь характер тесного сотрудничества и достижения общих целей. Однако история взаимоотношений этих двух государств настолько противоречива и сложна, что практически опровергает эту теорию.

Отношения между ними развивались крайне неравно: были и периоды резкого обострения, вплоть до вооруженных конфликтов на границе и разрыва отношений, были и времена нормализации и плодотворного сотрудничества. Столь непростой характер отношений между этими соседями обусловлен рядом факторов, прежде всего «проблемой Пуштунистана».

Возникла она еще до появления независимого пакистанского государства и досталась ему по наследству от колониального периода. Как известно, в конце XIX в. английские власти провели границу между Британской Индией и Афганистаном по так называемой «линии Дюранда», которая разделила проживающие на северо-западе субконтинента пуштунские племена на две примерно равные части. Когда встал вопрос о создании Пакистана, афганская правящая элита безуспешно пыталась добиться пересмотра «линии Дюранда». Поэтому в составе Пакистана оказались все заселенные пуштунами земли, входившие в колониальную Индию, а «линия Дюранда» превратилась в фактическую границу между двумя соседними государствами. Афганистан решительно протестовал против этого и был единственным государством, которое осенью 1947 г. голосовало против приема Пакистана в ООН. Афганские правящие круги практически не признавали существования государственной границы с Пакиста-

ном по «линии Дюранда», поддерживали борьбу пакистанских пуштунов за создание независимого Пуштунистана. В свою очередь и Пакистан оказывал помощь оппозиционным элементам в Афганистане. Противники правящих режимов в Афганистане и Пакистане находили политическое убежище в соседнем государстве. Нерешенная проблема афганских беженцев, несколько миллионов которых проживает в Пакистане более 20 лет, также влияет на отношения между Кабулом и Исламабадом.

Еще одним из важных факторов, приобретших в последнее время особенное звучание, стало отношение Пакистана к движению «Талибан», его роль в организации этого движения и связанная с этим проблема талибанизации самого Пакистана.

Отношение Пакистана к Афганистану напрямую влияло и продолжает влиять на отношение к Исламабаду мирового сообщества. Особенно это стало более значимо после терактов 11 сентября в США и начала антитеррористической операции в Афганистане.

Лишь согласовав окончательно свои позиции по этим и другим ключевым вопросам, страны смогут выйти на качественно новый уровень отношений.

Так, в связи с обострением пуштунской проблемы в сентябре 1961 г. последовал разрыв афгано-пакистанских дипломатических отношений. Нарушение традиционных торговых связей причинило обеим странам и серьезный экономический ущерб.

Уже в начале 1963 г. в результате проведенных переговоров, были достигнуты соглашения о восстановлении дипломатических, торговых и иных отношений между Афганистаном и Пакистаном. В это же время пакистанский президент М.Айюб-хан выступил с идеей создания афгано-пакистанской конфедерации, что, разумеется, не было принято афганской стороной. В последующие годы афгано-пакистанские отношения носили более или менее ровный характер. Подобное течение было резко нарушено революционным переворотом в Кабуле в апреле 1978 г. и последующими событиями.

Пакистан признал новое правительство в соседней стране (5 мая 1978 г.). Его руководители заявили, что происшедшее в Афганистане – это его внутреннее дело, и что Пакистан будет продолжать развивать с ним двусторонние отношения¹. Видя растущие трудности кабульского режима, Исламабад стал активно склонять его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы и решения таким образом вопроса о Пуштунистане. Отсюда – настойчивое стремление Пакистана к расширению связей с Афганистаном, демонстрация искренности своих призывов к взаимовыгодному двустороннему сотрудничеству.

Уже в сентябре 1978 г. Афганистан посетил глава исламабадского режима генерал М. Зия-уль-Хак. В декабре того же года во время визита в Кабул одного из пакистанских министров было решено создать

совместную комиссию для развития торговли между двумя странами. В сентябре 1979 г. состоялась встреча афганского лидера Н.М.Тараки и М.Зия-уль-Хака в Гаване во время Конференции руководителей неприсоединившихся государств. На проходившей в Кабуле в мае 1979 г. международной конференции министров промышленности развивающихся стран Пакистан выразил готовность оказать Афганистану содействие в подготовке кадров и направить своих специалистов в различные отрасли промышленности². Объем торговли между двумя странами в 1978/1979 г. значительно превосходил соответствующие показатели за предшествующие годы³. Значительными были дипломатические контакты на различном уровне. Трудно представить, до какой степени пакистанцам, пользуясь исключительно тяжелым положением правительства Амина, удалось склонить его к выгодному для Пакистана решению вопроса о государственной границе. По свидетельству очевидцев событий, в Исламабаде были уверены в готовности афганских властей признать «линию Дюранда» в качестве официальной границы между двумя государствами⁴. Можно представить раздражение и ярость Исламабада, когда удачное для него течение событий оказалось прерванным из-за происшедших в Кабуле в конце декабря 1979 г. государственно-политических перемен и ввода советских войск.

Поведенческая линия Пакистана в отношении Афганистана изменилась существенным образом. Теперь основная задача состояла в максимальной жесткой конфронтации с кабульским режимом, в широкой и всесторонней поддержке афганской оппозиции, обеспечении ее победы и установлении в этой стране дружественного для себя режима. В рамках решения этого главного вопроса предполагалось урегулирование проблемы Пуштунистана, а также обеспечение прочного тыла в борьбе с основным противником Пакистана – Индией.

Пакистан занял самую жесткую позицию в отношении пришедшего к власти в конце 1979 г. режима во главе с Б.Кармалем. Он не признал новое правительство Афганистана и прервал с этой страной дипломатические отношения. Миллионам афганских беженцев было предоставлено политическое убежище. На территории Пакистана были созданы базы и лагеря по подготовке военных формирований афганской оппозиции. Они обеспечивались доставляемым из-за границы оружием. В пакистанском городе Пешаваре обосновались штабквартиры основных политических партий и организаций, выступавших против кабульского режима. Здесь же в феврале 1988 г. оппозицией было создано временное правительство Афганистана. Пакистан сделался таким образом главным плацдармом для ведения войны против афганских властей и поддерживающих их советских войск. Использовали этот плацдарм не только афганцы, но и многие муджахеды из других, главным образом арабских стран, включая известного террориста Усаму бен Ладена.

На международной арене Пакистан стал одним из основных инициаторов действий, направленных против кабульского правительства. В январе 1980 г. Исламабад потребовал срочного созыва Совета Безопасности для обсуждения «афганского вопроса». По инициативе Пакистана и Саудовской Аравии в течение месяца была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения «положения в Афганистане». В дальнейшем на ежегодных сессиях Генеральной Ассамблеи пакистанские представители играли активную роль в принятии резолюций, направленных против правящих в Кабуле сил. Такую же роль играл Пакистан и в других международных организациях.

Поддерживая афганскую оппозицию в целом, Исламабад в то же время упор делал на фундаменталистскую группировку «Хезбе ислами» (Исламскую партию Афганистана), возглавляемую Г.Хекматьером. Подобная ориентация совпадала с линией США в афганском вопросе. Для Пакистана крайне важным было то, что данная организация провозглашала приоритет ислама над всеми другими ценностями и в меньшей мере была подвержена националистским настроениям. Она была идейно родственна ведущей фундаменталистской организации Пакистана «Джамаат-и ислами», которая играла важную роль в политической жизни Пакистана в 80-е годы – в период правления Зия-уль-Хака, настойчиво проводившего политику исламизации в Пакистане. Наконец, следует иметь в виду, что в то время группировка Г.Хекматьера являлась наиболее значительной военной силой.

Курс Пакистана в отношении Кабула обеспечил ему большие политические, экономические и прочие выгоды. Повысилась значимость Пакистана на международной арене. Роль «прифронтового государства», активная вовлеченность в конфликт, который приобрел глобальное значение, сделали Пакистан важным действующим лицом мирового масштаба. Никогда до этого Пакистан не играл столь значительной роли в международных делах на макроуровне. Исключительно благоприятным было отношение к Пакистану со стороны западных стран, международных финансово-экономических организаций. Была резко увеличена разнообразная помощь Пакистану, поставки оружия. Возродился военно-экономический альянс Пакистана и США. Вашингтон после свержения шахского режима в Иране сделал Пакистан основным проводником своих интересов в регионе. В 1981 г. было подписано американо-пакистанское соглашение о предоставлении Пакистану в течение пяти лет военно-технической помощи в сумме 3,2 млрд. долл. По истечении данного срока, в 1987 г. было принято решение о новом американском займе на шесть лет в размере 4,02 млрд. долл. (57% общей суммы составляла экономическая помощь, остальные средства шли на поставки оружия на весьма льготных условиях). Пакистан значительно укрепил свои позиции в исламском мире. На многих международных форумах, включая Генеральную Ассамблею ООН, Па-

кистан выступал в качестве представителя мусульманских стран. Значительно расширились его связи с такими странами, как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и др., которые щедро предоставляли Пакистану финансовую и экономическую помощь. Афганская проблема приносила исламабадским властям и большие выгоды внутреннего порядка. Помощь «борцам за веру» в какой-то мере легитимизировала военный режим Зия-уль-Хака, способствовала продлению его существования⁵. Всякие непопулярные действия властей (повышение налогов, увеличение военных расходов и др.) оправдывались «чрезвычайными условиями», «ситуацией на границах Пакистана»⁶.

Однако политика в отношении Афганистана имела для правящих кругов Пакистана и отрицательные последствия. В стране усиливалась инфляция, росли цены, увеличивался внешнеторговый дефицит. Быстро росла внешняя задолженность Пакистана: к 1983 г. она составила 12 млрд. долл.⁷ Серьезные проблемы экономического, социального, политического и даже экологического порядка возникли в результате пребывания на пакистанской территории большого числа афганских беженцев (свыше 3 млн. человек). В местах их размещения происходили столкновения между ними и местными жителями из-за земли, пастбищ, водоемов. Пользуясь разного рода льготами, афганцы успешно конкурировали с местными жителями в различных сферах хозяйственной жизни и даже вытесняли их из таких отраслей, как транспорт, производство ковров и т.д. Все это осложняло внутреннюю политическую ситуацию в стране. Необычайной остроты достигла проблема наркомании, до этого практически не существовавшая в Пакистане. Он превратился в одного из основных участников международной контрабандной торговли наркотиками. Наконец, Пакистан оказался буквально наводнен оружием. Наличие огромного пространства нестабильности у северо-западных границ Пакистана негативно влияло на политическую ситуацию в стране, особенно в пуштуно-белуджских районах.

Конкретным проявлением всех отмеченных обстоятельств явилась непоследовательность Исламабада в отношении переговорного процесса с Кабулом. Первые годы он отвергал какие-либо переговоры, но затем (в 1982 г.) согласился на такие переговоры в Женеве при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН. Первоначально Пакистан стремился свести эти переговоры к достижению соглашения о выводе советских войск из Афганистана, однако затем принял комплексный характер формулы, включающей обязательства Пакистана о невмешательстве во внутренние дела своего соседа (кстати, перед самым концом переговоров, в начале 1988 г., Исламабад попытался оказать давление на Кабул в отношении проблемы государственной границы, поставив ее решение в качестве условия подписания уже готовых документов, но эта попытка не увенчалась успехом). На заключительном этапе подготовки Же-

невских соглашений президентская группировка сделала попытку сорвать подписание подготовленных документов. Возникшие внутри пакистанского правящего блока расхождения по этой проблеме явились одной из причин острого политического кризиса в стране и увольнения в отставку правительства М.Х.Джунеджо.

После того как Женевские соглашения вступили в действие (май 1988 г.), и в соответствии с ними осуществился вывод советских войск из Афганистана (февраль 1989 г.), был пройден важный рубеж по достижению основной стратегической цели Пакистана. Следующим этапом в этом движении становится приход к власти в Афганистане муджахедов. Поэтому провозгласив «преемственность» курса в отношении Афганистана, новые пакистанские правительства Беназир Бхутто (ноябрь 1988 – август 1990 гг.) и Наваза Шарифа (октябрь 1990 – июль 1993 гг.) продолжали оказывать поддержку афганской оппозиции, что было нарушением принятых Пакистаном в соответствии с Женевскими соглашениями обязательств о прекращении и невозобновлении вмешательства в дела Афганистана.

С падением в апреле 1992 г. правительства М.Наджибуллы и захватом муджахедами Кабула был пройден еще один этап по реализации стратегического плана Исламабада. (Весьма показательно, что сразу же после этого события состоялась поездка в Кабул Наваза Шарифа.)

Сразу же после взятия Кабула в стране победителей развернулась ожесточенная вооруженная борьба за преобладание, за власть, за ключевые государственные посты. Вступив в Кабул, муджахеды поделили его на зоны контроля, поступив также затем и со всей территорией страны. Постоянно создавались и рушились направленные друг против друга коалиции бывших «борцов за веру».

В такой ситуации пакистанское руководство предприняло меры по примирению противников, одновременно оказывая поддержку своему протезе – Г.Хекматьяру⁸. Многие пакистанские деятели – как официальные, так и отставные генералы, руководители фундаменталистских партий (как, например, лидер «Джамаат-и ислами» Казн Хусейн Ахмед) – приезжали в Афганистан, пытались примирить вчерашних союзников «во имя исламской солидарности». Им удалось добиться прекращения огня между войсками Г.Хекматьяра и президента Б.Раббани в феврале 1993 г., а генерал А.Достум присоединился к кабульскому правительству лишь после того, как побывал в Исламабаде.

Вскоре, однако, стало очевидным, что в существующих в Афганистане условиях невозможно не только установление в стране дружественного Пакистану режима, но и вообще прекращение вооруженных конфликтов. А именно в этом Пакистан был теперь больше заинтересован, чем прежде. В изменившихся международных условиях афганский конфликт утратил свой глобальный характер, а Пакистан соответственно потерял былую значимость для Запада, следствием чего явилось резкое сокращение ему материальной помощи. США с 1990 г.

прекратили военную и почти всю экономическую помощь Пакистану. А последнему приходилось по-прежнему нести большие расходы на содержание беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую пламенем гражданской войны родину, на поддержку различных афганских группировок. Огромное пространство нестабильности, в течение длительного периода времени существующее в непосредственной близости от Пакистана, оказывало негативное воздействие на его внутреннее положение. Многие террористические акты в стране имели «афганский след». Попытки пакистанских властей удалить из страны наиболее экстремистски настроенных муджахедов не увенчались успехом и лишь обострили ситуацию. Огромный поток контрабанды и наркотиков наносил ущерб экономике, другим сферам жизни пакистанского общества, его международному положению.

Заинтересованность Исламабада в мирном урегулировании ситуации в Афганистане усилилась после важных геополитических изменений в регионе, прежде всего связанных с появлением новых независимых государств в Центральной Азии. Географическое положение Пакистана дает ему важное преимущество как кратчайшего и удобного пути для центральноазиатских стран к побережью Индийского океана. Однако обстановка в Афганистане не позволяла Пакистану воспользоваться этим преимуществом. Многочисленные договоры и соглашения о прокладке железнодорожных и шоссейных магистралей, нефте- и газопроводов из Центральной Азии через Афганистан в Пакистан оставались не реализованными. Длительное состояние неурегулированности в Афганистане могло лишить Пакистан прямого выхода в Центральную Азию; основные магистральные линии пройдут в стороне от него, и он окажется отрезанным от рынков центральноазиатского региона.

Потребность в скорейшем и благоприятном для себя решении афганского конфликта и невозможность достижения этого при существовавшем тогда раскладе военно-политических сил заставили Пакистан серьезно изменить свою линию в отношении внутренней ситуации в Афганистане: Исламабад практически отказался от поддержки своих бывших афганских союзников и сделал ставку на новое действующее лицо в афганской трагедии – Движение «Талибан», появлению которого в 1994 г. он активно содействовал. Костяк этого движения составили учащиеся («талибы») религиозных школ в Пакистане для афганских беженцев. Среди талибов – немало бывших муджахедов, оставшихся и находившихся на действительной службе пакистанских военных⁹.

Естественно, в наибольшей степени обострились отношения между Исламабадом и Кабулом. Администрация Б. Раббани, основной противник талибов, возложила на Пакистан всю ответственность за действия талибов и обвинила его во вмешательстве в ход гражданской войны в Афганистане. 6 сентября 1995 г. в Кабуле было разгромлено посольство Пакистана. Вслед за этим Пакистан закрыл

свою дипломатическую миссию в Кабуле и отозвал персонал; из страны была выдворена большая группа афганских дипломатов – сотрудников посольства Афганистана в Исламабаде и консульств в Карачи, Кветте, Пешаваре. На территории Пакистана были закрыты представительства афганских группировок, выступающих на стороне президента Б. Раббани.

С момента выхода талибов на политическую арену Афганистана им удалось достичь крупных военных успехов. Под их контролем оказалось почти 90% территории страны, включая Кабул, взятый в сентябре 1996 г. Все это время Пакистан оказывал движению «Талибан» всестороннюю помощь, как материальную, так и политическую; объем торговли между двумя странами после прихода в Кабул талибов значительно возрос¹⁰. Эмиссары Исламабада вели настойчивую работу с руководителями различных афганских группировок, склоняя их к поддержке талибов. По свидетельству некоторых иностранных экспертов, пакистанские спецслужбы проводили работу по развалу антиталибской коалиции, в частности по изоляции А.Достума от других участников коалиции и усилению генерала А.Малика, и в определенной мере способствовали известным событиям в мае 1997 г. в Северном Афганистане, которые обеспечили тогда талибам военный успех¹¹.

После падения Кабула представители Пакистана на разного рода международных форумах призывали оказать поддержку новому руководству Афганистана, стремились обеспечить его представительство в различных организациях, прежде всего в ООН, или, по крайней мере, старались добиться отстранения от работы в них представителей Б.Раббани. Высшей формой политической поддержки движения «Талибан» следует считать официальное признание Пакистаном 27 мая 1997 г. правительства талибов. Исламабад рассчитывал, что этот его шаг, как и аналогичные действия Саудовской Аравии и ОАЭ, побудит другие страны, во всяком случае, исламские, сделать то же. Однако этого не произошло, и больше ни одна страна не признала правительства талибов. Пакистан оказался в весьма неприятной изоляции. Грубое нарушение прав человека в Афганистане, покровительство властей международному террористу У. бен Ладену, крайний экстремизм талибов, широкий размах наркобизнеса на их территории практически свели на нет бывшее расположение к ним Вашингтона, усилили негативное отношение со стороны мирового сообщества.

Так, пакистанская газета «Ньюс» писала: «Исламабад предпочел идентифицировать себя с обскурантистским режимом и оказывать поддержку этому режиму, который, хотя и контролирует значительную часть страны, не смог ни установить в ней мир, ни создать хотя бы видимость современного, хорошо функционирующего управления. Это привело к большому ущербу для Пакистана в дипломатической области, создав напряженность с Ираном, с большинством центральноазиатских республик и Россией»; все это, по мнению газеты, повело к изо-

ляции Пакистана в регионе, ослабило его позиции в противостоянии с Индией¹². Усиление талибов содействовало укреплению милитаристских настроений в Пакистане, росту политического влияния армии, ослаблению конституционно-парламентских институтов, что в конечном итоге в комплексе с другими факторами привело к взятию власти верховной пакистанских вооруженных сил в октябре 1999 г.

Постоянная напряженность в Афганистане негативно сказывалась на внутренней ситуации в Пакистане. В стране осталась основная масса беженцев (ок. 2 млн. человек), деятельность которых по-прежнему наносила серьезный ущерб социально-экономической жизни Пакистана. Богатые беженцы скупали в городах дома, теснили на рынках местных торговцев, рядовые переселенцы занимались контрабандной торговлей наркотиками и оружием, кражами и грабежами. Попытки пакистанских властей добиться какого-либо контроля над приграничной торговлей, вытеснить из страны чужаков не увенчались успехом и только осложнили обстановку. В целом постоянная связь с бурлящим афганским котлом вносила большой «вклад» в усиление нестабильности в Пакистане, результатом которой явились следующие один за другим политические кризисы, падения правительств, роспуски парламента.

Успехи талибов – носителей экстремистского ислама – содействовали росту в Пакистане исламистских сил. Власти отступали под их напором, в законодательном порядке вводя те или иные традиционные положения. Военный переворот, роспуск парламента в октябре 1999 г. прервал находившийся на завершающей стадии процесс объявления шариата основным законом страны. Однако в северо-западных районах Пакистана, где формировались подразделения талибов и где их влияние особенно значительно, шариатский закон фактически был введен. Одновременно в стране резко возрос исламский радикализм, усилилась деятельность экстремистских организаций, что стало важной составляющей политической ситуации в стране. Религиозно-коммуналистские организации требовали превратить Пакистан в «подлинно» мусульманское государство, установить государственно-правовую систему, подобную той, которая существовала у талибов в Афганистане.

Поскольку талибы представляют суннитское направление ислама, то их успехи содействовали радикализации исламизма в Пакистане именно в суннитской форме, росту экстремистских суннитских группировок и расширению их разрушительной деятельности, направленной против пакистанских шиитов. Естественно, это вызвало с их стороны ответную реакцию. Все это сопровождалось резким обострением суннитско-шиитского противостояния, кровавыми столкновениями между ними и многочисленными жертвами, среди которых были и иранские граждане, находившиеся в Пакистане. Надо также иметь в виду, что движение «Талибан» в этническом плане было по преиму-

ществу пуштунским. Его успехи содействовали росту пуштунского национализма в Пакистане, осложняя тем самым и межнациональные отношения в стране.

Волна насилия в Пакистане особенно поднялась осенью 1999 г. Пакистанские власти объявили о причастности к этому боевиков, проникших из соседнего Афганистана, где они прошли соответствующую подготовку в лагерях на территории, подконтрольной движению «Талибан». Исламабад довел до сведения своих союзников – талибов – «серьезную озабоченность» по поводу участия афганских боевиков в террористических актах в Пакистане и решительно призвал руководство «Талибана» ликвидировать центры боевой подготовки террористов на подконтрольной ему афганской территории¹³. Негативное воздействие афганской ситуации на внутривнутриполитическое положение в Пакистане усиливало политическую нестабильность в этой стране и содействовало смене власти. Хотя официально руководство «Талибан» заявило, что военный переворот в Пакистане – внутреннее дело этой страны, в Кабуле выражалась уверенность в укреплении «братских отношений с Пакистаном». Международные исламские организации, базирующиеся в Афганистане, включая окружение У. бен Ладена, приветствовали военный переворот в Исламабаде и расценили действия новых властей как шаг к созданию «подлинного исламского режима», что может привести к объединению «мусульманских земель Афганистана и Пакистана».

Вовлеченность Пакистана в афганские дела серьезно влияла и на его международные позиции. Исламабад, как отмечалось выше, поддерживал с Кабулом дипломатические отношения. В Пакистане находилось посольство Исламского Эмирата Афганистан, в Пешаваре – его генконсульство. В этом же городе был расположен центр движения «Талибан», который проводил работу по формированию отрядов, направляемых в Афганистан; именно Пешаварский центр талибов сыграл важную роль в организации их движения. Исламабад и Кабул поддерживали друг друга по проблемам, имеющим важное значение для каждой из стран. Руководство талибов осудило Индию за ядерные испытания в мае 1998 г., заявив, что Пакистан имел полное право ответить на этот вызов. Кабул полностью поддержал Исламабад во время пакистано-индийского вооруженного конфликта в Кашмире летом 1999 г. По некоторым данным, талибы участвовали в боевых действиях против индийских войск.

Для афганской администрации тесные связи с Пакистаном были чрезвычайно важны, поскольку они в определенной мере легитимизировали кабульский режим. Пакистан являлся главным представителем Кабула в мировом сообществе, выразителем его интересов на международной арене. Он доводил до членов сообщества точку зрения Кабула по тем или иным вопросам, усиливал его голос в информационном пространстве. Пакистан поддерживал талибов и по мно-

гим конкретным вопросам. Так, Исламабад осудил проведенный США 20 августа 1998 г. ракетный обстрел предполагаемых мест расположения баз боевиков У. бен Ладена на территории Афганистана. Намерение Совета Безопасности ООН ввести режим ограничений против Кабула в случае отказа выдать международного террориста У. бен Ладена вызвало заявление Исламабада о том, что Пакистан против любых санкций и считает их «контрпродуктивными».

Линия Пакистана в отношении кабульской власти во многом зависела от внешних обстоятельств. Ситуация в этом плане осложнилась, когда ухудшились отношения США с движением «Талибан». Исламабад, естественно, не мог не учитывать этого момента. Обстановка особенно обострилась, когда Вашингтон стал настойчиво требовать от Кабула выдачи У. бен Ладена. При этом американцы потребовали от Пакистана, чтобы он оказал соответствующее давление на талибов. Заверения Пакистана, что он не обладает таким влиянием на Кабул, американской стороной не принимались. Пакистан, таким образом, оказывался в положении, вызывающем недовольство обеих сторон. Острые, конфронтационные отношения Афганистана с Ираном, чуть не доходившие до вооруженного конфликта, заставляли Пакистан в определенной степени дистанцироваться от позиции своих союзников. Что касается талибов, то их отношение к Исламабаду прежде всего зависело от их успехов в борьбе за власть в Афганистане. По мере побед пакистанское влияние уменьшалось, талибы становились более самостоятельными и менее управляемыми, чем в период неудач. Исходя из своих интересов, в т.ч. и необходимости создания соответствующего международного имиджа, Исламабад выступал за введение полного эмбарго на поставку оружия всем противоборствующим афганским группировкам, за решение афганской проблемы путем образования правительства на широкой коалиционной основе. Это не соответствовало интересам талибов, поскольку претворение в жизнь данных предложений делало невозможным достижение главной цели – установление своего единовластия по всей стране. Естественно, это не могло не отражаться на их отношениях с Исламабадом.

Осложнение отношений между руководством «Талибана» и Исламабадом происходило в связи с тем, что на талибов усиливалось влияние международного исламского радикализма, и их поведение становилось все более экстремистским, тогда как Пакистан стремился сохранить имидж умеренного мусульманского государства. Исламабад выступил против таких варварских действий талибов, вызвавших негодование в мире, как разрушение статуй Будды в Бамиане, приказ проживающим в Афганистане индуистам носить на рукаве оранжевую повязку, запрет пользоваться интернетом, резкое ограничение прав женщин и др.

Исламабад неоднократно доводил до сведения Кабула «серьезную озабоченность» по поводу участия афганских и пакистанских боевиков в

террористических актах в Пакистане и призывал руководство «Талибана» ликвидировать центры боевой подготовки террористов «для Пакистана» на подконтрольной ему территории. «Талибан» отказал в просьбе Китая, поддержанной Пакистаном, не принимать в ряды боевиков уйгуров из Синьцзяня. В Афганистане скрывались от пакистанского правосудия несколько десятков человек, подозреваемых в организации террористических актов в Пакистане. Крайнее недовольство в Исламабаде вызвало то, что из-за неговорчивости талибов остался нереализованным суливший большие выгоды проект прокладки газовой, а затем и нефтяной магистрали из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее – в Индию. Но самое главное заключалось в том, что талибы, несмотря на весь свой исламский фундаментализм, безразличный к национальным перегородкам между «правоверными», проявили себя пуштунскими националистами и не признали, как, впрочем, и все предыдущие афганские правительства, «линии Дюранда» в качестве государственной границы между двумя соседними странами, чего всегда добивался Исламабад. К тому же в Пакистане оставалось несколько миллионов афганских беженцев, что тяжело сказывалось на и без того расстроеной пакистанской экономике. В стране продолжала распространяться наркомания.

Талибы отказались избавиться от У. бен Ладена и отвергли все предложения Пакистана сделать свою политику более приемлемой для мирового сообщества. Руководство «Талибана» все больше подпадало под влияние бен Ладена и его международной террористической организации «Аль-Каида».

Афганская политика Пакистана, преследуя главную цель – установление в Афганистане дружественного режима, мало зависела от того, кто осуществляет власть в Исламабаде. Поэтому после военного переворота в октябре 1999 г. и установления правления военных во главе с командующим сухопутными силами генералом П. Мушаррафом политика в отношении Афганистана практически не изменилась. Новый пакистанский режим, как и прежде, являлся главным представителем Кабула на международной арене, выразителем его интересов. Он доводил до членов мирового сообщества точку зрения Кабула по тем или иным вопросам, предоставлял место для важных международных форумов по афганской проблеме, помогал налаживанию контактов талибов с заинтересованными странами и лицами.

Новые пакистанские власти, обязавшиеся выполнять решения Совета Безопасности от 15 октября 1999 г. о введении санкций против талибов, в то же время расценили это решение как несправедливое, контрпродуктивное, лишь усиливающее «гуманитарную трагедию народа Афганистана». Новое решение Совета Безопасности от 19 декабря 2000 г. о введении военного эмбарго против Кабула Пакистан рассматривал как «одностороннее», как наказание только одного участника конфликта и как результат «отсутствия беспристрастности со стороны ООН». Одновременно продолжались и военные формы

сотрудничества с талибами. Многие пакистанские политические и религиозные партии подвергли резкой критике ООН, которая «в отношении Афганистана ведет жесткую линию, забывая при этом о реализации своих решений по Кашмиру и Палестине». Особое недовольство вызвало намерение разместить в Пакистане наблюдателей ООН для контроля за соблюдением санкций в отношении Афганистана. Раздавались призывы к всеобщему сопротивлению этим «принудительным мерам со стороны ООН».

Талибы ответили на введение санкций тем, что стали отвергать всякое участие ООН в попытках достичь мира. Они были против присутствия представителей ООН на любых переговорах. Практически были закрыты все представительства ООН в Афганистане, а также прекращена гуманитарная деятельность организаций (медицинских, продовольственных и т.д.), если они были каким-то образом связаны с ООН. В условиях усиливавшейся международной изоляции талибов, все большее значение для них приобретал Пакистан как средство выхода за созданный ими же «железный занавес».

Пакистан был самым близким союзником Афганистана в силу разных обстоятельств – исторических и культурных связей, близости пуштунов обоих государств. Многие из них имели «за границей» родственников, часто навещали их, поддерживали постоянные контакты. Видимо, не только государственно-политическими мотивами объясняется тот факт, что лидер талибов, пуштун Мулла Мухаммад Омар не был ни в одной стране мира, кроме Пакистана. Талибский Афганистан был крайне заинтересован в Пакистане, особенно по мере усиления международной блокады. Пакистанские спецслужбы, в частности, могущественная ОВР, имели с талибами давно наработанные связи. Находясь в определенной мере под влиянием «Талибана», они изыскивали возможности поставок на север оружия и боеприпасов, материальной помощи, вооруженных боевиков с помощью фундаменталистских организаций, особенно таких, как «Харакат уль-Муджахедин», «Лашкар-и-Джанги» и др. Ежегодно в различных пакистанских или афганских городах происходили закрытые встречи и совещания представителей «Аль-Каиды» и талибов с руководством наиболее экстремистских пакистанских военизированных организаций. Участвовали в них и лидеры террористических группировок из Центральной Азии, например, Исламского движения Узбекистана. В январе 2001 г. в знаменитом пакистанском религиозном учебном заведении «Хаккания» основные исламистские партии Пакистана сформировали Совет в защиту Афганистана. В него вошли примерно 30 религиозно-политических партий для оказания разносторонней помощи талибам. Среди первых решений совета был призыв к бойкоту американских товаров.

Пакистан предоставлял талибам и другую помощь, но, пожалуй, наиболее существенной в то время была политико-дипломатическая

поддержка Исламского Эмирата, особенно на фоне ее ослабления другими странами, даже такими, как Саудовская Аравия и ОАЭ. Уже отмечалось, что Исламабад, по сути, представлял интересы талибского режима на мировой арене, осуществлял необходимые ему дипломатические контакты. Эта функция особо стала важной, когда «Талибан» отказался от всяких связей с ООН. В Пакистане озвучивались официальные заявления руководителей Кабула. Так, первая реакция талибов на решение ООН о санкциях в декабре 2000 г. поступила из Исламабада. На международной конференции богословов в начале апреля 2001 г. в Пешаваре было распространено обращение М.Омара, в котором он называл ООН «инструментом Вашингтона» и призвал все исламские страны покинуть эту международную организацию. Функция представительства талибов Исламабадом на международной арене была существенно ограничена трудным положением на мировой арене самого Пакистана, в которое он попал в результате испытаний ядерного оружия, Каргильского вооруженного конфликта с Индией, прихода к власти военных, а также союзнических отношений с талибами. В некоторых международных организациях было приостановлено его членство. Резко сократилось число иностранных государственных визитов. Руководители многих государств старательно объезжали столицу Пакистана стороной. В таких условиях сотрудничество с талибами компрометировало Пакистан, и он старался уменьшить его, сделать менее заметным. Оставались отмеченные выше проблемы в отношениях Исламабада с талибами.

У последних также были претензии к своему соседу. Исламабад обвинялся ими в недостаточной помощи своему союзнику, в излишнем следовании «антиафганскому курсу США», в недружественном отношении к «гостю» Афганистана У. бен Ладену. В апреле 2001 г. руководство Кабула официально предъявило Исламабаду жалобу на плохое обращение с афганскими беженцами в этой стране. В послании указывалось, что в Карачи, Пешаваре и Кветте афганские беженцы подвергаются всевозможным преследованиям со стороны местных властей. В плохом обращении с беженцами обвинялись и пакистанские пограничники.

После 11 сентября 2001 г. резко изменился ход событий в регионе, была создана мощная антитеррористическая и антиталибская коалиция государств, в рядах которой оказался и Пакистан.

Изменение афганской политики было для Пакистана далеко не простым делом. Вчерашние друзья и союзники становились врагами, а с прежним врагом – Северным альянсом – надо было налаживать отношения, так же как и стоящими за ним Индией и Ираном. Нужно было позаботиться и о внутренней обстановке в стране, ибо подобная быстрая смена ориентиров вызвала сильнейший взрыв недовольства мусульманского населения Пакистана.

Поэтому переход на новые позиции Исламабад осуществил не сразу. Он еще пытался отделить талибов от У. бен Ладена и его «Аль-Каиды» и тем самым спасти первых. Вскоре после 11 сентября в Афганистан были посланы 2 делегации – официально-государственная и духовных лиц. Они вели переговоры с политическими лидерами и религиозными деятелями Кабула, буквально умоляя их понять серьезность ситуации и избавиться от столь сильного раздражителя США, тем самым предотвратив «акцию возмездия» против самих талибов. Но все было напрасно. Талибы вновь и вновь отказывались выдворить бен Ладена.

После этого пакистанцы пытались в какой-то мере уберечь талибов от полного разгрома и ослабить значение Северного альянса. Была выдвинута идея о привлечении к власти так называемых «умеренных талибов», которые заменят старое, негибкое, неспособное ни к каким переменам руководство движения «Талибан». В какой-то мере эту идею поддержали США, которые также не хотели единовластия Северного альянса. В западной прессе много говорилось о тайном пребывании в Пакистане в октябре представителей «умеренных талибов» во главе с В.Мутаваккилем и о встрече их с находившимся тогда там госсекретарем США К. Пауэллом. В дальнейшем Пакистан и США, опасаясь усиления Северного альянса, выступали против взятия ими Кабула до создания новой власти, а затем – за его демилитаризацию. Обе страны при образовании временной афганской администрации прилагали усилия по ослаблению в ней позиций Северного альянса. Пакистан после краха талибов и неудач с привлечением «умеренных талибов» держал курс на усиление позиций пуштунов. Он поддержал бывшего короля Захир Шаха и положительно отнесся к утверждению главой временной афганской администрации одного из пуштунских лидеров Хамида Карзая.

Пакистанское правительство стремилось также установить контакты и с другими афганскими политическими группами, прежде всего с наиболее сильной из них – Северным альянсом. В ходе конференции в Бонне представители основных политических сил Афганистана (конец ноября – начало декабря 2001 г.), где формировалась временная афганская администрация, П.Мушарраф заявил о поддержке создания в Афганистане правительства на широкой основе и о признании Северного альянса и всех групп, входящих в него.

Снижение уровня политического влияния Пакистана в Афганистане после падения режима талибов, а также ряд нерешенных проблемных вопросов заставляет Исламабад сосредотачиваться на **экономической составляющей двусторонних отношений**. Видимо, это чувствуют и в Кабуле. Нынешнее афганское правительство, безусловно, заинтересовано в развитии политико-дипломатических отношений, но и дальнейшее укрепление торгово-экономических связей между двумя странами является необходимым условием восстано-

ления Афганистана (не имея выхода к морю, Афганистан крайне заинтересован в использовании пакистанского порта Карачи).

Стремление Исламабада участвовать в процессе восстановления соседнего государства обусловлено не только вовлеченностью в афганские дела, необходимостью налаживания добрососедских отношений с Афганистаном и желанием восстановить пошатнувшиеся позиции, но и тем, что это открывает перед ним перспективы широкого сотрудничества с западным миром и освобождение от тяжелых финансово-экономических и торговых ограничений. Эти надежды во многом оправдались уже сразу после того, как Пакистан примкнул к антитеррористической коалиции. Так, в конце сентября 2001 г. Дж.Буш объявил о снятии санкций с Пакистана и Индии. Тем самым Вашингтон продемонстрировал приоритет борьбы с терроризмом по отношению к проблеме нераспространения ядерного оружия. США объявили об отсрочке выплаты процентов по пакистанскому внешнему долгу и предоставили несколько льготных займов. В Пакистане начал работать Импортно-экспортный банк США. Америка открыла свои рынки для пакистанской продукции. Вслед за США соответствующие шаги сделали и другие доноры Пакистана – Япония, Канада, МВФ и др. В результате улучшилось финансово-экономическое положение страны. Несколько сократилось число афганских беженцев. Стали рассматриваться планы прокладки нефте- и газопроводов из Ирана и Туркменистана в Пакистан через Афганистан. В свою очередь, Исламабад оказывал антитеррористической коалиции значительную поддержку. Он блокировал поставки в Афганистан нефтепродуктов, прекратил транзитную торговлю, заморозил банковские счета высокопоставленных талибских деятелей, военных командиров, духовных лиц. Была закрыта граница с Афганистаном (насколько это возможно, учитывая ее длину – около 2500 км и сложный характер местности). Было налажено сотрудничество американских и пакистанских спецслужб: информация пакистанской разведки была крайне полезной, поскольку эта разведка долгие годы сотрудничала с талибами, а ЦРУ, хорошо знавшее ситуацию в Пакистане, «наводило» его контрразведчиков на деятелей, так или иначе связанных с исламистами. В начале 2002 г. имел место крупный успех совместной акции двух спецслужб: задержание в Пакистане второго по значению человека в «Аль-Каиде» Абу Зубейды.

Сегодня Пакистан не просто внимательно отслеживает процессы экономического возрождения Афганистана, но и пытается активно на них влиять. Неоднократно в заявлениях пакистанских политических деятелей красной нитью проводилась идея того, что залогом успеха является восстановление экономики страны, практически полностью разрушенной за годы войны. Активный участник Токийской конференции в январе 2002 г., Пакистан обещал выделить 100 млн. долларов на экономическое восстановление Афганистана. Он также предложил

помощь в восстановлении финансовой инфраструктуры и подготовке банковского персонала Афганистана. Пакистан приветствовал проведение переходным правительством Афганистана денежной реформы и оценил ее как весьма успешную.

Активизация Пакистана в направлении экономического содействия Афганистану обусловлена также желанием Исламабада, используя выгодное географическое положение, стать своего рода «транзитным коридором» на пути международных финансовых инвестиций в Афганистан. Пакистан рассчитывает на привлечение иностранных капиталовложений в такие сферы, как развитие инфраструктуры, в том числе транспортной. Поэтому Исламабад крайне заинтересован в том, чтобы основные финансовые потоки в рамках международной помощи Афганистану проходили именно через его территорию.

Интенсификация торгово-экономических отношений между Пакистаном и Афганистаном в последнее время обсуждается на всех официальных встречах представителей двух стран. Так, этому вопросу уделялось основное внимание в ходе государственных визитов руководителей Афганистана и Пакистана, в том числе и первого визита Х.Карзая в Пакистан в феврале 2002 г. и визита П.Мушаррафа в Афганистан в апреле того же года.

Во время визита в Пакистан Х.Карзай призвал «забыть прошлые обиды и начать новую эру сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном». В том же духе прошел и ответный визит П.Мушаррафа, когда стороны подтвердили политическую решимость развития тесных связей, что, в частности, подкреплялось планами по налаживанию транзитной торговли, участием Пакистана в восстановлении инфраструктуры и энергосистемы соседнего государства¹⁴.

Активный обмен визитами на уровне министерских делегаций способствовал обсуждению многих торгово-экономических вопросов и принятию важных для обеих стран решений. Большую роль в этом сыграл состоявшийся в конце февраля 2002 г. визит в Пакистан министра финансов Временной администрации Афганистана Х.А.Арсала, который провел несколько встреч с министром финансов и министром иностранных дел Пакистана Ш.Азизом и А.Саттаром. Главное внимание было сосредоточено на обсуждении вопросов развития двусторонних торгово-экономических связей и транзитной торговли. В мае 2002 г. было возобновлено воздушное сообщение между Пакистаном и Афганистаном. Символическим было то, что первым рейсом в Пакистан прибыла делегация Временной администрации Афганистана во главе с министром торговли М.Каземи. Во время его встреч с министром торговли Пакистана Р.Даудом и председателем бюро содействия экспорту Т.Икрамом обсуждались вопросы двусторонних торгово-экономических отношений, в том числе и транзитной торговли. Р.Дауд отметил, что Пакистан рассматривает тесные экономические связи с Афганистаном как чрезвычайно важный для обеих сторон фактор. В свою очередь

М.Казими подчеркнул, что Кабул ожидает активного участия пакистанских деловых кругов в программах восстановления страны. В конце августа 2002 г. Пакистан посетили министр иностранных дел Афганистана А.Абдулла и министр финансов М.Гхани, которые провели встречи с П.Мушаррафом, министрами внутренних дел М.Хайдером и торговли Р.Даудом. Большим прорывом стала договоренность о возобновлении работы совместной пакистано-афганской экономической комиссии. Эта комиссия объединяет 20 пакистанских и афганских компаний, занимающихся сотрудничеством в таких областях, как газоснабжение, строительство цементных заводов в Афганистане, восстановление ирригационной системы и др.¹⁶

В ходе визита в Кабул в сентябре 2002 г. представитель пакистанской торговой делегации предложил подписать Соглашение о свободной торговле, подразумевавшее проведение единой тарифной политики и содействие транзитной торговле. В свою очередь представлявший на переговорах афганскую сторону министр иностранных дел А.Абдулла выступил с инициативой выработки механизма расширения двустороннего экономического сотрудничества. Также стороны договорились о необходимости урегулирования разногласий по Соглашению о транзитной торговле 1965 г., подчеркнув, что контрабандный реэкспорт товаров через афгано-пакистанскую границу наносит многомиллионные убытки экономикам обеих стран. Детально был обсужден проект строительства трансафганского газопровода из Туркменистана в Пакистан. В ходе встречи на высшем уровне лидеров Афганистана, Пакистана и Туркменистана в Ашхабаде 26–27 декабря 2002 г. было подписано соглашение о строительстве этого газопровода. Это соглашение существенно усиливает экономические позиции Пакистана в Центральной Азии. Определенную выгоду для Пакистана представляет и то, что Азиатский банк развития в своей программе на 2002–2006 гг. предусмотрел выделение 1,5 млн. долл. на финансирование этого проекта, а также около 200 млн. долл. на реконструкцию дорог вдоль границы с Афганистаном.

На первом заседании пакистано-афганской межправительственной комиссии, состоявшемся 29 марта 2003 г. в Кабуле, министр финансов Ш. Азиз объявил о том, что обещанная Пакистаном в Токио финансовая помощь Афганистану является безвозмездной. Была также достигнута договоренность о распределении этих 100 млн. долл.: на различные нужды по усмотрению Переходного Исламского Государства Афганистан – 20 млн.; строительство дорог – 20 млн.; на развитие телекоммуникаций и водоснабжение – 10 млн.; сельское хозяйство – 8 млн.; образование – 10 млн.; на промышленность, гражданскую авиацию, энергетику и экологию – 8 млн.; здравоохранение – 10 млн.; подготовку квалифицированных кадров – 2 млн. и пр. цели.

Уже в апреле 2003 г. прибыв с двухдневным визитом в Исламабад, Х.Карзай в беседе с премьер-министром Пакистана М.З.Х.Джамали

высоко оценил уровень торговых связей между странами, заявив, что «торговля между Пакистаном и Афганистаном находится на подъеме, и за прошедшие 9 месяцев пакистанский экспорт в Афганистан составил 220 млн. долл., а афганский соответственно 35 млн. долл.»¹⁵. Особое внимание было также уделено состоянию транзитной торговли, сотрудничеству двух стран в банковской сфере. Министр финансов Пакистана Ш.Азиз подчеркнул, что за последние месяцы транзитная торговля увеличилась на 40% (с 5,6 млн. долл. до 8,8 млн.), а двусторонние экономические отношения набирают обороты. Он заверил, что пакистанские инвесторы будут вкладывать средства в афганскую экономику и помогать в создании специальных промышленных зон в этой стране¹⁶.

Было также принято решение о сокращении числа товаров, запрещенных к беспослинному транзиту в Афганистан. Пакистан уже уменьшил стоимость их перевозок и снизил плату за их хранение в своих портах.

По данным официальной статистики, рост торгового оборота между Пакистаном и Афганистаном за последние три с половиной года составил: 156,2 млн. долл. в 1999–2000 гг., 169,6 млн. долл. в 2000–2001 гг., 192,2 млн. в 2001–2002 гг., а за первые девять месяцев текущего финансового года – 200,2 млн. долл.¹⁷

После падения режима талибов в Афганистане Пакистан сумел добиться некоторых успехов в восстановлении и укреплении своих позиций в этой стране. Однако отказ от поддержки бывших «союзников» – талибов, участие в антитеррористической операции, подчеркивание своей роли в борьбе с талибами и «Аль-Каидой» было не таким простым делом для пакистанского руководства. Оказавшись перед выбором после заявления президента США Дж.Буша «или вы с нами, или против нас», Исламабад при этом прекрасно осознавал, что кардинальное изменение его афганской политики вызовет крайнее недовольство населения в пограничных с Афганистаном провинциях. Следует отметить, что руководство страны проявило достаточную твердость в противодействии угрозам со стороны исламских экстремистских организаций. Оно также избрало тактику своего постепенного втягивания в антитеррористическую кампанию, возглавляемую США. Также постепенно происходило и свертывание дипломатических отношений с ДТ. Пакистанское представительство в Кабуле было закрыто вскоре после событий 11 сентября 2001 г. (новая дипломатическая миссия начала свою работу в Кабуле лишь в январе 2002 г.). В конце ноября 2001 г. прекратило свою деятельность «посольство» талибов в Пакистане. Закрывались «консульства» ДТ в ряде городов Пакистана. После падения режима талибов из Кабула, Пакистан объявил о разрыве дипотношений с ними (отметим при этом, что Пакистан сделал этот шаг последним из трех государств, признававших талибский режим).

Однако, несмотря на всю осторожность пакистанского руководства и определенные внешнеполитические плюсы этой тактики, принципиальное изменение отношения Исламабада к талибам вызвало огромное недовольство значительной части населения, особенно приграничных районов. Против «предательства братьев-талибов» в крупных городах Пакистана проходили массовые демонстрации протеста, имевшие как антиамериканский, так и антиправительственный характер. В районах Пакистана, прилегающих к афганской территории и населенных пуштунами, они были особенно многочисленными, формы протеста были наиболее острыми, и тысячи жителей отсюда переходили границу, чтобы добровольно сражаться на стороне «братьев».

Активизировали свою деятельность и военизированные исламистские организации Пакистана, созданные в свое время при содействии властей и фундаменталистских партий для террористической деятельности в Афганистане и Кашмире. С осени 2001 г. они стали представлять большую опасность и для самого Исламабада. Вообще это время было весьма тревожным для режима. Многие наблюдатели допускали возможность прихода к власти исламистов или замены П.Мушаррафа каким-нибудь традиционалистски настроенным генералом. Однако многочисленные экстремистские организации не смогли противостоять пакистанской армии – крупной по численности, хорошо обученной и вооруженной. Не произошел и переворот внутри руководства вооруженных сил. Пакистанская армия еще раз продемонстрировала приоритет профессионально-корпоративного единства, строгой дисциплины, безоговорочного подчинения своему руководителю.

Угроза со стороны религиозного экстремизма побудила пакистанские власти принять серьезные меры по ограничению исламистского радикализма (определенную роль в этом сыграло и давление мирового общественного мнения, США, Индии, России и других стран). Власти провели чистку высшего состава вооруженных сил и разведывательных органов, а также среди ученых-ядерщиков, кроме того запретили некоторые наиболее экстремистские организации, провели аресты их лидеров и активистов, закрыли офисы этих организаций, взяли под контроль их финансовые источники и банковские счета. В начале 2002 г. был запрещен Объединенный совет джихада – коалиция из 16 экстремистских группировок. Имеющиеся в стране тысячи религиозных школ-медресе, долгие годы готовившие исламистских террористов, были взяты под контроль правительства, которое принимает меры по превращению их в обычные учебные заведения.

Генерал П.Мушарраф заявил о стремлении уничтожить экстремизм и терроризм, хотя сделать это, естественно, нелегко: в течение многих лет в стране готовили боевиков-террористов, «солдат ислама» сражаться и с «неверными» в Афганистане и Кашмире, и с «предателями ислама» в самом Пакистане. Пойти против этой насаждаемой многими годами идеологии и разрушить созданные структуры – дело долгое и

трудное. Да к тому же в страну через сложную по рельефу и плохо охраняемую границу по-прежнему продолжает проникать немалое число талибов, членов Исламского движения Узбекистана, других исламистских организаций. Северные районы Пакистана стали своеобразным резервуаром, куда стекаются остатки талибов и аль-каидовцев.

Одним из сложных процессов, происходивших в Пакистане под влиянием афганских событий, стал невиданный до сих пор рост политического ислама. Основные фундаменталистские партии, создавшие коалицию «Муттахида Маджлис – Амаль» (ММА) – «Объединенный совет действия» – превратились в важную составляющую политической жизни Пакистана, основную силу оппозиции. Так, по итогам всеобщих парламентских выборов в октябре 2002 г., ММА, получив наибольшую поддержку населения в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, граничащих с Афганистаном, прочно вошел в тройку лидеров. Это следует расценить как несомненный политический успех фундаменталистов. Этот успех стал одним из основных факторов, способствующих постепенному оживлению партий экстремистского толка.

По мнению некоторых экспертов, успех традиционалистов среди населения приграничных провинций вызван не «привлекательностью» талибского режима, а «несправедливостью в отношении пуштунского населения Афганистана». По их мнению, занявшие после падения талибского режима кабинет министров «северяне» (которые составляли основной костяк антиталибских сил) проводят собственную политику, идущую вразрез с линией официальных властей. Это во многом совпадает с заявлениями некоторых пакистанских политических деятелей, считающих претензии пуштунов (крупнейшей этнической группы и традиционно являющихся правящей элитой Афганистана) вполне законными и призывающих к «этническому балансу» в афганском правительстве, ибо только он является единственным решением внутриафганского кризиса. С другой стороны, в последнее время все громче слышны обвинения части нынешней афганской политической элиты в адрес Пакистана, укрывающего, по их мнению, на своей территории бывших талибов. Вероятно, это происходит на уровне местных властей, т.к. центральные власти в этом абсолютно не заинтересованы. С третьей стороны, усиление антиамериканских настроений на афгано-пакистанской границе вынуждает Исламабад использовать военную силу для их подавления. Вдобавок к этому в последнее время зреет и внутривнутриполитический кризис между центром и властями приграничных провинций, недовольных политикой правительства в афганском вопросе.

В последнее время, как уже отмечалось выше, все более заметен разрыв между внешнеполитическими успехами Пакистана, с одной стороны, и растущим внутривнутриполитическим напряжением, с другой. Активная деятельность Исламабада в афганском направлении, гром-

кие заявления на международных и двусторонних встречах, сотрудничество с вооруженными силами США в операциях против боевиков «Аль-Каиды» и ДТ, скрывающихся на территории приграничных пакистанских провинций в целом создают довольно благоприятную картину. Однако при этом не следует забывать и о растущем недовольстве населения Пакистана, об участившихся в последнее время антиамериканских манифестациях в СЗПП, где открыто звучат угрозы в адрес тех, кто поддерживает нынешнее правительство в Кабуле. И хотя последние конфликты на афгано-пакистанской границе, по словам лидеров обеих стран, необходимо решать «в дружественном и конструктивном духе», сведения о том, что на территории Пакистана скрываются талибы и боевики, регулярно совершающие нападения на американских военных в Афганистане, могут подорвать престиж Исламабада на мировой арене и в будущем ухудшить отношения с официальным Кабулом, и что самое главное, резко обострить внутривнутриполитическую ситуацию в Пакистане. Уже сейчас многими политиками и политологами не исключается возможность возрождения талибского движения и именно в Пакистане.

Сообщение в июне 2003 г. Центрального командования ВС США (СЕНТКОМ) о потерях пакистанской экономики в размере 10 млрд. долл. в результате отрицательного воздействия антитеррористической операции в Афганистане вызвало недовольство Исламабада. Министр финансов Пакистана вынужден был официально опровергать эти утверждения, заявляя, что Исламабад наоборот получил определенные дивиденды от союзнической поддержки антитеррористической операции. Тем не менее обнародование доклада СЕНТКОМ в определенной мере подогрело антиправительственные выступления и антиамериканские демонстрации под руководством влиятельных пакистанских исламистов, которые могут использовать это для нападок на федеральные власти и расширения числа своих сторонников¹⁸.

Таким образом, изменение внешней политики напрямую влияет на внутривнутриполитические процессы в Пакистане, правительству которого, как видится, необходимо решать вопросы растущего исламского экстремизма. Думается, что борьба с религиозным экстремизмом предстоит длительная и упорная. Тем более, что, по некоторым данным, в сфере правительственных структур есть силы, которые не очень в этом заинтересованы и считают, что всегда полезно иметь какой-то резерв в борьбе со светской оппозицией внутри страны, а также достаточно внушительную силу для действий, в частности, в Кашмире.

Не следует обходить вниманием и тот факт, что **участие в антитеррористической акции сопровождалось для Пакистана позитивными внешнеполитическими изменениями**. До этого страна находилась в изоляции на мировой арене. После сентябрьских событий 2001 г. в США многое изменилось. Санкции были сняты. П.Мушарраф стал желанным гостем в столицах западных государств. За короткий срок Пакистан

посетили Генеральный секретарь ООН К.Аннан, британский премьер-министр Т.Блэр, канцлер ФРГ Г.Шредер, президент Турции А.Н.Сезер, госсекретарь США К.Пауэлл, главы внешнеполитических ведомств Германии и Англии, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, французский министр обороны, заместитель премьер-министра Канады, директор ФБР США и др. П.Мушарраф посетил США, Китай, Японию, Непал, Казахстан и многие другие страны. В феврале 2003 г. состоялся его визит в Россию. В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН.

Пакистан постоянно получал позитивные оценки высокопоставленных чинов США. Так, в частности, американский министр обороны Д.Рамсфелд заявил 30 ноября 2001 г., что «Пакистан внес значительный вклад в борьбу коалиции против терроризма»¹⁹. Подобные заявления следует рассматривать не только как благодарность за прошлое, но и как понимание, что будущий успех антитеррористических операций во многом зависит от активного взаимодействия американских и пакистанских военных.

При выстраивании отношений с Афганистаном Исламабад не может не учитывать роли еще одного соседа, Ирана. **Иран и Пакистан** оказывают влияние на разные, примерно равные части афганского населения, и их поддержка Кабула содействует серьезному укреплению его позиций. С Пакистаном и Ираном связана проблема многомиллионных афганских беженцев, которая для кабульского правительства весьма сложна, трудна и болезненна. Для Афганистана важную роль играют нынешние хорошие отношения с США и другими западными странами, от которых ожидается содействие в деле восстановления и развития экономики страны, внутренней стабильности, подлинного искоренения терроризма.

В начале ноября 2001 г. Тегеран посетил П.Мушарраф. В ходе переговоров обе стороны высказались за развитие двусторонних отношений, за принятие совместных мер в Афганистане в новой ситуации. Во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в ноябре того же года П.Мушарраф встретился с президентом Ирана С.М.Хатами. Оба руководителя обменялись мнением о ситуации вокруг Афганистана. Состоялись и другие взаимные визиты крупных государственных деятелей обеих стран. Кроме вопросов, связанных с ситуацией в Афганистане, стороны обсуждали проблемы развития двусторонних отношений, особенно в области торговли и бизнеса. Была достигнута договоренность о создании совместного технического комитета по строительству и эксплуатации газопровода из Ирана в Пакистан, который далее должен протянуться в Индию.

Сближению Ирана и Пакистана содействовала и заинтересованность стран Запада в совместных действиях ведущих государств – соседей Афганистана в борьбе с радикально-террористическим исламизмом. Также несомненно, что участие Пакистана в разгроме ра-

дикального суннитского течения в Афганистане вызвало позитивную реакцию шиитского Ирана.

Совершенно по-другому развивались пакистано-индийские отношения. В целом и в контексте событий в Афганистане участие обоих государств в антитеррористической кампании в Афганистане несколько не сблизило их позиции, но, напротив, еще больше развело. Вовлеченность Пакистана в афганские дела вызвала у индийской стороны, как видится, недовольство и раздражение, особенно в связи с быстрым возникновением союза Вашингтона и Исламабада. В Индии были разочарованы тем, что международная антитеррористическая операция ограничилась борьбой с талибами и «Аль-Каидой» и не учитывала террористическую деятельность в Кашмире боевиков, подготовленных в Афганистане и Пакистане. Как известно, в Дели постоянно заявляют о своем законном праве бороться «с терроризмом через границу».

В Индии предполагали, что поражение талибов будет в определенной мере означать сокращение вооруженных террористических вылазок и в Кашмире. «Крах религиозного фанатизма в Афганистане, – указывал индийский премьер-министр А.Б.Ваджапай, – это предвестник мира в Кашмире»²⁰. Действительность не оправдала этих ожиданий: осенью 2001 г. сепаратистские экстремисты серьезно активизировались в Кашмире, участились теракты, вылазки исламистов, нападения на индийские военные объекты, одновременно осложнилось положение и на «линии контроля», разделяющей Кашмир на индийскую и пакистанскую части. Здесь участились вооруженные столкновения и перестрелки. С обеих сторон к границе были передислоцированы воинские части численностью до 1 млн. человек. Боевые порядки войск были оснащены ракетами, способными нести ядерные боеголовки. Переговорный процесс между двумя странами был связан.

Военно-политическое противостояние Индии и Пакистана не перешло в военное столкновение.

Предпринятые Исламабадом меры по ограничению террористических акций были позитивно встречены в Дели, хотя и расценены как недостаточные, т.к. Индия требует полного прекращения поддержки Пакистаном «трансграничного терроризма», а также выдачи лиц, виновных в совершении преступлений на индийской территории.

В целом активная политика Дели в отношении Афганистана вызывает у Исламабада сильное раздражение. В свою очередь, Дели крайне недоволен деятельностью Пакистана в Афганистане, рассматривая ее как противостояние Индии.

Когда Пакистан принял решение о разрыве с талибами и присоединении к антитеррористической операции, казалось, что его позиции в регионе ослабнут. Отказ от такой реальной и значительной силы, которой являлись талибы, представлялся невосполнимой потерей. Однако последующие события показали правильность предпри-

нятого Исламабадом шага. Пакистан, подключившись на ранней стадии к антитеррористической коалиции, извлек из этого максимум пользы. Он остался важным участником уже новых процессов в Афганистане, сохранил свои посреднические функции и связи со многими политическими деятелями, а также приобрел роль «перевалочного пункта», в значительной мере восстановил свои позиции на мировой арене, избавился от суровых международных санкций, обеспечил себе благоприятные торгово-экономические условия и возможности поступления иностранной помощи.

В заключение отметим, что, как представляется ныне, основные цели «афганской политики» Пакистана, несмотря на все ее изменения за прошедший период, остались прежними. Пакистан всегда выступал за урегулирование афганского кризиса, но на определенных условиях. Прежде всего он заинтересован в установлении в Афганистане дружественного режима. В то же время Исламабад заинтересован в существовании в Афганистане слабого центрального правительства, которому будет не до использования проблемы Пуштунистана и которое вообще будет в большой степени нуждаться в поддержке крупного соседнего государства. В интересах Пакистана – существование в Афганистане широкой правительственной коалиции, поскольку участие в ней соперничающих сторон – залог слабости центрального правительства. Все эти факторы в Афганистане сейчас налицо и, по всей видимости, будут существовать и в дальнейшем.

Скорее всего, в ближайшее время в своей афганской политике руководство Пакистана будет, как видится, акцентировать внимание на следующих моментах.

– Поддержка Боннских соглашений 2001 г. и признание нового правительства Переходного Исламского Государства Афганистан, но одновременно ратование за изменение этнического состава этого правительства, большую сбалансированность при распределении постов. Особые надежды в связи с этим возлагаются на предстоящие в Афганистане выборы президента и парламента.

– Выстраивание дружественных связей с новым правительством и попытка в конечном итоге решить давнишние нерешенные вопросы в отношениях двух государств. К ним следует отнести, например, урегулирование пограничных проблем. (Это особенно важно в свете участвовавших в последнее время стычек между пакистанскими и афганскими пограничниками.) Пакистан крайне заинтересован в сохранении целостности Афганистана, ибо в противном случае произойдет его раскол по этническому признаку, что может привести к возникновению серьезной угрозы Пакистану с его значительным пуштунским населением.

– Решение вопроса об афганских беженцах и освобождении пленных пакистанцев, воевавших на стороне талибов. После подписания 17 марта 2003 г. трехстороннего соглашения между Афганистаном,

Пакистаном и УВКБ ООН на окончательную репатриацию афганских беженцев из Пакистана отводится 3 года.

– Борьба с незаконным оборотом наркотиков и налаживание сотрудничества в этой области, особенно с учетом того, что в последнее время в Афганистане производство наркотиков выросло, а примерно четверть всей контрабанды идет через Пакистан.

– Расширение экономической составляющей двусторонних отношений и решение спорных вопросов, как, например, вопроса относительно Договора о транзитной торговле 1965 г.

– Усиление через Афганистан своего влияния в Средней Азии.

– Противодействие усилению политического и экономического веса Ирана и особенно Индии в Афганистане, так как активизация их деятельности в этом регионе подрывает позиции самого Пакистана.

– Признание главенствующей роли ООН в процессе урегулирования в Афганистане, а также следование подписанной 22 декабря 2002 г. Кабульской декларации – своего рода пакта о ненападении и невмешательстве во внутренние дела между Афганистаном и шестью соседними государствами (Китай, Пакистан, Иран, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения).

Думается, что решение главной проблемы между двумя государствами относительно «линии Дюранда» займет еще немало времени и потребует больших усилий.

Несмотря на большие трудности, ныне наступил один из наиболее благоприятных для Пакистана моментов для налаживания нормальных, конструктивных и взаимовыгодных отношений с Афганистаном. Можно сказать, что падение режима талибов, начало антитеррористической операции и участие в ней Исламабада в целом оказались в интересах Пакистана. Поддержка в свое время талибского руководства оказалась тупиковым путем в афганском векторе внешней политики Исламабада. Сейчас у него есть реальный шанс выстроить новые отношения с соседом с учетом прошлых просчетов и ошибок. К тому же Пакистану удалось повысить свой статус в глазах мирового сообщества, добиться для себя немалых политических и экономических выгод.

Однако последствия прежней афганской политики и затем смена курса поставили перед пакистанским руководством ряд серьезных внутривнутриполитических проблем, от решения которых зависит будущее и самого Пакистана.

В целом в Пакистане идет процесс формирования новой афганской политики и пакистанское руководство полно решимости в кратчайшие сроки укрепить и расширить свои позиции в Афганистане.

¹ Viewpoint. Lahore, 21.05.1978, с. 3.

² The Pakistan Times. Lahore, 21.05.1979.

³ The Pakistan Economic Survey. 1986–87. Statistics. Islamabad, 1987, с. 142.

- ⁴ D.Cordoos, Selig S. Harrison. Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. NY, 1995, cc. 43–44.
- ⁵ Asian Survey. Berkeley, December 1994, c. 1082.
- ⁶ Viewpoint. Lahore, 24.06.1982, c. 13.
- ⁷ Pakistan Economic Survey. 1982–83. Statistical Annexure». 1983, p. 185.
- ⁸ Central Asia. Peshawar, Winter 1995, c. 88.
- ⁹ Strategic Analysis. New Delhi, November 1997, c. 1175.
- ¹⁰ Pakistan, Afghanistan. Country Report. 2 quarter 1999, 1.
- ¹¹ Pakistan Economic Survey. 1997–98. Statistical Appendix. 1998, c. 182.
- ¹² The Nation, 01.04.1999.
- ¹³ Afghanistan to take benefit from Pak experiences: Afghan Minister. <http://paktribune.com/news/index.php?id=25329>
- ¹⁴ Karzai discusses trade, terrorism with Pakistan. <http://in.news.yahoo.com/030422/43/23/mfw.html>
- ¹⁵ Islamabad, Kabul agree on upgrading trade level. <http://dailymailnews.com/200304/23/news/103.html>.
- ¹⁶ Pakistan's trade with Kabul picking up. www.paktribune.com/news/index.php?id=26107
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Реакция на доклад СЕНТКОМ. // Пульс планеты, 05.06.2003, с. 12.
- ¹⁹ The Nation, Islamabad, 01.12.2001.
- ²⁰ The Hindustan Times. New Delhi, 20.11.2001.

КИТАЙ – АФГАНИСТАН: ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХОВ

Китайско-афганские отношения находятся сегодня на подъеме. Китай приветствовал итоги боннской конференции по вопросу о политическом урегулировании в Афганистане. На состоявшейся 22 декабря 2001 года в Кабуле церемонии передачи власти Х.Карзаю присутствовала китайская официальная делегация. Председатель КНР направил главе Временной администрации Х.Карзаю поздравительную телеграмму.

Главной задачей международного сообщества в Афганистане на данном этапе китайское правительство считает оказание Кабулу масштабной экономической помощи. И показывает в этом личный пример. На Международной конференции по проблемам восстановления Афганистана (Токио, 21–22 января 2002 г.) Китай объявил о предоставлении афганскому правительству помощи в размере 150 млн. долл. на реконструкцию народнохозяйственных объектов, построенных ранее при участии КНР. Это, разумеется, не самый крупный взнос из общего объема обещанного финансирования в размере 4,6 млрд. долл., но, в отличие от многих посулов других стран, китайская помощь реально направляется в Афганистан.

Первый транш был выделен сразу после токийской конференции. Находясь в январе 2002 года с визитом в Пекине (кстати, Китай стал одной из первых стран, которую посетил новый афганский руководитель), Х.Карзай подписал с китайской стороной соглашения о выделении Временной администрации экстренной материальной помощи в размере 1 млн. долл., а также о передаче 3,7 млн. долл. наличными на гуманитарные цели. К концу марта деньги были переведены.

6 февраля 2002 года было вновь открыто посольство КНР в Кабуле, а 16–17 мая Афганистан принимал министра иностранных дел КНР Тан Цзясюаня. Основным итогом визита – новая договоренность об экономическом и техническом содействии на сумму 30 млн. долл. Китайская сторона конкретизировала направления сотрудничества: Афганистану будет оказываться содействие в реконструкции ирригационных систем в провинции Парван, текстильной фабрики в Кабуле, столичного госпиталя «Джумхурийят», автодорог на юго-востоке страны. Кроме того, китайцы решили оснастить МИД Афганистана компьютерной техникой, а также предоставить 50 тыс. комплектов обмундирования для афганской армии и 20 тыс. комплектов – для полиции.

Следующим жестом Пекина в адрес его западного соседа стало списание всех долгов Афганистана и выделение дополнительно 1 млн. долл. прямой помощи афганскому правительству. Об этом было объявлено в

ходе официального визита в КНР министра иностранных дел Афганистана Абдуллы Абдуллы, который состоялся 17–19 ноября 2002 года.

26–30 мая нынешнего года с визитом в Китае побывал заместитель главы Временной администрации Афганистана Нимартулла Шахрани. В дополнение к уже достигнутым договоренностям Пекин предоставил афганскому правительству грант в размере 16 млн. долл., включая 1 млн. долл. наличными на поддержку госбюджета страны. Во время визита афганского вице-президента было объявлено о возобновлении деятельности Китайско-афганского общества дружбы и восстановлении связей между Пекинским и Кабульским университетами, подписан ряд документов об экономическом и техническом сотрудничестве¹.

О чем говорит этот фактологический обзор развития китайско-афганских отношений за последнее время? Прежде всего о том, что после неблагоприятного периода в истории Афганистана и двусторонних связей в Пекине взяли курс на их поступательное развитие, на конструктивное сотрудничество, на восстановление во многом утраченных позиций Китая в этой стране. Ключом к строительству добрососедских отношений и закреплению китайского присутствия в Афганистане является безвозмездная экономическая помощь. Тактика вполне оправданная и весьма эффективная, хотя внешне это и напоминает попытку искупить былые прегрешения. В этой связи представляется необходимым вернуться к событиям недавнего прошлого.

Краткий исторический экскурс

Дипломатические отношения между КНР и Королевством Афганистан были установлены 20 января 1955 года. Одержимое мессианской идеей, китайское коммунистическое руководство вознамерилось на примере отношений со своим отсталым горным соседом, проводившим удобную для Пекина политику нейтралитета, продемонстрировать дипломатическую щедрость и моральное превосходство народного Китая. В 1957 году в гостях у Захир Шаха побывал премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. Он стал первым из правителей Поднебесной, чья нога когда-либо ступала на афганскую землю. В том же году премьер-министр Афганистана М.Дауд совершил визит в Пекин и был удостоен аудиенции у Мао Цзэдуна. После непродолжительных переговоров (что не вписывалось в общую линию Китая, выдвигавшего территориальные притязания к своим соседям) в 1963 году стороны подписали Договор о границе. В 1965 году были заключены Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и Соглашение о сотрудничестве в области культуры. Словом, у Китая не было повода для недовольства положением дел в отношениях с Афганистаном.

После переворота 1973 года КНР признала Республику Афганистан, мотивировав этот шаг необходимостью «сохранения и дальнейшего развития традиционной дружбы между народами двух стран». «Апрельская революция» еще больше насторожила Пекин –

за ней просматривалась «рука Москвы». Тем не менее 7 мая 1978 года Китай пошел на официальное признание правительства Демократической Республики Афганистан.

Но отношения между двумя государствами стали быстро портиться. В феврале 1979 года Кабул негативно высказался об установлении дипотношений между Китаем и США, осудил агрессию Китая против Вьетнама. Наконец, руководство Афганистана открыто обвинило Пекин в оказании помощи в подготовке и вооружении афганских антиправительственных сил.

Ввод советских войск в Афганистан китайские власти встретили «в штыки». 30 декабря 1979 года правительство КНР опубликовало официальное заявление, в котором резко осудило «вооруженное вторжение Советского Союза в Афганистан». Китай отказался признать новый режим в Кабуле, демонстративно сохранив прежнее афганское посольство в Пекине.

Неблаговидная роль Пекина в афганских событиях конца 70–80-х годов хорошо известна. Все эти годы Китай оказывал масштабную помощь моджахедам, объединившимся в борьбе против правительства ДРА и вошедших в Афганистан советских войск. Такая политика естественным образом вытекала из логики китайско-советской конфронтации и антииндийского альянса с Пакистаном, а также вполне вписывалась в планы китайских стратегов по укреплению отношений с США на базе борьбы против общего противника – Советского Союза. В одной из бесед с американскими эмиссарами Дэн Сяопин сказал: «Всем нам надо объединиться, чтобы по-настоящему противостоять гегемонизму»².

Помощь Китая афганским «борцам за веру» не только сыграла важную роль в противостоянии СССР в Афганистане, но и во многом создала почву для последующего сползания страны в пучину бесконечной гражданской войны. Поставки китайского оружия, осуществлявшиеся по Каракорумскому шоссе через Пакистан, способствовали укреплению отрядов полевых командиров, поддерживали их амбиции, расширяли влияние Исламабада в Афганистане. По некоторым данным, уже в начале 80-х годов на пакистанской территории действовало несколько десятков лагерей, где под руководством китайских военных инструкторов проходили подготовку моджахеда. Около 40 тыс. бойцов было обучено в лагерях, расположенных в китайском Синьцзяне³. Таким образом, Китай был непосредственно вовлечен в афганские дела и, следовательно, несет известную долю ответственности за то, что произошло в Афганистане.

Падение правительства Наджибуллы в апреле 1992 года и образование Исламского Государства Афганистан привели, казалось, к долгожданной нормализации китайско-афганских отношений. Правда, уже в феврале 1993 года из-за разворачивавшейся гражданской войны китайцам пришлось эвакуировать свое посольство в Кабуле, и на некоторое время регулярные связи между двумя странами были прерваны.

О том, что происходило в отношениях Китая с Афганистаном в период пребывания у власти талибов, китайские международники распространяются неохотно, не говоря уже об официозе. Версия официальных китайских властей такова: Китай продолжал признавать ИГА, в Пекине продолжало работать посольство Афганистана, через УВКБ и Красный Крест афганской стороне направлялась гуманитарная помощь (ежегодно на сумму около 700 тыс. долл.). На деле же после прихода к власти талибов Пекин установил и поддерживал с ними контакты, чем оказал движению «Талибан» и его покровителям в Исламабаде неоценимую услугу.

Если в 1995–1997 годах в Пекине присматривались к талибам, то с 1998 года китайцы, скорее всего, по совету Пакистана, начали оказывать режиму знаки внимания. После удара американских крылатых ракет по военным базам в Афганистане Пекин обратился к Кабулу с просьбой предоставить китайским ученым доступ к компьютерным системам наведения на обломках упавших ракет. 10 декабря 1999 года между Китаем и властями «Талибана» было подписано соглашение о подготовке в КНР афганских летчиков. В феврале 1999 года в Кабуле побывала делегация во главе с зав.отделом МИД КНР, в 2000 году заместитель министра иностранных дел правительства талибов посетил Пекин. Обсуждались вопросы торгово-экономического сотрудничества, проговаривалась возможность осуществления чартерных рейсов по маршрутам Урумчи – Кабул и Урумчи – Джелалабад⁴.

Двойственная линия Пекина в афганских делах обусловила его особую позицию по введению международных санкций против талибов. В 2000 году Китай воздержался при голосовании резолюции СБ ООН 1333, дав понять, что не допустит международных наблюдателей на территорию КНР. Во время дискуссий по Афганистану в ООН, в рамках «Шанхайской пятерки» и на других международных форумах в конце 90-х и в 2000–2001 годах китайские делегаты пытались убедить своих коллег в целесообразности «трезво взглянуть на вещи» и перестать добиваться международной изоляции режима талибов, который, дескать, доказал свою жизнеспособность. Когда в Вашингтоне, а потом и в Москве стали раздаваться голоса в пользу военного сценария свержения одиозного режима, Председатель КНР Цзян Цзэминь на саммите «Шанхайской пятерки» в июле 2000 года в Душанбе якобы заявил, что «применение военной силы в Афганистане – это не решение проблемы»⁵.

Нельзя исключать, что в заигрывании с талибами китайскую сторону интересовало прежде всего получение от движения «Талибан» гарантий того, что с территории Афганистана не будет исходить угроза стабильности западных районов КНР. Видимо, у Пекина были данные об участии с середины 80-х годов в отрядах афганских моджахедов уйгурских экстремистов, об их связях с Усамой бен Ладеном, а также о том, что почти все вооружение и взрывные устройства для террористов в Синьцзяне контрабандой поставляются в КНР из Афганистана⁶. Однако линия, избранная китайцами для решения пробле-

мы собственной безопасности, – задобрить экстремистов из движения «Талибан» – не только не привела к желаемому результату, но и серьезно подорвала престиж Китая, противопоставив его вместе с Пакистаном международным усилиям по борьбе с терроризмом.

Тревожная осень 2001 года

Судя по всему, к концу 2000 года в Пекин стала стекаться удручающая информация. Это были данные о том, что в террористических центрах на территории Афганистана прошли военную подготовку более 1000 китайских уйгуров, которые затем активно привлекались к участию в боевых действиях против «Северного альянса» на стороне талибов и подрывной деятельности против КНР и центральноазиатских государств СНГ⁷. Этой разведывательной информацией китайцы поспешили поделиться со своими главными консультантами в вопросах Афганистана – пакистанцами. С начала 2001 года Пекин настойчиво ставит перед Исламабадом вопрос о необходимости «приструнить» талибов, предпринять более решительные действия по борьбе с терроризмом. Симптоматично, что по времени это совпало с решением России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана приступить к работе над Конвенцией по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая была подписана на пекинском саммите ШОС в июне. Тогда же было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества.

Видимо, к середине 2001 года в Пекине всерьез задумались над тем, чтобы прекратить всякие контакты с талибами, дистанцироваться от деструктивной политики Исламабада и добиться прекращения поддержки пакистанской военной разведкой террористов, борющихся за отделение Синьцзяна от Китая. Однако события 11 сентября коренным образом изменили всю международную ситуацию.

Несмотря на то, что китайское руководство сразу решительно осудило теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне и солидаризировалось с настроением мировой политической элиты и международного общественного мнения на бескомпромиссную борьбу с терроризмом, в отношении талибов подход Пекина поначалу ощутимо отличался от решимости Вашингтона раз и навсегда покончить с этой базой «Аль-Каиды» в Центральной Азии. Думается, что инерция здесь сочеталась с паническим страхом Китая перед перспективой утраты своих позиций в Афганистане и потери лица на международной арене.

Поначалу Китай обуславливал свою поддержку военной акции против талибов решением СБ ООН и требовал от США предварительно проконсультироваться с неевропейскими государствами, чьи интересы будут при этом затронуты. Китайцы поддержали мнение Исламабада о нежелательности проведения силовых акций одним государством, высказались в пользу создания коллективных многонациональных сил с участием мусульманских стран. Пекин призвал международное сообщество не поощрять борьбу таджиков и других народностей, на кото-

рые опирается «Северный альянс», против титульной нации – пуштунов, большая часть которых, мол, стоит на стороне талибов.

После начала американо-британской операции в Афганистане в Пекине стали рассуждать в том плане, что военные акции должны иметь конкретные цели, а при их осуществлении необходимо избегать жертв среди мирного населения. При этом представитель МИД КНР заявил о том, что Китай надеется на скорейшее восстановление мира. Косвенные признаки ясно указывали на отсутствие единства мнений в китайском руководстве относительно поддержки действий США в Афганистане⁸.

И все же принять трудное решение Пекину пришлось. Но даже поддержав на словах американскую антитеррористическую операцию, Китай отказался предоставлять Вашингтону и его союзникам аэродромы и воздушное пространство для осуществления военных действий. В официальных заявлениях подчеркивалось, что акции возмездия должны соответствовать Уставу ООН и общепризнанным нормам международного права, не распространяться за пределы территории Афганистана, не допускать двойных стандартов. Наиболее откровенные китайские комментаторы в этот период твердили о необходимости проводить четкую грань между противодействием террористической угрозе и «гегемонизмом».

Постепенно действия Китая на афганском направлении приобрели более взвешанный характер. Так, Пекин выделил афганским беженцам гуманитарную помощь в размере 1 млн. юаней, причем не через пакистанцев, а по линии УВКБ – чтобы досталось не только населению районов, контролировавшихся талибами, но и северянам. И тем не менее китайцы до последнего выступали за сохранение власти талибов или сохранение во власти хотя бы умеренных талибов. Накануне перехода Кабула в руки антиталибской коалиции как крик отчаяния прозвучал призыв Китая к «Северному альянсу» не вступать в оставленный талибами город.

Нервозное и непоследовательное поведение китайской дипломатии осенью 2001 года свидетельствует о том, что Пекин, сильно скомпрометировавший себя безоговорочной поддержкой Пакистана и снисходительностью к движению «Талибан», попал в весьма неприятное положение, но в конце концов смог ценой болезненной смены ориентиров вырваться на правильный курс. Все дальнейшие действия Китая в Афганистане следует оценивать именно через призму этой пикантной предыстории. Что же касается движущих сил нынешней политики КНР в отношении Афганистана, то остановимся на этом подробнее.

Мотивы китайской политики в Афганистане

Среди факторов, оказывающих влияние на выработку китайской линии в афганских делах после отстранения талибов от власти и формирования в Кабуле Временной администрации, наиболее важными представляются следующие.

Оценка Китаем глобальной ситуации

После 11 сентября в Китае произошла серьезная переоценка международной обстановки и ситуации в Центральной Азии и Афганистане. Главный вывод, который сделали пекинские аналитики, заключался в том, что в мировых делах произошел серьезный сдвиг, закончился постбиполярный мир, произошла разбалансировка всей системы международных отношений, начался передел сфер влияния, первой ареной которого стал Афганистан. Эта переломная ситуация одновременно открывает новые возможности для Китая и таит в себе опасности. Задача Пекина заключается в использовании возможностей и минимизации рисков.

Начиная с осени 2001 года в китайский внешнеполитический курс были внесены существенные коррективы, адаптировавшие его к меняющемуся глобальному и региональному контексту. Прежде всего Китай осудил террористические акты 11 сентября и развернул сотрудничество с США в борьбе с терроризмом. Не ослабляя своего партнерства с Пакистаном, Пекин взял курс на постепенную нормализацию отношений с Индией и стал проводить более взвешенную политику в Южной Азии. Одновременно Китай активизировал усилия по организационному оформлению ШОС, повысил внимание к отношениям с государствами Центральной Азии. Предпринимаются энергичные попытки добиться подключения Китая к БВУ. Очевидные подвижки обозначились на западном направлении. Были установлены рабочие контакты между КНР и НАТО. 1–2 июня председатель КНР впервые принял участие в мероприятиях, приуроченных к саммиту «группы восьми» в Эвиане. Более конструктивная внешняя политика Китая – новый действенный козырь Пекина.

В то же время в китайских «мозговых центрах» давно подозревают, что в конечном итоге все действия Вашингтона и его союзников направлены на то, чтобы окружить Китай – единственную силу, способную в обозримом будущем бросить вызов США, – со всех сторон и развалить его изнутри. С точки зрения данной теории выход США из Договора по ПРО, начало работ по созданию НПРО и ПРО ТВД в Азии, кампания по борьбе с терроризмом, операция в Афганистане, война в Ираке, морально-политическая и военная поддержка Тайваня, обострение ситуации на Корейском полуострове – звенья одной цепи. В этой ситуации Китай вынужден искать пути нейтрализации антипекинских усилий США и усиления собственного, прежде всего экономического присутствия в ключевых регионах, расположенных по периметру китайских границ. Это касается и Афганистана, и Пакистана, и Центральной Азии.

Фактор китайско-американских отношений и региональной политики США

Вступив в ряды антитеррористической коалиции, Китай сразу попал в «союзники» США по борьбе с Усамой бен Ладеном. Уже в конце сентября 2001 года был учрежден механизм китайско-американских консультаций по противодействию терроризму. По просьбе Вашингтона китайцы перекрыли свою границу с Афгани-

станом, начали делиться с американцами разведывательной информацией. Китайский представитель в ООН поддержал принятие резолюции 1386 СБ ООН о направлении в Афганистан международных сил по содействию безопасности.

На этом благоприятном фоне китайско-американские отношения были не только выведены из кризиса, в котором они оказались после прихода к власти в США республиканской администрации, но и получили солидный задел для долгосрочного конструктивного партнерства. Во время визита президента США Дж.Буша в КНР в феврале 2002 года стороны заявили о готовности взаимодействовать в афганских делах. Таким образом, возобновление сотрудничества КНР с США по Афганистану (такое уже имело место в 80-е годы, однако теперь Пекин и Вашингтон объединились против тех, кого они сами когда-то взрастили) стало тем рычагом, при помощи которого китайцам удалось развернуть в позитивном направлении весь комплекс двусторонних отношений в целом.

В то же время в Китае с серьезной озабоченностью восприняли появление американских войск в Афганистане и Центральной Азии. Еще более негативно китайцы относятся к перспективе длительного военного присутствия США в регионе. Китайская сторона резко усилила работу с политическими элитами центральноазиатских государств с целью оказания влияния на масштабы и формы их сотрудничества с США.

Появление американцев у китайских границ было столь же нежелательным для Китая, сколь желанным явилось неожиданное улучшение китайско-американских отношений.

Синьцзянский фактор

Афганскую проблему китайцы рассматривают прежде всего через призму обстановки в Синьцзяне. В январе 2002 года Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала «Белую книгу» под заголовком «Террористическим силам Восточного Туркестана не уйти от ответственности», в которой впервые (раньше эта проблема замалчивалась) была дана официальная трактовка существа проблемы Восточного Туркестана. В ней, в частности, утверждается, что оформившееся после образования КНР за рубежом сепаратистское движение уйгуров с начала 90-х годов взяло курс на насильственное отделение Синьцзяна от Китая и превратилось в одну из ячеек террористической сети Усамы бен Ладена⁹.

С приходом к власти в Афганистане в 1995 году движения «Талибан» в Кабуле разместилась штаб-квартира Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ), или «Партии Аллаха», во главе с Хасаном Махсумом. В период правления талибов члены террористической организации ИДВТ проходили боевую подготовку в тренировочных лагерях на территории Афганистана. Согласно китайским данным, они участвовали в похищении японских ученых в Киргизии в августе 2000 года и в попытке вторжения в Узбекистан через Южную Киргизию в августе 2001 года. Свои действия уйгурская «Партия Аллаха» координировала с талибами и с Исламским движением Узбекистана.

Как утверждают китайские источники, за период с 1990 по 2001 гг. при поддержке со стороны Оппозиционной партии Восточного Туркестана, Организации освобождения Восточного Туркестана и ряда других уйгурских сепаратистских структур на территории Синьцзяна было осуществлено более 200 терактов, в результате которых погибли 162 человека и более 440 получили ранения. На совести проникших в Синьцзян террористов и их пособников в самом Китае (их, как сообщается, насчитывается более 10 тыс. человек) многочисленные диверсии, запугивание и физическое уничтожение лояльных китайским властям уйгуров и не поддерживающих идею отделения Синьцзяна представителей местного мусульманского духовенства¹⁰.

Вскоре после начала антитеррористической операции в Афганистане Китай заявил о намерении добиваться от ее участников выдачи задержанных там уйгурских террористов в случае, если будет доказано, что они являются гражданами КНР. В 2002 году китайские военные представители были допущены американскими властями на базу в Гуантанамо, где в настоящее время содержатся захваченные в Афганистане боевики-уйгуры.

Китайцы с удовлетворением отмечают, что после разгрома движения «Талибан» и прихода к власти Х.Карзая террористическая деятельность в Синьцзяне заметно снизилась. Вместе с тем наблюдается значительная активизация наркоторговцев и контрабандистов оружия, основными объектами деятельности которых является уже не только Синьцзян, но и внутренние провинции Китая.

Тема уйгурских сепаратистов постоянно присутствует в диалоге Китая с новыми афганскими властями. Во время визита министра иностранных дел Афганистана А.Абдуллы в Пекин в ноябре 2002 года была достигнута договоренность об осуществлении регулярных двусторонних контактов на высшем уровне по проблемам безопасности и борьбы с терроризмом. Находясь с визитом в Китае в мае 2003 года, заместитель Х.Карзая Н.Шахрани заявил, что Афганистан будет оказывать КНР поддержку в борьбе с сепаратистами из ИДВТ.

Таким образом, политика Китая в отношении Афганистана будет во многом определяться способностью Временной администрации решить проблему уйгурских боевиков (что весьма сомнительно), внутренними процессами в Афганистане, а также ситуацией в самом Синьцзяне.

Фактор отношений с Пакистаном и политика КНР в Южной Азии

Исламабад по-прежнему остается важнейшей несущей частью всей конструкции китайской политики в Южной Азии, и какое бы недоверие ни испытывали в Пекине по поводу поведения Пакистана в Афганистане, его заигрывания с США или бряцания оружием перед Индией, альтернативы ему как партнеру Китая в регионе не просматривается. К этому следует добавить, что китайские стратеги вряд ли

смогут смириться с претензиями Вашингтона на роль единоличного патрона Исламабада.

С другой стороны, в последние годы китайцы стали более трезво оценивать возрастающую роль Индии как влиятельной региональной державы, обладающей мощным экономическим и военным потенциалом. Особенно четко эта тенденция обозначилась после 11 сентября, когда китайское руководство, с одной стороны, убедилось в слабости и ненадежности П.Мушаррафа, а с другой, сделало вывод относительно объективного совпадения позиций Китая и Индии по большинству ключевых вопросов современного мира. Один из них – борьба с терроризмом, тем более что после поражения в Афганистане многие отряды боевиков «Аль-Каиды», а вместе с ними и уйгурские террористы перебрались из Афганистана в контролируемую Пакистаном часть Кашмира.

Фактор отношений с Россией и ШОС

Выход китайско-российских отношений в 1996 году на уровень стратегического партнерства и подписание в 2001 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве отражают заинтересованность Китая в тесном взаимодействии с Россией по широкому кругу глобальных и региональных проблем. Россия нужна Китаю и как опора в сложной международной ситуации, и как союзник в отстаивании суверенитета и территориальной целостности КНР, и как помощник в продвижении китайских интересов в Центральной Азии. Из некогда яркого противника СССР в Афганистане Китай превратился в союзника России по борьбе с общим врагом – терроризмом, окрашенным в цвета исламского экстремизма.

В лице ШОС, которая была бы невысказима без участия России, Пекин обрел важный инструмент влияния на ситуацию в центрально-азиатском регионе. Учитывая хрупкость военно-политической стабильности в ЦА, фактор американского присутствия, а также тот факт, что в странах региона продолжают действовать уйгурские сепаратистские организации, Пекин будет вести линию на всемерное укрепление ШОС и расширение сотрудничества с Россией в рамках этой организации.

При этом долгосрочный интерес Китая, помимо обеспечения безопасности своих западных рубежей и стабильности в Синьцзяне, виден невооруженным глазом. Он состоит в усилении китайского присутствия и влияния в ЦА, и здесь интересы Пекина могут со временем всплывать в конфликт с интересами Москвы.

Некоторые выводы

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что нынешний курс Пекина на афганском направлении характеризуется целым рядом позитивных моментов. К позитиву следует отнести осознание

Китаем его подлинных интересов в Афганистане, более трезвое отношение к Пакистану в контексте региональной политики Китая и пакистанскому фактору в афганских делах, отказ от использования Афганистана как арены противоборства за влияние в регионе, готовность к участию в коллективных усилиях по решению существующих здесь проблем – будь то в ООН и ШОС или в рамках двустороннего взаимодействия с США, Россией, другими странами.

В то же время нельзя не заметить, что изменения китайской политики в Афганистане носили вынужденный характер, сопровождалась утратой позиций Китая в этой стране. Данное обстоятельство вызывает определенные сомнения в том, что Пекин до конца искренен и последователен в своей теперешней линии. Например, не заинтересован ли Китай в ослаблении позиций представителей «Северного альянса» в структурах Временной администрации? Каково истинное отношение китайцев к попыткам привлечения во властные структуры так называемых «умеренных талибов»? Не поддадутся ли китайские лидеры соблазну вернуться к тактике поощрения деятельности пакистанской военной разведки в расчете на то, чтобы сохранить Исламабад в орбите китайского влияния? И как поведет себя Пекин в случае возобновления гражданской войны в Афганистане?

Думается, что ответы на все эти вопросы следует искать на более высоких «этажах» внешнеполитического планирования – на уровне стратегических интересов Китая в отношениях с ведущими государствами, прежде всего с США, и его долгосрочных целей в Центральной и Южной Азии. Тем временем необходимо еще плотнее вовлекать китайскую дипломатию в совместную работу по Афганистану. От эффективности вовлечения Китая, кстати, будет в немалой степени зависеть и то, как в Чжуннаньхае станут формулировать стратегические интересы и долгосрочные цели.

¹ www.fmprc.gov.cn

² Жэньминь жибао, 25.01.1980.

³ Барышников В.Н. Экспансионистская политика Китая – угроза безопасности в Азии, // Гегемонистская политика Китая – угроза народам Азии, Африки и Латинской Америки. – М., 1981, с. 167.

⁴ DND Policy Group Documents, www.dnd.ca

⁵ Ahmed Rashid 'China forced to expand role in Central Asia' // Central Asia-Caucasus Analyst, 19.07.2000.

⁶ Ahmed Rashid 'Taliban Temptation' // Far Eastern Economic Review, vol. 162, No. 10, 11.03.1999.

⁷ Gaye Cristoffersen 'Constituting the Uyghur in U.S.-China Relations: The Geopolitics of Identity Formation in the War on Terrorism', 02.09.2002, www.ccc.nps.navy.mil

⁸ См.: Охотников С. Афганская западня: политика Китая в Афганистане и Центральной Азии // Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.). – М., 2002, сс. 187–190.

⁹ True Nature of 'East Turkistan' forces // China Daily, January 22.01.2002.

¹⁰ Там же.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В АФГАНИСТАНЕ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Возвращение Афганистана к мирной жизни – одна из наиболее актуальных международных проблем для государств Центральной Азии, напрямую сталкивающихся с негативными последствиями многолетней войны в сопредельной стране. Конфликт в Афганистане породил угрозы и вызовы стабильности и безопасности республик Центральной Азии, переживающих сложный этап становления и укрепления своей государственности, – такие, как религиозный экстремизм, этническая нетерпимость, терроризм и насилие, наркобизнес и контрабанда оружия. Особая опасность этих явлений заключается в том, что они не имеют государственных границ. Возможность «переползания» конфликтной ситуации из Афганистана в соседний регион отнюдь не была гипотетичной. По обе стороны Пянджа-Амударьи и далее – вдоль афгано-туркменской границы – проживают представители одних и тех же этносов, веками связанных друг с другом узами историко-культурной общности, а подчас и родства¹, при «этнической пестроте» каждого из государств региона любое обострение кризисов не может не подрывать гражданского согласия и стабильности в соседних странах. Уязвимость политической ситуации в молодых государствах Центральной Азии перед давлением со стороны беспокойного южного соседа усиливается значительной протяженностью границы региона с Афганистаном, составляющей в общей сложности около 2400 км (в том числе таджикско-афганская граница простирается на 1436 км, пролегая по местности со сложным горным рельефом).

Затяжной конфликт в Афганистане затронул и экономические интересы суверенных республик Центральной Азии, препятствуя как развитию трансграничных двусторонних торговых связей, так и использованию афганской территории новыми независимыми государствами в качестве транзитного транспортного коридора для выхода к рынкам стран Южной Азии и к международным морским коммуникациям.

Степень актуальности афганского урегулирования для национальных интересов отдельно взятых стран Центральной Азии неодинакова, существуют определенные различия в их подходах к конкретным путям нормализации положения в Афганистане. Вместе с тем совпадают позиции всех пяти центральноазиатских республик по таким основополагающим принципам, как сохранение территориальной целостности Афганистана, участие в мирном процессе политических сил страны, представляющих интересы основных этнических и конфессиональных групп населения.

На афганском направлении внешней политики государств Центральной Азии прослеживаются три этапа, в целом соответствующих особенностям развития военно-политической и политической обстановки в Афганистане после падения режима М.Наджибуллы. Начальная стадия отношений охватывает первую половину 90-х годов. Исходной точкой второго этапа стало установление власти движения «Талибан» в Кабуле в конце сентября 1996 г.; развертывание контр-террористической операции в Афганистане с осени 2001 г. положило начало современной фазе участия центральноазиатских республик в процессе урегулирования конфликта в Афганистане и налаживания их отношений с южным соседом в новых условиях.

Курс государств Центральной Азии на налаживание отношений добрососедства и сотрудничества с Афганистаном (первая половина 90-х годов)

В конце апреля 1992 г., накануне вступления в Кабул вооруженных формирований оппозиции руководители республик Центральной Азии, собравшиеся в Бишкеке на очередную встречу в верхах, заявили о том, что происходящие в Афганистане события являются внутренним делом этого суверенного государства, подчеркнув при этом необходимость скорейшего восстановления мира в Афганистане при содействии ООН.

Таджикистан первым из государств Центральной Азии установил контакты с Исламским Государством Афганистан (ИГА). Это произошло во время нахождения у власти в республике правительства национального примирения, в которое вошли и представители оппозиционной Партии исламского возрождения. 14–15 июля 1992 г. – через две недели после того, как президентом ИГА стал Б.Раббани, – Кабул посетила правительственная делегация Таджикистана. Стороны договорились об обмене дипломатическими миссиями. Были рассмотрены также экономические аспекты взаимоотношений, в том числе согласован вопрос об увеличении поставок электроэнергии из Таджикистана в северные районы Афганистана в обмен на афганский газ.

Однако с конца 1992 г. отношения между Душанбе и Кабулом стали ухудшаться. Осложнение межгосударственных отношений было вызвано тем, что территория Афганистана стала основной базой таджикской непримиримой оппозиции, потерпевшей поражение в борьбе за власть в своей стране; при этом противники властей Таджикистана опирались в основном на помощь и поддержку деятелей Исламского общества Афганистана, возглавляемого Б.Раббани. (При их содействии таджикская оппозиция получала также от международных исламских организаций). В центре таджикско-афганских переговоров на разных уровнях (в том числе во время визитов министра иностранных дел и президента ИГА в Душанбе, состоявшихся соответственно в августе и декабре 1993 г.) находились наиболее

важные для таджикской стороны вопросы и в первую очередь обострение ситуации на границе между двумя государствами, а также скорейшее возвращение таджикских беженцев, оказавшихся на территории сопредельной страны из-за конфликта на родине.

В середине 90-х годов официальные власти ИГА подключились к усилиям международного сообщества, направленным на урегулирование межтаджикского конфликта. В мае 1995 г., в перерыве между очередными раундами межтаджикских переговоров, в Кабуле состоялась встреча президента Таджикистана Эмомали Рахмонова и лидера оппозиции Сайда Абдулло Нури, в которой участвовал и президент Афганистана Бурхануддин Раббани. 11 декабря 1996 года Э.Рахмонов и С.А.Нури вновь встретились на афганской земле – в городе Таликан провинции Тахар, в штаб-квартире Объединенной таджикской оппозиции, где под наблюдением экспертов ООН были парафированы проекты итоговых документов межтаджикских переговоров. Соглашение о мирном урегулировании в Таджикистане и протокол о создании комиссии по национальному примирению были подписаны в ночь на 23 декабря того же года в Москве.

Контакты с ИГА установили и другие государства Центральной Азии. В процессе налаживания отношений, в частности, между Узбекистаном и Афганистаном внимание сторон было сконцентрировано наряду с активизацией торгово-экономических и культурных связей на взаимодействии в укреплении региональной стабильности, в особенности в контексте тревожной обстановки на таджикско-афганской границе. Президент ИГА Б.Раббани, находясь с визитом в Ташкенте в октябре 1992 г., заверил, что примет все необходимые меры для того, чтобы не допустить поставок оружия с территории Афганистана в Таджикистан². Проблемы, связанные как с двусторонними отношениями, так и ситуацией в регионе, рассматривались и во время последующих контактов между государственными деятелями центральноазиатских республик и ИГА. Однако из-за сохранения сложной внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и связанной с этим слабости центральной власти достигнутые соглашения и договоренности по большей части так и не были реализованы.

Предпринимая в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ меры, направленные на укрепление границ республик Центральной Азии с Афганистаном, в особенности таджикско-афганской границы, руководство молодых государств стремилось привлечь внимание международного сообщества к необходимости скорейшего урегулирования внутриафганского конфликта. Так, в выступлении президента Узбекистана И.Каримова на специальном заседании Генеральной Ассамблеи по случаю 50-летия ООН в октябре 1995 г. было подчеркнуто: «Продолжающаяся война в Афганистане становится реальной угрозой миру и безопасности не только для Центральной Азии, но и для всего мира». Одновременно президент Узбекистана обратился в

Совет Безопасности ООН с предложением ввести эмбарго на ввоз оружия в Афганистан, от кого бы это ни исходило³. С аналогичными предупреждениями и предложениями неоднократно выступали руководители Казахстана, Киргизии и других государств региона.

Государства Центральной Азии и проблема урегулирования конфликта в Афганистане (вторая половина 90-х – начало второго тысячелетия)

Военные успехи движения «Талибан» осенью 1996 г. и его вступление в Кабул в конце сентября того же года усилили внимание международного сообщества к афганской проблеме. Страны Центральной Азии, по существу, оказались в эпицентре активной политико-дипломатической деятельности группы государств, интересы которых в той или иной степени были затронуты новым поворотом афганского конфликта. Центральнoазиатские республики (за исключением Туркменистана) были участниками переговоров и консультаций в рамках Договора о коллективной безопасности СНГ. Одновременно упрочились контакты стран региона с соседними и внерегиональными государствами и представителями международных организаций, стремящихся решить афганскую проблему.

4 октября 1996 г., собравшись на экстренную встречу в Алматы, президенты Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана совместно с председателем правительства России обсудили последствия стремительно меняющейся ситуации в Афганистане для стабильности в Центральной Азии и меры по укреплению южных рубежей СНГ, в особенности таджикско-афганской границы. Осуществляя тесное взаимодействие в обеспечении политической стабильности в Центральнoазиатском регионе и безопасности его южных рубежей в условиях продолжающегося конфликта в Афганистане, республики Центральной Азии и Россия выработали общую позицию в вопросе о скорейшем урегулировании ситуации в этой стране. Она была изложена, в частности, в совместном заявлении президентов Российской Федерации и Республики Узбекистан, принятом по итогам их переговоров в мае 1998 г. в Москве: «Путь к миру в Афганистане лежит в плоскости конструктивного диалога между противоборствующими сторонами под эгидой Объединенных Наций и при активном содействии заинтересованных государств, через создание широкопредставительного правительства с учетом законных прав и интересов всех этнических, конфессиональных групп населения и политических сил»⁴.

Во второй половине 90-х годов активизировалось участие государств Центральной Азии в посреднической деятельности мирового сообщества по урегулированию ситуации в Афганистане. К этому времени были заложены основы государственности бывших южных республик СССР, укрепилось их положение и на междуна-

родной арене. С созданием Центральноазиатского экономического сообщества в составе Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана расширились возможности координации действий входящих в него государств по решению актуальных региональных проблем. Все это позволило государствам Центральной Азии наряду с усилиями по нейтрализации негативного влияния афганского конфликта на политическую ситуацию в регионе, предпринимавшимися в тесном контакте с Россией, подключиться к переговорному процессу по урегулированию ситуации в Афганистане под эгидой ООН, инициированному в конце 90-х годов.

Ни одна из пяти суверенных республик Центральной Азии не признала легитимности власти движения «Талибан». Даже на рубеже двух столетий, когда военно-политический перевес талибов над их противниками стал очевидным, правящие элиты стран региона продолжали настаивать на формировании в Афганистане коалиционного правительства на широкой основе. Одна из основных причин отказа руководства центральноазиатских государств признать единовластие движения «Талибан» была обусловлена тем, что его появление на военно-политической арене Афганистана внесло в конфликт в этой стране мощный элемент религиозного экстремизма. Негативные последствия политизации ислама в Афганистане стали ощущаться в ряде государств Центральной Азии, в особенности в Узбекистане (в первую очередь в Ферганской долине), уже с конца 90-х годов. Талибы покровительствовали, в частности, Исламскому движению Узбекистана (ИДУ), боевики которого, проходившие подготовку в учебных центрах в Афганистане, осуществили вторжение на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999 и 2000 гг. и угрожали возобновить свои рейды впоследствии. (Как известно, в августе 2001 г. военный руководитель ИДУ Джума Юлдашев, взявший псевдоним Намангани, был назначен заместителем У. бен Ладена – «главнокомандующего» военных формирований талибов).

Отказываясь признать легитимность власти движения «Талибан», руководители государств Центральной Азии тем не менее считали необходимым участие его представителей в переговорном процессе по восстановлению мира в Афганистане. Действуя в рамках Группы «6+2», созданной в 1997 году под эгидой ООН в составе представителей шести граничащих с Афганистаном государств, России и США с целью проведения постоянных консультаций по проблемам политического урегулирования в Афганистане, Ташкент и Астана вступили в контакт с руководством движения «Талибан». (В частности, состоялись встречи министра иностранных дел Узбекистана с представителями талибов в Исламабаде в декабре 1998 г. и с их лидерами в Кандагаре в июне 1999 г.)

Политика Ашхабада в отношении движения «Талибан» существенно отличалась от позиции, занятой в этом вопросе руковод-

ством четырех других центральноазиатских республик. Правда, правительство Туркменистана воздержалось от официального признания администрации талибов, сохранив контакты с Б. Раббани в качестве президента Афганистана. Вместе с тем декларируемая на официальном уровне нейтральная позиция Ашхабада по отношению к противоборствующим афганским сторонам постепенно размывалась. По мере расширения контроля движения «Талибан» над территорией страны, в особенности после установления его власти над сопредельными с Туркменистаном районами, укреплялись контакты между Ашхабадом и Кабулом. Государственные деятели Туркменистана как в первые годы после утверждения власти талибов в Кабуле, так и впоследствии, избегали критических оценок их репрессивной политики в отношении населения страны, вызывавшей резкое осуждение международного сообщества. Туркменистан – единственное из государств Центральной Азии – открыл представительства на контролируемой талибами территории, в том числе в Мазари-Шарифе. На туркмено-афганской границе действовали пропускные пункты, через которые велась оживленная торговля.

Признавая ведущую роль ООН в урегулировании внутриафганского конфликта, Ашхабад вместе с тем поддерживал далеко не все меры, предлагаемые в рамках этой международной организации для решения афганской проблемы. Руководство Туркменистана проявило сдержанность, в частности, в отношении резолюций Совета Безопасности ООН, в которых содержалась критическая оценка действий талибов.

Ашхабад сделал ставку на режим талибов в реализации своих геоэкономических интересов, связанных с проектами строительства трансафганского магистрального газопровода, а в перспективе – также нефтепровода для перекачки туркменского углеводородного сырья в обход России в Пакистан и, возможно, в Индию. Туркменская сторона прилагала усилия, направленные на то, чтобы заинтересовать соседние республики Центральной Азии, обладающие крупными топливно-энергетическими ресурсами, в участии в проектах трансафганских трубопроводов. Так, во время визита президента Туркменистана С. Ниязова в Астану в июле 2001 г. главы двух государств обсудили в тесной увязке перспективы урегулирования ситуации в Афганистане и сотрудничества Туркменистана, Казахстана и Афганистана в строительстве трубопроводов. Однако расчеты Ашхабада на то, что талибы смогут обеспечить безопасность планируемых трубопроводов, пролегающих по контролируемой ими территории, а экономические стимулы, в первую очередь предполагаемые доходы от транспортировки углеводородного сырья из стран Центральной Азии в южном направлении, послужат примирению противоборствующих афганских сторон, оказались лишены оснований. К тому же нельзя не отметить тот факт, что контрабанда наркотиков через афгано-туркменскую и ирано-туркменскую границы резко возросла.

Государства Центральной Азии и антитеррористическая операция в Афганистане

Террористические акты, совершенные в США 11 сентября 2001 г., вызвали единодушное осуждение официальных и общественно-политических кругов государств Центральной Азии. Так, президент Казахстана Н.Назарбаев, выступив с заявлением в связи с постигшей американский народ трагедией, подчеркнул, что его страна «всецело привержена сотрудничеству с США и международным сообществом по противодействию международному терроризму и полному искоренению этого зла»⁵. Президент Узбекистана И.Каримов в письме президенту США Дж.Бушу заверил в активном сотрудничестве руководимой им республики с Соединенными Штатами в борьбе с общей угрозой со стороны международного терроризма. Ситуация в мире после террористических актов в США и пути обеспечения региональной безопасности были рассмотрены во время встречи И.Каримова с секретарем Совета Безопасности Российской Федерации В.Рушайло, посетившим Ташкент 19 сентября 2001 г.⁶.

В тот же день состоялся телефонный разговор И.Каримова с президентом США Дж.Бушем, во время которого основное внимание было уделено вопросам региональной безопасности и взаимодействию в борьбе с международным терроризмом⁷. Позиция Ташкента относительно его вклада в борьбу с международным терроризмом, высказанная президенту США 19 сентября 2001 г., была изложена также в заявлении главы Республики Узбекистан, опубликованном 5 октября того же года, когда уже велась подготовка к антитеррористической операции в Афганистане. Она заключалась в следующем: предоставление воздушного пространства Узбекистана для военно-воздушных сил США; налаживание обмена информацией между органами безопасности обеих стран; разрешение посадки транспортных самолетов и вертолетов США на один из военных аэродромов на территории Узбекистана; использование американских самолетов и вертолетов исключительно в гуманитарных целях и для ведения поисково-спасательных работ. В заявлении было подчеркнуто, что аэродром, на который будет разрешена посадка американских самолетов, в их полное распоряжение не предоставляется; не допускается осуществление наземных боевых операций против Афганистана с территории Узбекистана; не разрешается осуществление бомбово-штурмовых операций с его территории⁸.

В процессе подготовки военной операции в Афганистане в Ташкенте провел переговоры заместитель государственного секретаря США Дж.Болтон (его миссия не афишировалась). Вслед за ним в столицу Узбекистана прибыл министр обороны США Д.Рамсфелд с целью получения официального согласия властей суверенной республики на использование военно-воздушных баз на ее территории в антитеррористической операции в Афганистане. (Ранее Д.Рамсфелд посетил Эр-Рияд, Оман и Каир). Руководство Узбекистана дало разрешение на

размещение 1 тыс. американских военнослужащих на военной базе Ханабад (неподалеку от г. Карши, в 200 км севернее территории Афганистана)⁹. Вскоре военнослужащие из 10-й элитной горной дивизии США направились в Узбекистан; это была первая группировка американских военнослужащих, дислоцированная на территории одной из постсоветских республик¹⁰. Впоследствии численность американского воинского контингента, размещенного на базе в Ханабаде, возросла, была осуществлена и ее модернизация. Американская сторона получила возможность использовать для тылового обеспечения военной операции в Афганистане, а также доставки гуманитарных грузов и некоторые другие базы на территории Узбекистана¹¹. В официальных сообщениях министерств иностранных дел и обороны Узбекистана, касавшихся сотрудничества с США в военной области, неизменно подчеркивалось, что «ни при каких обстоятельствах на территории Узбекистана не будут находиться американские самолеты, используемые для нанесения ударов по Афганистану»¹².

Во время визита министра обороны США на базу в Ханабаде в середине декабря 2001 г. главы оборонных ведомств двух стран обговорили, в частности, вопросы безопасности доставки гуманитарных грузов через территорию Узбекистана в Афганистан. Тогда же был разблокирован мост через р. Амударью в районе г. Термеза, закрытый в 1997 г. ввиду наступления отрядов талибов на севере Афганистана. Наряду с транспортировкой гуманитарных грузов мост стал использоваться в целях снабжения американской военной группировки и в целом тыловой поддержки операции в Афганистане.

В марте 2002 г. состоялся официальный визит президента Узбекистана И. Каримова в США. По его итогам были подписаны 6 документов, заложивших базу взаимодействия двух государств по многим направлениям. Наиболее важный из них – Декларация о стратегическом партнерстве и основах сотрудничества между Соединенными Штатами Америки и Республикой Узбекистан¹³. В декларации было подчеркнуто, что любая внешняя угроза безопасности и территориальной целостности Узбекистана будет воспринята Соединенными Штатами Америки с глубокой обеспокоенностью. В этом основополагающем документе стороны подтвердили свое намерение продолжить военное и военно-техническое сотрудничество. Признание Вашингтоном Узбекистана главным стратегическим партнером США в Центральной Азии определило существенное увеличение американской экономической помощи этой центральноазиатской республике – до 160 млн. долл. в 2002 г.¹⁴

Киргизия дала согласие на пребывание военнослужащих стран-участниц антитеррористической коалиции в аэропорту Бишкека «Манас» сроком на 1 год, рассматривая этот акт как свой вклад в борьбу с международным терроризмом. Жогорку Кенеш – Законодательное собрание республики – 14 марта 2002 г. ратифицировал межправитель-

ственные соглашения, предусматривающие размещение в международном аэропорту киргизской столицы воинского контингента семи стран – Турции, Австралии, Дании, Испании, Италии, Канады и Франции. В соответствии с решением Жогорку Кенеш, принятым в начале апреля того же года, в список стран-участниц антитеррористической операции в Афганистане, получивших право на дислокацию воинских подразделений в аэропорту «Манас», были включены также Нидерланды, Польша, Южная Корея и Норвегия. В упомянутых межправительственных соглашениях было предусмотрено, что воинские контингенты 10 стран (за исключением авиации Франции, принимавшей непосредственное участие в военных действиях в Афганистане) будут осуществлять техническое и тыловое обеспечение антитеррористической операции. Было также предусмотрено, что численность воинского контингента, размещаемого на территории Киргизии, не должна превышать 5 тысяч человек, а количество самолетов – 50¹⁵.

Согласие руководства Киргизии на размещение сил международной антитеррористической коалиции на территории республики определялось такими взаимосвязанными факторами, как нарастание угрозы внутривнутриполитической стабильности со стороны исламских радикальных организаций и группировок, в первую очередь партии «Хизб ут-тахрир», тесно связанной с «Аль-Каидой», и тяжелое социально-экономическое положение в стране, используемое исламистами для идеологической обработки населения, в особенности для вовлечения в экстремистскую деятельность молодежи, среди которой царит безработица. Общий объем средств, предоставленных Киргизии только Соединенными Штатами по разным каналам в связи с поддержкой ею антитеррористической операции, составил в течение октября 2001 – августа 2002 г. 500 млн. долл.¹⁶ Для небольшой республики с ограниченными внутренними экономическими ресурсами это была весомая помощь.

Как неоднократно подчеркивали высшие государственные деятели Киргизии, «все решения об американском военно-политическом присутствии в Центральной Азии на период проведения антитеррористической операции в Афганистане принимались и принимаются на согласованной между Россией и странами региона основе»¹⁷. Руководители Киргизии объявили о том, что военнослужащие стран-участниц антитеррористической операции в Афганистане находятся на территории республики не на постоянной основе. Временные рамки их пребывания в Киргизии были определены, в частности, министром иностранных дел республики А.Айтматовым следующим образом: «Пока из Афганистана будет исходить опасность, в нашей стране будут уделять особое внимание безопасности. Поэтому силы НАТО и международной коалиции будут присутствовать в регионе ровно столько, сколько потребуется для наведения порядка в Афганистане»¹⁸. Налаживая сотрудничество со странами НАТО в военной области, Бишкек в то же время заинтересован в дальнейшем укреп-

лении взаимодействия с Россией в обеспечении региональной стабильности и безопасности. Создание в г. Канте, расположенном вблизи Бишкека, базы российских военно-воздушных сил – важный шаг в этом направлении.

Казахстан, в свою очередь, разрешил использование его воздушного пространства военной авиацией США в связи с подготовкой и проведением операции в Афганистане. (Заявление об этом было сделано президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в начале октября 2001 г.). В июне 2002 г. Астана и Вашингтон подписали соглашение, по которому международный аэропорт в Алма-Ате предоставлялся американским военно-воздушным силам в качестве запасного аэродрома для экстремальных посадок и дозаправок. В соответствии с заявлением премьер-министра Казахстана К.Токаева соглашение не предусматривало появления американских баз на территории республики, и речь шла лишь о чрезвычайных ситуациях.¹⁹

После начала антитеррористической операции Казахстан принял на себя обязательство поставить в Афганистан 3 тыс. т продовольственного зерна; впоследствии объем гуманитарных поставок из Казахстана был увеличен²⁰.

Поддержку антитеррористической коалиции в Афганистане оказал и Таджикистан, в частности, дав согласие на использование его воздушного пространства военной авиацией США. С территории Таджикистана осуществлялась также тыловая поддержка операции против режима талибов.

В ходе переговоров с представителями Вашингтона по вопросам содействия антитеррористической коалиции руководители Таджикистана (как и других стран Центральной Азии) неоднократно выражали озабоченность по поводу возможных многочисленных жертв среди мирного населения и настаивали на необходимости планировать военную операцию таким образом, чтобы избежать этого. В декабре 2001 г. по распоряжению президента Таджикистана Э.Рахмонова и при содействии российских пограничников была восстановлена паромная переправа через р. Пяндж в районе таджикского города Нижний Пяндж. Она была закрыта в сентябре 2000 г. после того, как отряды движения «Талибан» захватили порт Шерхан, находящийся на афганском берегу пограничной реки. В середине декабря 2001 г. первый конвой в составе 34 грузовиков прибыл в Шерхан, с того времени паромная переправа через р. Пяндж широко используется для доставки гуманитарных грузов. Территория Таджикистана стала транзитным коридором, по которому в Афганистан поступило свыше 60% объема гуманитарной помощи, предоставленной международным сообществом.

Террористические акции, совершенные в США 11 сентября 2001 г., получили осуждение официальных кругов и общественности Туркменистана. Руководство страны поддержало идею формирования антитер-

рористической коалиции, о чем С. Ниязов уведомил временного поверенного в делах США в Туркменистане во время беседы, состоявшейся 14 сентября 2001 г.; при этом туркменский лидер выразил готовность к сотрудничеству с учетом нейтрального статуса своего государства. В Заявлении МИД Туркменистана, опубликованном 15 сентября, было подчеркнуто, что «Туркменистан считает целесообразным формирование такой коалиции в качестве постоянно действующего органа ООН и осуществляющего свою деятельность под ее эгидой, с четко определенными целями, задачами, функциями, полномочиями и механизмами работы. Его существование при ООН в тесной координации со всеми государствами и международными организациями определит создание такой системы, когда любое проявление терроризма в любой точке земного шара не останется безнаказанным и позволит принимать эффективные меры по борьбе с ним»²¹.

Руководство Туркменистана выступило с предложением об учреждении в Ашхабаде специального представительства ООН, которое взяло бы на себя инициативную миссию по выработке взаимоприемлемого решения афганской проблемы. Что касается будущего правительства Афганистана, по мнению туркменской стороны, оно должно быть сформировано также при участии ООН. Эта позиция была озвучена С.Ниязовым, в частности, во время беседы с действующим председателем Совета министров ЕС, министром иностранных дел Бельгии Л.Мишелем в ноябре 2001 года²².

Реакция Туркменистана на развертывание Соединенными Штатами при поддержке союзников военной операции в Афганистане была сдержанной. Еще до ее начала Ашхабад выразил готовность предоставить воздушные и наземные коридоры для доставки гуманитарной помощи в Афганистан. В то же время, ссылаясь на нейтральный статус своего государства, руководство Туркменистана отказалось разрешить использование территории и воздушного пространства страны при проведении военной операции. Этой позиции Ашхабад придерживался и впоследствии, несмотря на давление со стороны США и их союзников.

Туркменистан был одним из первых государств Центральной Азии, согласия которого на использование его военных объектов США пытались получить еще в процессе подготовки военной операции в Афганистане. (По некоторым данным, Пентагон интересовал, в частности, аэропорт г. Мары). Туркменская сторона обещала предоставить содействие лишь в оказании гуманитарной помощи. Эта позиция была изложена С.Ниязовым в телефонном разговоре с государственным секретарем США К.Пауэллом. Позже президент Туркменистана отказал и послу Германии в Ашхабаде в просьбе предоставить военно-воздушным силам его страны опорный пункт для самолетов, оказывающих содействие международному контингенту в Афганистане²³.

Реакция Вашингтона на решение туркменской стороны ограничить свое участие в антитеррористической операции в Афганистане со-

действием ее гуманитарному аспекту была относительно спокойной по нескольким причинам. США получили согласие четырех других центральноазиатских республик на участие в антитеррористической операции в предложенном Соединенными Штатами и их союзниками по коалиции формате. Таким образом, у Вашингтона, по существу, и не было острой необходимости для оказания жесткого давления на Ашхабад в этом вопросе; к тому же Туркменистан не обладает сколько-нибудь развитой военно-технической инфраструктурой. Главное же, США заинтересованы в транспортировке углеводородного сырья из Каспийского региона в обход России и не хотели отталкивать от себя Туркменистан, являющийся основным потенциальным экспортером природного газа, а в перспективе и нефти в южном направлении. Этот подтекст американской политики в отношении Туркменистана в складывающейся ситуации вокруг Афганистана отчетливо проявился во время переговоров, которые провели президент С.Ниязов и помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Э.Джоунс в Ашхабаде в начале февраля 2002 г. Представитель государственного департамента США заверила президента Туркменистана в готовности американского правительства оказать содействие реализации проекта трансафганского газопровода и других экономически эффективных планов в Центральноазиатском регионе²⁴.

В конце сентября 2001 г. возобновились поставки гуманитарной помощи с территории Туркменистана в Афганистан, осуществляемые по линии Продовольственной программы ООН. (Перевозка грузов была временно прекращена с 12 сентября того же года из-за опасений за безопасность сотрудников ООН). Другие международные организации («Врачи без границ», различные благотворительные фонды) также использовали территорию Туркменистана для доставки в Афганистан продовольствия, лекарств, строительных материалов и т.д.

В условиях развертывания международной антитеррористической операции Туркменистан, как и раньше, не участвовал в консультациях по проблеме обеспечения региональной стабильности и безопасности на южных рубежах СНГ, проводившихся координирующими структурами Содружества. Глава Туркменистана не принял участия также во встрече руководителей государств Центральной Азии, которая состоялась в Ташкенте в конце декабря 2001 г. Ашхабад предпочитал контакты на двусторонней основе. Ситуация в Афганистане и вопросы сотрудничества России и Туркменистана в сложившейся в регионе обстановке были рассмотрены, например, во время встречи С.Ниязова с секретарем Совета безопасности Российской Федерации В.Рушайло, который, как отмечалось выше, совершил поездку по странам Центральной Азии по поручению президента В.Путина (конец сентября 2001 г.). В январе 2002 г. С.Ниязов совершил визит в Москву. Наряду с проблемами, связанными с разделом Каспия, президенты двух стран обсудили также военно-

политическую обстановку в Афганистане, уделив при этом значительное внимание взаимодействию Москвы и Ашхабада в вопросах оказания гуманитарной помощи разоренной войной стране.

Туркменистан осуществлял также активные контакты со своими центральноазиатскими соседями по вопросам, связанным с урегулированием ситуации в Афганистане; при этом неизменно подчеркивалась его приверженность принципам, вытекающим из статуса нейтрального государства, исключающего участие в военных операциях или оказание содействия в ведении военных операций странами, входящими в антитеррористическую коалицию. Так, в ответ на личное послание Н. Назарбаева, выразившего серьезную озабоченность осложнением ситуации в Афганистане и вокруг него, С. Ниязов подтвердил, что нейтральный Туркменистан позволит использовать свое наземное и воздушное пространство исключительно для доставки грузов, предназначенных для оказания гуманитарной помощи населению Афганистана²⁵.

Сформированное в ноябре 2001 г. переходное правительство Афганистана во главе с Х.Карзаем признали все пять центральноазиатских республик. Посольство Таджикистана было в числе первых иностранных дипломатических представительств, возобновивших деятельность в Кабуле после падения режима талибов. В начале декабря 2001 г. в Душанбе находился министр иностранных дел переходного правительства Афганистана А.Абдулло (являвшийся одним из деятелей «Северного альянса»). Он был принят президентом Э.Рахмоновым, который заявил о полной поддержке правительства Переходного Исламского Государства Афганистан, охарактеризовав его формирование как важный этап процесса восстановления мира в стране. Наряду с вопросом об оказании гуманитарной помощи населению Афганистана в центре переговоров находились проблемы, связанные с содействием Таджикистана восстановлению разрушенной войной афганской экономики.

Таджикистан был первым государством Центральной Азии, которое посетил Х.Карзай во время своей поездки в этот регион в начале марта 2002 г. Он заручился согласием таджикской стороны на поставки электроэнергии. Руководство Таджикистана выразило готовность направить специалистов для участия в восстановительных работах на афганской территории, оказать содействие в подготовке кадров, в том числе принять молодежь из Афганистана в высшие учебные заведения республики. Впоследствии стороны осуществляли регулярные контакты на разных уровнях по вопросам, связанным со стабилизацией обстановки в Афганистане, оказанием таджикской стороной содействия Кабулу в решении насущных экономических проблем. Так, для афганской стороны крайне важна бесперебойная доставка гуманитарных грузов транзитом по территории Таджикистана. Эти вопросы были рассмотрены, в частности, во время рабочего визита мини-

стра иностранных дел нового афганского правительства А.Абдулло в Душанбе, состоявшегося в конце ноября 2002 г.

В начале марта 2002 г. состоялся также визит Х. Карзая в Ташкент. Глава правительства Переходного Исламского Государства Афганистан обсудил с президентом Узбекистана И. Каримовым вопросы региональной безопасности и в первую очередь стабилизации политической обстановки в Афганистане. Президент Узбекистана высказал мнение относительно того, что для обеспечения мирной жизни в Афганистане прежде всего необходимо провести переговоры со старейшинами всех племен; он убеждал главу афганского правительства и в необходимости изъятия оружия у населения и вооруженных формирований²⁶. Государственные деятели Узбекистана заявили также о намерении оказывать помощь афганской стороне посредством поставок электроэнергии, строительных материалов, обеспечивать и впредь бесперебойную перевозку гуманитарных грузов, предназначенных для населения Афганистана.

В феврале 2002 г. в Ашхабаде находился министр по водным ресурсам и энергетике переходного правительства Афганистана. Он был принят президентом Туркменистана и заручился его обещанием решить вопрос о поставках природного газа и нефти в Афганистан. 7 марта того же года состоялся однодневный визит Х.Карзая в столицу Туркменистана. Руководители двух государств обсудили перечень мероприятий по восстановлению экономики Афганистана. Достигнутые договоренности в основном предусматривали продолжение торгово-экономического сотрудничества в уже сложившихся рамках. Туркменская сторона подтвердила договоренность о продолжении поставок электроэнергии в Афганистан. Во время переговоров обсуждались также перспективы расширения приграничной торговли и транзита товаров из Туркменистана и других центральноазиатских стран по территории Афганистана. Стороны высказались за скорейшее оживление проектов строительства трансафганских трубопроводов²⁷.

Руководители двух стран подписали также соглашение о строительстве линий электропередачи по маршрутам Андхой – Шибирган – Мазари-Шариф и Серхетабат (на территории Туркменистана) – Торагунди – Герат, обеспечивающих поставки в Афганистан выработанной на теплоэлектростанциях Туркменистана энергии. Строительство обеих ЛЭП ведется туркменской стороной. Ввод их в эксплуатацию предполагается в 2003 г.²⁸ Ашхабад также поставляет в соседнюю страну сжиженный газ по цене ниже, чем на мировом рынке.

В конце мая 2002 г. в Исламабаде высшие государственные деятели Пакистана, Афганистана и Туркменистана подписали соглашение о строительстве трансафганского газопровода протяженностью 1460 км и стоимостью, по предварительным оценкам, 2 млрд. долл. Намерение сторон осуществить проект было подтверждено подписанным в декабре того же года в Ашхабаде трехсторонним рамочным соглашением.

Однако реализация проекта строительства газопровода проблематична, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Трудности возникли из-за отказа участвовать в реанимированном проекте американской компании «Юнокал», в середине 90-х годов возглавившей международный консорциум, созданный для обеспечения сооружения трансафганских трубопроводов из Туркменистана в Пакистан; не ясен вопрос об источниках финансирования проекта. Препятствием на пути воплощения в жизнь совместных планов Ашхабада и Исламабада может оказаться резкое ухудшение отношения Вашингтона к правящему в Туркменистане режиму, мотивированное массовыми нарушениями прав человека в этой центральноазиатской республике; в сфере внимания, в частности, американской стороны находится также версия о причастности правящей элиты Туркменистана к наркобизнесу. (Не случайно в мае 1999 года Ашхабад уведомил российскую сторону о своем намерении прекратить действие двустороннего бессрочного договора о совместной охране границ Туркменистана, подписанного в декабре 1993 года. Как следствие, российские пограничники, являвшиеся надежным заслоном наркотрафика, были выведены из этой центральноазиатской республики.)

Серьезную тревогу в странах Центральной Азии вызывает сохранение сложной политической обстановки в Афганистане, одной из причин которой являются неухаживаемые столкновения между вооруженными формированиями, лишь формально подчиняющимися центральному правительству, власть которого фактически игнорируется большинством полевых командиров. Не меньшую угрозу как возвращению Афганистана к мирной жизни, так и стабильности государств Центральной Азии представляет активизация далеко не полностью разгромленных в ходе антитеррористической операции талибов. Все громче заявляет о себе Исламское движение Узбекистана, уцелевшее руководство которого смогло осуществить перегруппировку сил, опираясь на поддержку международных террористических центров. Как подчеркнул в своем выступлении на Всемирной конференции ООН по устойчивому развитию, состоявшейся осенью 2002 г., президент Казахстана Н.Назарбаев, «несмотря на очевидный успех антитеррористической операции, Афганистан по-прежнему остается источником распространения экстремизма и наркотиков»²⁹.

Официальные и общественно-политические круги стран Центральной Азии крайне обеспокоены ростом масштабов наркобизнеса. Так, по данным Агентства по контролю за наркотиками при президенте Таджикистана, правоохранительные органы республики совместно с российскими пограничниками в 2000–2002 гг. изъяли из незаконного оборота почти 23 т наркотических средств, в том числе около 11 т героина; при этом удается задержать не более 10–15% наркотиков, поступающих из Афганистана³⁰. Официальные представители государств региона имеют все основания

увязывать затягивание нормализации ситуации в Афганистане с его превращением во всемирный центр по производству и контрабанде наркотических средств. В частности, в средствах массовой информации Узбекистана были сообщения о том, что боевики ИДУ в значительной мере финансируются за счет денег наркомафии. Руководители правоохранительных органов Казахстана неоднократно отмечали, что территория этой республики стала оживленным транзитным коридором по доставке афганского зелья в другие страны, в первую очередь в Россию, и что имеющиеся у них средства недостаточны для полного пресечения этого зла.

Таким образом, и после проведения антитеррористической операции в Афганистане в сфере пресечения деятельности наркомафии позитивного сдвига не наблюдается. Более того, поскольку погодные условия в 2002 г. оказались значительно более благоприятными для выращивания наркосодержащих культур, нежели в предыдущие засушливые годы, урожай афганского опия-сырца превзошел показатели 2001 г., составив в героиновом эквиваленте 320–325 т. 22–23 мая 2003 года в Париже состоялась конференция с участием представителей нескольких десятков государств, специально посвященная проблемам борьбы с наркотрафиком из Афганистана в Центральную Азию и далее – в другие регионы мира. В принятом по итогам конференции документе намечена широкая программа мер, реализация которой позволит защитить международное сообщество от опаснейшего зла, каким является наркомания.

* * *

За двенадцать лет своей независимости республики Центральной Азии имели возможность поддерживать межгосударственные отношения с Афганистаном в принятом в международной практике формате в течение относительно короткого отрезка времени. В основном же усилия их внешней политики на афганском направлении были сосредоточены на обеспечении региональной стабильности и безопасности границ от давления со стороны охваченного войной соседа и привлечении внимания международного сообщества к необходимости принятия действенных мер для прекращения межафганского конфликта.

После ликвидации режима талибов в Афганистане возникли предпосылки для установления и укрепления отношений добрососедства и сотрудничества между государствами Центральной Азии и их южным соседом, в чем жизненно заинтересованы обе стороны. Правда, крушение режима талибов не означает уничтожения корней международного терроризма, облаченного, в частности, в Западной и Центральной Азии в форму религиозного экстремизма. Напротив, политика Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке может спровоцировать активизацию сил, стоящих на позициях исламского радикализма, которая, несомненно, будет ощутима не только на внутривнутриполитической арене стран, расположенных к югу от Центральной Азии, но и негативно отразится на полити-

ческой обстановке центральноазиатских республик. Вместе с тем в результате потери движением «Талибан» руля государственной власти в Афганистане и разрушения его военной машины вкупе с подрывом финансовой мощи международных террористических центров, опекавших и, судя по всему, продолжающих опекать талибов, привлечением военных, политических и экономических ресурсов ведущих государств мира созданы предпосылки для восстановления нормального функционирования Афганистана как государства, заинтересованного в установлении и поддержании дружественных отношений с соседями, в первую очередь с суверенными республиками Центральной Азии.

Одной из наиболее актуальных проблем во взаимоотношениях государств Центральной Азии и Афганистана является обеспечение невмешательства во внутренние дела друг друга. Так, центральные власти Афганистана выражают озабоченность по поводу поддержки, оказываемой Ташкентом пользующемуся значительным влиянием на севере Афганистана А.Р.Достуму, активно выступающему за федеративное устройство Афганского государства. Что касается государств Центральной Азии, они по-прежнему серьезно обеспокоены перспективой усиления влияния исламского радикализма в регионе через Афганистан, где сохраняется почва для деятельности сил, являющихся носителями религиозного экстремизма. Интересам суверенных республик Центральной Азии противоречило бы укрепление позиций какой-либо из сопредельных стран (наибольшими возможностями в этом плане располагает Пакистан). Опыт недавнего прошлого, реалии настоящего и перспективы будущего побудили руководителей Афганистана и сопредельных с ним государств закрепить принцип невмешательства во внутренние дела друг друга в совместных документах, в частности принятых на международной конференции по проблемам возрождения Афганистана, созванной в Бонне в начале декабря 2002 г., и во время встречи высших государственных деятелей Афганистана и сопредельных с ним стран, состоявшейся в Кабуле в конце того же месяца.

Государства Центральной Азии готовы принять широкое участие в восстановительных работах в Афганистане, опираясь на финансовую и техническую помощь, обещанную многострадальной стране ведущими государствами мира и международными организациями. (Собственными финансовыми средствами для оказания весомой внешней помощи они не располагают). Наряду с развитием трансграничных торгово-экономических связей перспективным аспектом экономического сотрудничества соседних государств является создание пролегающего по территории Афганистана и Пакистана транзитного транспортного коридора, обеспечивающего континентальным странам Центральной Азии (а в более отдаленной перспективе и таким регионам России, как Урал и Сибирь) кратчайший выход к международным морским коммуникациям.

¹ Таджики (4,5–5 млн. чел.) составляют 22–24% населения Афганистана, узбеки (в пределах 2 млн. чел.) – около 9%, численность туркмен – до 500 тыс. чел. и т.д. (Афганистан. Справочник. М., 2000, с. 32, 35, 36).

² Касымов А., Васькин И. Основные направления внешней политики Узбекистана. – Ташкент, 1994, с. 80–81.

³ Каримов И.А. Наша цель – мир, стабильность, сотрудничество. – Ташкент, 1995, с. 81.

⁴ Правда Востока (Т.), 09.05.1998.

⁵ Казахстанская правда. 16.09.2001.

⁶ Правда Востока 20.09.2001.

⁷ Там же.

⁸ Каримов И. За безопасность и мир надо бороться. – Ташкент, 2002, с. 113.

⁹ Там же, с. 253–254, 264.

¹⁰ Economist, 13.10.2001, с. 37.

¹¹ Независимая газета. – Независимое военное обозрение. 2002, № 22, с. 4.

¹² Казахстанская правда, 16.10.2001.

¹³ Каримов И. За безопасность и мир надо бороться, с. 276–278.

¹⁴ Там же, с. 262.

¹⁵ Казахстанская правда, 15.03.2002; Независимая газета, 16.03.2002.

¹⁶ Интервью министра иностранных дел Киргизии А.Айтматова // Независимая газета, 12.04.2002.

¹⁷ Интервью президента Киргизии А.Акаева // Независимая газета, 10.11.2001.

¹⁸ Там же, 12.09.2002.

¹⁹ Казахстанская правда, 27.07.2002.

²⁰ Там же, 01.11.2001.

²¹ Нейтральный Туркменистан (Ашхабад), 15.09.2001.

²² Там же, 02.11.2001.

²³ Там же, 15.02.2002.

²⁴ Там же, 03.02.2002.

²⁵ Казахстанская правда, 09.10.2001.

²⁶ Нейтральный Туркменистан, 06.03.2003.

²⁷ Там же, 12.03.2002.

²⁸ Там же, 26,28.02.2003.

²⁹ Казахстанская правда, 04.09.2002.

³⁰ Независимая газета, 03.03.2003.

ИНДИЯ И АФГАНИСТАН: ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

После распада в 1947 году Британской Индии и образования на южноазиатском субконтиненте двух независимых государств Индии и Пакистана афганский вектор во внешней политике Дели заметно усилился и приобрел свою самостоятельную значимость. Не претерпел изменений его удельный вес и в настоящее время. Индия и Афганистан находятся в едином геополитическом пространстве, и с учетом своего военно-политического веса и регионального доминирования Индия рассматривает Афганистан как государство, находящееся в сфере ее жизненных интересов.

Безопасность и стабильность в самой Индии обуславливаются, помимо прочих факторов, благоприятной устойчивой ситуацией в сопредельном регионе, что может быть обеспечено лишь при условии полного прекращения вооруженной борьбы между различными этническими и племенными структурами внутри Афганистана и внешнего вмешательства в его внутренние дела, сохранения суверенитета и территориальной целостности афганского государства. Для многонациональной и поликонфессиональной Индии как федеративного государства с прямой угрозой сепаратизма в ряде стратегически важных регионов (например, Джамму и Кашмир, Тамилнаду, Ассам, Мизорам, Мехгалайя и др.) последнее обстоятельство имеет особое значение.

С учетом того обстоятельства, что Индия и Афганистан не имеют общих границ, но их разделяет Пакистан, находящийся в состоянии длительной и временами острой конфронтации с Индией и непосредственно вовлеченный в столкновение противоборствующих сил в Афганистане, Нью-Дели в стремлении развивать долгосрочные связи с Кабулом, помимо всего прочего, преследует прежде всего собственные цели. Развитие полномасштабных политических и торгово-экономических отношений с Афганистаном в Индии рассматривается, в том числе, и в качестве одного из возможных эффективных инструментов ослабления влияния Пакистана на Афганистан. Как представляется, и сами пакистанцы отводят Афганистану роль «плацдарма стратегической глубины» в противостоянии с Индией. Поэтому Индия вырабатывает свою афганскую политику в значительной степени сквозь призму отношений с Пакистаном и его политики в Афганистане и в регионе, в том числе с учетом возможных подвижек в поиске путей урегулирования кашмирской проблемы. Наконец, свои практические шаги в отношении Афганистана Индия осуществляет, принимая

во внимание исламский фактор, не забывая, что населяющая ее мусульманская община насчитывает порядка более ста двадцати млн. человек. Поэтому приход к власти в Афганистане исламских радикалов из движения «Талибан» вызывал самое серьезное беспокойство Нью-Дели, так как объективно укреплял позиции экстремистов и сепаратистов внутри Индии.

К концу 90-х годов произошел новый виток террористических акций в Кашмире и резко обострилась обстановка в центральноазиатском регионе, что было вызвано растущей угрозой вмешательства во внутренние дела этих стран со стороны различных боевиков-исламистов, например, лидеров Исламского движения Узбекистана во главе с Т.Юлдашевым и Джума Намангани, долгое время находивших прибежище на территории Афганистана. Слаженная координация действий со стороны талибов, сподвижников «террориста номер один» Усамы бен Ладена, а также пакистанского Объединенного разведывательного управления привела к тому, что терроризм приобрел особенно жестокие и непредсказуемые формы, глубоко пустив свои корни в Афганистане. Наглядным подтверждением тому явился, в частности, угон в декабре 1999 года пакистанскими террористами индийского аэробуса «А-310», выполнявшего рейс из Катманду в Нью-Дели. После его принудительной посадки в Кандагаре террористы потребовали от индийских властей немедленного освобождения из тюрем ряда известных исламистов, в том числе и лидера ныне запрещенной в Пакистане «Джайше-Мухаммад» Азхара Масуда, в противном случае угонщики пригрозили взорвать авиалайнер с пассажирами на его борту. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что талибы не только не предприняли каких-либо попыток к задержанию террористов, но практически с самого начала заняли их сторону, обеспечив впоследствии угонщикам самолета вместе с освобожденными и доставленными из Индии по их требованию лидерами исламистов безопасный выход с территории Афганистана. По некоторым предположениям, террористы успешно перешли Линию Дюранда и скрылись на подконтрольной Пакистану территории в зоне племен.

События 11 сентября 2001 года внесли серьезные коррективы в расстановку политических и военно-стратегических сил в регионе, в первую очередь в связи с началом 7 октября 2001 года Соединенными Штатами и их союзниками по антитеррористической коалиции военной операции против режима Движения «Талибан». Индия с самого начала поддержала антитеррористическую операцию в отношении талибов, согласившись предоставить свои военные базы для дозаправки боевых самолетов стран антитеррористической коалиции. Как заявил 11 октября 2001 года министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх, нейтрализация Афганистана как базы террористов и ликвидация тренировочных лагерей боевиков вернет эту страну в мировое сообщество и «напрямую отвечает национальным интересам Индии».

Нью-Дели всерьез обеспокоен проблемой роста производства и незаконного оборота наркотиков в Афганистане, доходы от которых являются одним из главных источников подпитки международного терроризма в регионе и внутреннего вооруженного конфликта в стране. К сожалению, приходится констатировать, что предпринимаемые афганскими властями меры по борьбе с наркоиндустрией ощутимых результатов пока не дают, более того, в стране растет производство опийного мака, увеличиваются площади под его посевы. По данным ЮНДКП*, в 2002 году в Афганистане было произведено 3,4 тыс. тонн опийного мака или 340 тонн наркотиков в героиновом эквиваленте, что составляет 75% мирового производства этого продукта. Ожидается, что в 2003 году объем урожая опийного мака составит более 4 тысяч тонн. Внутренние доходы афганской наркоиндустрии составляют более 1,2 млрд. долларов США, внешние – до 25 млрд. долларов США в год. В Нью-Дели понимают, что без кардинального решения наркопроблемы умиротворить военно-политическую ситуацию в Афганистане и оказать Кабулу эффективную помощь в восстановлении разрушенной войной экономики страны не представляется возможным.

Есть и еще один косвенный, но немаловажный фактор в пользу налаживания диалога между Индией и Афганистаном. Развитие политического и торгово-экономического сотрудничества с государствами Центральной Азии рассматривается Нью-Дели в качестве одного из приоритетных направлений индийской внешней политики. В местных правительственных и политических кругах исходят из того, что национальным интересам отвечает укрепление позиций Индии в центральноазиатском регионе с учетом его стратегически важного географического положения и значительных запасов природных ресурсов. В этом смысле Нью-Дели рассматривает Афганистан в качестве «связующего моста» между Индией и государствами Центральной Азии.

Вырабатывая позицию по афганской проблеме, индийское руководство учитывало точку зрения и России – своего стратегического союзника, также непосредственно заинтересованного в стабилизации обстановки в Афганистане и вокруг него. В силу известных причин Нью-Дели и Москва традиционно придерживались в целом сходных или близких позиций в оценке ситуации в Афганистане. В целях регулярного и эффективного обмена мнениями по вопросам афганского урегулирования в октябре 2000 года было принято решение о создании совместной Российско-Индийской Рабочей группы по Афганистану** (РГА).

---

* ЮНДКП – United Nations Drugs Control Programme (UNDCP), Программа ООН по контролю за наркотиками.

** С российской стороны возглавляет первый заместитель министра иностранных дел В.И.Трубников, с индийской – первый заместитель министра иностранных дел К.Сибал.

28 марта с.г. в Москве состоялось очередное 6-е заседание РГА. С учетом изменившейся международной обстановки после начала США и их союзниками военной операции в Ираке и свержения в стране режима С.Хусейна, а также расширения в рамках этой группы тематики обсуждаемых вопросов предполагается ее переименовать в Рабочую группу по противодействию глобальным вызовам.

Индия была в числе первых стран, восстановивших полномасштабные дипломатические отношения с Афганистаном в постталибский период. 21 ноября 2001 года в Кабул прибыла индийская дипломатическая миссия во главе со специальным представителем премьер-министра Индии по Афганистану С.К.Ламбой (в прошлом посол Индии в России). Нью-Дели принял активное участие в работе Боннской конференции и полностью поддержал ее решения, которые условно сводились к следующему: формирование переходного правительства с мандатом на шесть месяцев; создание Верховного суда; образование специальной независимой комиссии для подготовки проведения Лоя Джирги (высшего собрания представителей всех племен); введение в Кабул под эгидой ООН международных сил содействия безопасности в Афганистане. Индия приветствовала избрание пуштунского лидера Хамида Карзая в качестве главы Временной администрации Афганистана. 22 декабря 2001 года министр иностранных дел Индии Дж.Сингх открыл индийское посольство в Кабуле. Вскоре между Индией и Афганистаном начались интенсивные политические контакты.

Показательно, что первые иностранные визиты афганского руководства состоялись именно в Индию. Так, в декабре 2001 года Нью-Дели посетил министр внутренних дел Афганистана Ю.Кануни. В конце февраля 2002 года Индию с визитом посетил глава Временной администрации Афганистана Х.Карзай. Прошли его переговоры с министром иностранных дел Дж.Сингхом, первым заместителем министра иностранных дел Ч.Айер, состоялась встреча с премьер-министром А.Б.Ваджапи. Основное внимание во время бесед было уделено вопросам оказания Индией экономической помощи Афганистану, а также содействию в подготовке офицерских кадров для армии и полиции. Х.Карзай сделал акцент на том, что имеющийся у индийских военных опыт обслуживания и ремонта боевой техники российского образца мог бы быть активно использован Кабулом. Дж.Сингх подчеркнул в этой связи, что в Нью-Дели готовы принять на обучение афганских курсантов и направить своих военных специалистов в Афганистан. Вместе с тем он указал на необходимость предоставления правительством Х.Карзая гарантий безопасности индийскому персоналу.

В августе 2002 года Афганистан посетил министр иностранных дел Индии Яшванта Синхи. Визит был главным образом нацелен на поддержание официальных контактов на высоком уровне между Нью-Дели и Кабулом. При формировании внешнеполитического курса Индии в отношении Афганистана, как полагают индийские политологи, следует учи-

тывать два важных обстоятельства. Первое: Нью-Дели проявляет большую заинтересованность в развитии долгосрочных дружественных отношений с Кабулом, что принесет обоюдную практическую выгоду и будет всесторонне содействовать достижению в стране мира и стабильности. Второе: Индия выступает за установление умеренного политического режима в Афганистане, в который должны войти представители всех религиозно-этнических групп. При этом Нью-Дели не собирается вмешиваться во внутренние дела Афганистана и намерен поддерживать тесные контакты с любым законно избранным там правительством.

Первостепенное внимание Нью-Дели уделяет налаживанию регулярной материальной помощи афганскому народу в интересах укрепления социально-экономического сектора страны, развития государственной инфраструктуры, включая здравоохранение. Наглядным примером такой последовательной внешнеполитической линии индийского руководства местные наблюдатели называют активное участие Нью-Дели за последние десять месяцев в работе международных конференций по проблеме стабилизации в Афганистане и его экономической реабилитации.

В ходе переговоров с Я.Синхой глава переходной администрации Х.Карзай особо подчеркивал, что с принятием международным сообществом решения о выделении Кабулу финансовой помощи в размере 1,8 млрд. долл. США на восстановление страны Индия, связав себя соответствующими обязательствами, была одной из первых, кто оперативно оказал конкретную материальную поддержку афганскому правительству, предоставив Кабулу двадцать автобусов, продовольствие, медикаменты, а также выступил инициатором по укреплению в Афганистане военных, дипломатических и административных кадров.

Отмечается, что Я.Синха прилетел в Кабул на одном из трех пассажирских самолетов, которые индийское правительство передало афганцам на безвозмездной основе. По мнению индийских экспертов, визит Я.Синхи преследовал еще одну немаловажную цель – получить личное представление о состоянии и перспективах политической стабилизации в Афганистане. Несмотря на успешное проведение Лоя Джирги и формирование переходных структур власти под руководством Х.Карзая, на работе новой афганской администрации, по оценке индийских наблюдателей, негативно сказываются сохраняющиеся противоречия между Х.Карзаем и наиболее влиятельными полевыми командирами, претендующими на власть в Кабуле. Вновь вспыхнули антагонистические настроения среди пуштунов, таджиков и узбеков. Как видится, увеличивается недоверие к Х.Карзаю со стороны министра обороны М.Фахима, выступающего за предоставление таджикам более широких полномочий в центральных структурах власти страны. Генерал А.Р.Достум, губернатор Герата Исмаил Хан, а также губернаторы ряда центральных и южных провинций продолжают подвергать резкой критике самого Х.Карзая, выражая таким образом недовольство в связи с тем, что им не удалось занять руководящего положения в переходной администрации. Наибо-

лее опасной фигурой, по мнению индийцев, является лидер Исламской партии Афганистана Гульбеддин Хекматъяр, объявивший «священную войну» афганскому правительству. Ему приписывают убийство 26 человек и попытку физического устранения Х.Карзая в сентябре 2002 года. Здесь не исключают также наличия тесных связей между Г.Хекматъяром и остатками подразделений талибов и «аль-каидовцев», скрывающихся на территории Пакистана.

Анализируя непростую внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане, индийские независимые эксперты считают вполне обоснованным решение индийского министра иностранных дел Я.Синхи лично встретиться с М.Фахимом, А.Р.Достумом и И.Исмаил Ханом. В сложившейся ситуации перед Нью-Дели возникает важная задача – помимо поддержания тесных контактов с лидерами бывшего Северного альянса, восстановить сбалансированные отношения с другими представителями религиозно-этнических групп Афганистана. По мнению Я.Синхи, необходимо как можно скорее избавиться от чувства взаимного недоверия и подозрительности, прийти к соглашению с пуштунами с тем, чтобы не сорвать процесс политической стабилизации и экономического восстановления постталибского Афганистана. Если этого не произойдет, считает индийский министр, то под угрозой будет поставлено само единство страны.

По оценкам индийских наблюдателей, значительное влияние на развитие индийско-афганских отношений в обозримом будущем будет оказывать внешний фактор, прежде всего в лице Пакистана. С поражением талибов, рассуждают эксперты, Исламабад фактически утратил контроль над юго-восточными территориями Афганистана, которые до недавнего времени Пакистан рассматривал как сферу своего влияния. Для Нью-Дели такое развитие событий представляется весьма актуальным, поскольку это дает Индии возможность напрямую выйти на обширный центральноазиатский рынок, что полностью отвечает ее геополитическим интересам.

Снижение темпов экономического роста и значительное сокращение роста объемов индийского экспорта в 2001–2002 финансовом году также вынуждает деловую элиту Индии искать новые рынки и направления торгово-экономического сотрудничества. После окончания антитеррористической операции на территории Афганистана и проведения 20–21 января 2002 года в Токио встречи по проблемам политического и экономического устройства страны в послевоенное время, в ходе которой обсуждался вопрос о размерах выделения финансовой и гуманитарной помощи, Афганистан стал одним из стратегически важных направлений в торгово-экономической и региональной политике Индии.

По оценкам специального представителя Индии по Афганистану С.К.Ламбы, предполагается, что в течение ближайших пяти лет афганское правительство получит порядка 9 млрд. долларов США от международных финансовых и гуманитарных организаций на цели восстановления здравоохранения, образования и экономики, что создаст устойчивый базис для

налаживания индийско-афганского торгово-экономического сотрудничества на длительную перспективу. В начале 2000 г. министр финансов Индии Дж.Сингх высказал заинтересованность в рассмотрении вопроса о предоставлении Афганистану статуса наибольшего благоприятствования в торговле, и Нью-Дели выделил Кабулу 100 млн. долларов США в качестве кредита под закупку индийских товаров по линии Экспортно-импортного банка. Наряду с этим индийское правительство взяло обязательство поставить афганцам 1 млн. тонн пшеницы в качестве гуманитарной помощи по линии ООН. В Индии активно ведется пропаганда торгово-экономических возможностей Афганистана среди местных деловых кругов. На последнем Партнерском саммите, который проводился в Бангалоре в начале января 2002 года, вопросы установления торгово-экономических связей с Афганистаном были в центре внимания повестки Саммита и по важности уступили лишь проблемам индийско-китайской торговли. Выступая перед представителями крупнейших компаний Индии, генеральный секретарь Конфедерации индийской промышленности (КИП) Тарун Дас объявил о намерении открыть представительство КИП в Кабуле и призвал индийских бизнесменов воспользоваться пока еще низким уровнем конкурентной борьбы в Афганистане с тем, чтобы своевременно занять позиции в таких секторах афганской экономики, как энергетика, дорожное строительство, транспорт, телекоммуникации, жилищное строительство, здравоохранение, образование, сельское хозяйство и финансы.

Согласно имеющейся информации, некоторые индийские корпорации уже направили правительству свои предложения по выходу на афганский рынок, в том числе в области строительства школ, больниц и электростанций – «Ларсен энд Тубро» («Larsen&Toubro»), по поставке оборудования для школ и больниц – «Годредж энд Бойс» («Godrej&Bouse»), автобусов и автомастерских – «Телко» («Telco»), генераторов – «Кирлоскар» («Kirloskar»), машин скорой помощи и джипов для полиции – «Махиндра энд Махиндра» («Mahindra&Mahindra») и в сфере жилищного строительства – «Индал» («Indal»). Особый интерес также проявляют производители чая, которые попытаются компенсировать снижение спроса на свою продукцию со стороны России путем увеличения поставок чая в Афганистан. В середине 90-х годов экспорт индийского чая в Афганистан достигал 800 тыс. кг, однако с приходом режима талибов его объемы снизились до 260 тыс. кг в 2000 году. Учитывая текущую финансовую слабость потенциального партнера, индийская сторона планирует начать торговлю на основе бартерных сделок в самое ближайшее время.

Последние инициативы руководства Индии в плане наращивания торгово-экономического сотрудничества с Кабулом дают основание полагать, что индийцы активно включаются в борьбу за получение международных тендеров на восстановление разрушенной войной экономики Афганистана и составят серьезную конкуренцию российским и западным компаниям. В перспективе Нью-Дели, по всей види-

мости, постарается максимально закрепить на новом афганском рынке, товарно и экономически «привязать» его к своим производителям, по возможности вытеснив пакистанское влияние.

Состоявшийся в марте 2003 года визит президента Афганистана Х.Карзая в Индию стал важным событием в индийско-афганских отношениях и подтвердил обоюдную готовность Нью-Дели и Кабула активизировать взаимодействие по всему спектру двусторонних связей. Среди наиболее значимых итогов визита – подписание соглашения о преференциальной торговле, в соответствии с которым будут вдвое сокращены или полностью сняты тарифы на импорт из Афганистана 38 видов товаров и на поставки туда медикаментов, чая, сахара и цемента из Индии. В дар Афганистану передается 57 автобусов и последний из трех обещанных бывших в эксплуатации автобусов А-310. Принято решение о создании в Кабуле центра информационных технологий, в котором пройдут компьютерное обучение тысячи афганских студентов.

В дополнение к ранее уже предоставленному кредиту в размере 100 млн. долларов США Нью-Дели объявил о выделении еще 70 млн. долларов США. Деньги пойдут на строительство 230 км шоссейной дороги от Заранджа до Диларама, которая станет частью автомагистрали, соединяющей Афганистан с портом Чахбехар на юге Ирана. Реализация подобной дорожной стратегии крайне важна для Индии, заинтересованной, минуя Пакистан, получить выход к Афганистану и государствам Центральной Азии. К тому же для Нью-Дели весьма предпочтительно, чтобы и Кабул использовал альтернативные транспортные маршруты в обход Пакистана.

В качестве важнейшего фактора идеологического присутствия в Афганистане, которым Индия отнюдь не намерена пренебрегать, там рассматриваются весьма популярные у афганцев индийский кинематограф, музыка и эстрада.

Индия претендует также на свою долю участия в создании афганской армии и сил безопасности, включая подготовку военных кадров. Передача в марте 2003 года в распоряжение афганской армии более трехсот единиц транспортных средств рассматривается в Нью-Дели как первый этап начинающегося двустороннего военно-технического сотрудничества.

Индийско-афганские договоренности о сотрудничестве носят предельно конкретный и содержательный характер, реализуются они достаточно быстро и оперативно, без бюрократических проволочек, что лишь наглядно доказывает стремление Нью-Дели закрепить свое присутствие в Афганистане как можно скорее и как можно прочнее.

Этими же мотивами объясняется намерение Индии иметь свои дипломатические представительства во всех значимых провинциях страны. В августе 2002 года были открыты индийские генеральные консульства в городах Мазари-Шариф и Герат, в декабре того же года – в Кандагаре и Джелалабаде.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА: ИСТОЧНИКИ И ПОЛУЧАТЕЛИ*

К тому времени, как советские войска были выведены из Афганистана в феврале 1989 года, миллиарды долларов, не говоря уже о миллионах человеческих жизней уже были потрачены на то, чтобы выиграть войну.

Помимо денежных фондов ЦРУ, щедрых даров арабских шейхов, королей и финансистов, для того чтобы превратить исламистский джихад в самофинансируемое предприятие, были задействованы многие другие источники. Подаренное оружие, от винтовок до орудий «Стингер», а также сопутствующие технические материалы продавались и перепродавались, очень часто попадая в руки военных продавцов оружия. Некоторые из лидеров Афганистана к тому времени, когда советские войска ушли и в стране началась междоусобица, уже создали разветвленную сеть наркотрафика. Это превратило Афганистан, Иран и Пакистан в место пребывания наркокартелей и путей транспортировки наркотиков. Те, кто создали на этом состояние, в основном выполняли две функции: во-первых, они помогали финансировать партизанские войны и террористические действия в Алжире, Египте, Боснии, Кашмире, на Филиппинах и в других местах, и, во-вторых, обеспечили целому ряду международных террористических лидеров огромные доходы и безбедное существование.

В США официальное финансирование джихада начиналось медленно. ЦРУ и некоторые другие ассоциированные организации испытывали проблемы и не могли просто использовать секретные фонды Пентагона, так называемый «Черный бюджет». Одним из главных требований, связанных с вербовкой, была способность покрывать издержки. Сделать это было не просто, так как не было точной информации о точном количестве бойцов. Так, по мнению известного журналиста Эдварда Жирардэ, в 1983 году насчитывалось от 80 до 150 тыс. партизан, однако эта цифра не учитывала тех, кто не занимался боевыми операциями на постоянной основе.

Хотя ЦРУ пыталось оказывать помощь только через семь официальных политических групп, в реальности поддержка часто предоставлялась через внешних доноров. По словам арабских журналистов, посещавших арабских

---

* Материал составлен по американским источникам (John K.Cooley, “Unholy Wars: Afghanistan, America and International Terrorism”, London, 1999. Bob Woodward, “Veil, the Secret Wars of the CIA 1981–1987”, London, 1987. Peter Truell and Larry Gerwin, BCCI, the Inside story of the World’s Most Corrupt Financial Empire, London, 1992).

добровольцев в Пакистане и Афганистане, в 1980–1985 годах оплата профессионального бойца варьировалась от 100 до 300 долларов, что для большинства молодых афганцев, пакистанцев, алжирцев, египтян и филиппинцев было значительной суммой. С момента прихода Рейгана к власти и вплоть до 1990 года «Черный бюджет», на который изначально уходили 9 млрд. долларов в год, увеличился до 36 млрд. долл. в год. Сам проект «Черного бюджета» возник после второй мировой войны. Президент Франклин Д.Рузвельт создал его для финансирования Манхэттенского проекта, в ходе реализации которого были созданы две ядерные бомбы. Позднее деньги были тайно переведены в Пентагон для создания в 1947 году ЦРУ и в 1952 году АНБ (Агентства Национальной Безопасности). Однако до финансирования джихада расходы из него не были столь значительными. Деньги из «Черного бюджета» шли на разработку секретных программ по вооружению, многие из которых так и не претворились в жизнь, часть средств пошла на так называемые «черные» операции, которым было уделено значительное внимание прессы, таким, например, как продажа оружия Ирану. Другой подобной операцией стало обеспечение оружием советского производства афганских бойцов во время ирано-иракской войны. Подобного рода программы проводились и в отношении Израиля и Египта.

Осуществление финансовых программ во многом стало возможно благодаря усилиям нескольких американских бизнесменов: республиканцев Чарльза Вилсона, Давида Драйера, Билла МакКолума и сенатора-республиканца из Нью-Гемпшира, Гордона Хэмпфри. Все они считали, что афганский джихад можно рассматривать в качестве противовеса советской империи во время холодной войны.

Одним из главных сторонников директора ЦРУ Вильяма Кейси в вопросах финансирования был Чарльз Вилсон, который преуспел в бизнесе и политике, работая в законодательных органах Техаса. Будучи приверженцем консервативной линии, он стал активно развивать антикоммунистическую деятельность в Афганистане, путешествуя по Южной Азии, развивая там тесные связи и убеждая Конгресс США тратить больше средств в отношении Афганистана. Союзником Вилсона в денежных вопросах был Джон МакМахон, который занимал пост помощника директора ЦРУ с июня 1982 года. МакМахон действительно поддерживал попытки Вилсона в предоставлении больших денежных средств на джихад, но неоднократно выражал сомнение в необходимости использовать против Советского Союза силу, а не дипломатию.

Однако государственное финансирование США, которое шло из денег американских налогоплательщиков, перестало устраивать президента Роналда Рейгана, а затем и Джорджа Буша. Они стали осознавать, что помимо них Саудовская Аравия сопоставима по финансовому могуществу. В результате стало осуществляться дополнительное частное арабское финансирование такими фанатичными приверженцами глобального триумфа исламизма, как Усама бен Ладен, которое вскоре отодвинуло на второй план государственное финансирование.

Хотя ничто не сможет сравняться с размером вкладов бен Ладена и других богатых спонсоров Арабского мира, достаточно значителен был в свое время вклад Банка международного кредита и коммерции (БМКК), возглавляемого пакистанским миллионером Ага Хассаном Абеди. Связь между БМКК и Саудовскими и Американскими финансовыми операторами восходит ко времени администрации Картера и тесно связана с деятельностью Камала Адхама, который во многом определял начальное развитие арабского финансирования.

Шейх Камаль Адхам, как его называют некоторые из биографов, родился в Турции в 1929 году. В 60-х годах поддержка Адхамом Анвара ал-Садата, будущего президента Египта, помогла ему в будущем осуществлять финансовые операции в отношении Афганистана. Когда в 1970 году президент Насер умер, и на его место пришел Садат, Адхам стал склонять его к разрыву отношений с Советским Союзом и их улучшению с США. Примерно в это же время он встретил Ага Хассана Абеди, основавшего банковскую империю БМКК в 1972 году. Помощь Саудовской Аравии и ЦРУ в финансировании афганского джихада была лишь одной стороной карьеры Абеди. Его позиция выглядела особенно привлекательной для директора ЦРУ Вильяма Кейси. У ЦРУ уже был опыт использования коррумпированных банков для своих операций. Как позже выяснилось БМКК имел секретные счета в Швейцарии, Лондоне, Майами и многих других местах. На этих счетах правительство Саудовской Аравии располагало секретные денежные средства для Контрас в Никарагуа, УНИТА в Анголе и даже в поддержку генерала Норьеги, президента Панамы.

В ходе судебного разбирательства над Норьегой вовлеченность БМКК в операции, связанные с наркотиками, была частично раскрыта. Позднее журналисты «Тайм», «Эй-Би-Си Ньюс» стали говорить о связях банка с разведывательными управлениями. ЦРУ отрицало все связи с БМКК. Однако английская и американская пресса нашла доказательства, включающие в себя свидетельства о счетах ЦРУ в лондонских филиалах БМКК и ряд других улик. В конце концов действующий директор Ричард Керр признал, что у БМКК были счета ЦРУ; «Эн-Би-Си Ньюс» в 1992 году дала информацию, что Абеди в течение 3 лет встречался с Кейси. Норман Бейли, один из бывших сотрудников Американского Совета по Национальной Безопасности, сказал о том, что к 1984 году он знал о вовлечении БМКК в «отмывание» денег от продажи наркотиков, финансирования террористов, продажи оружия и махинаций на финансовых рынках. БМКК играл даже более важную прямую роль в джихаде Афганистана. Сотрудники банка контролировали порт Карачи, через который проходило множество военных судов. Они осуществляли подкуп и выступали с угрозами в адрес пакистанских таможенных служб.

В 1991 году БМКК и его многие филиалы обанкротились и были закрыты согласно международному законодательству. Около 9,5 млрд. долл. оказались пропавшими. При этом пострадавшими оказались не только торговцы наркотиками и террористы, но и миллионы

честных людей, особенно выходцев из стран Азии, проживающих в Великобритании, и стран Персидского залива, которые вряд ли поняли, что вообще произошло.

В 1998 году, после нескольких месяцев напряженных переговоров, одна из новостных компаний американского телевидения смогла установить контакт и взять интервью у человека, которого правительство США и многие из их союзников считают одним из самых опасных международных террористов в мире. Речь идет об Усама бен Ладене, миллионере, родившемся в 1957 году. Свое состояние он заработал, будучи гражданином Саудовской Аравии, и затем стал лидером и спонсором международной террористической сети, которая выросла из Афганской «Священной войны». В ходе интервью в мае 1998 года бен Ладен частично взял на себя ответственность за бомбардировку Всемирного Торгового Центра в феврале 1993 года и сокрушительное поражение американских войск в Сомали в 1993–1994 годах.

Некоторое знание о иеменском происхождении династии бен Ладен, которая основала и привела к процветанию крупнейшую строительную фирму в мире, может помочь в понимании международной природы как самой «Священной войны» Афганистана, так и природы партизанских и террористических войн.

Мохаммад бен Ладен, отец Усамы бен Ладена и основатель империи, был выходцем из Йемена. В молодом возрасте он эмигрировал в Саудовскую Аравию. Начав свою карьеру строителем, скоро продвинулся в бизнесе, основав свою собственную фирму, с которой заработал значительное состояние. В 1966 году Шейх Мухаммад погиб в автокатастрофе. В конце 1970-х годов один из его младших сыновей, Усама, стал руководить большей частью его бизнеса.

В 1981 году, когда директор ЦРУ Кейси и его помощники из Саудовской Аравии Камаль Адхам и Принц Турки пытались найти новые источники секретного финансирования кампаний в Афганистане, предприятия бен Ладена были в списке наиболее вероятных «претендентов». Стандартный бюллетень Государственного Департамента США, выпущенный летом 1997 года, содержит много интересных фактов о его карьере в сфере исламистского и антиамериканского терроризма. Тем не менее в нем опущены некоторые факты его биографии, которые помогают объяснить, насколько близки были его связи с США.

В декабре 1979 года, вскоре после того, как советские войска вошли в Афганистан, Усама бен Ладен присоединился к муджахеддинам и вскоре стал играть там главную роль. В Пешаваре, в Пакистане, он основал базу, и благодаря своей репутации набожного мусульманина, а также благодаря участию его компаний в строительстве храмов Мекки и Медины Усама бен Ладен казался разведывательным управлением Саудовской Аравии и ЦРУ идеальной фигурой.

Бен Ладен начал оплачивать через свои собственные фонды вербовку, транспортировку и обучение арабских добровольцев, которые летали

в Пешавар, а затем обратно в Афганистан для того, чтобы осуществлять джихад. К 1985 году он собрал достаточно денег для того, чтобы создать организацию «Аль-Каида» (Организация Исламского Спасения) в поддержку джихада. Он также организовал центры вербовки и подготовки арабских добровольцев в Саудовской Аравии, Египте и Пакистане.

Многие из тех, кого готовил бен Ладен, стали набожными мусульманами, однако некоторые стали преступниками. Помимо этого, независимо от степени причастности бен Ладена, одним из способов добывания денег египетскими исламистами было их подделывание и «отмывание», доказательства чего были найдены в Египте.

После того, как в 1989 году советские войска были выведены из Афганистана, бен Ладен на короткое время вернулся в Саудовскую Аравию, а в 1991 году прибыл в Хартум, столицу Судана, где его приветствовал лидер Национального Исламского Фронта (НИФ) Судана. В Судане бен Ладен увеличил свое личное состояние и в то же время установил связи с богатыми партнерами НИФ. Рабочие компаний, принадлежавших бен Ладену, в скором времени включали в себя сотни, а возможно и тысячи военных арабов и других ветеранов Афганского Джихада, которые пытались избежать возвращения в свою страну. Отделение «Аль-Каиды» в Судане давало прибежище все новым и новым иммигрантам. бен Ладен продолжил осуществлять финансирование и обучение.

Последователи бен Ладена организовали среди других диссидентских групп Саудовской Аравии работу, направленную как против американского военного присутствия в Саудовской Аравии и зоне Персидского залива, так и против Саудовской королевской семьи. Они также пытались проникнуть в Египет и Судан. В апреле 1993 года президент Мубарак нанес специальный визит в Эр-Рияд, целью которого было сообщить о поддержке бен Ладеном мятежных египетских исламистов.

В том же году исламистские террористические группы в Египте увеличили число нападений на полицию, население и гражданские объекты. В конце мая 1993 года Министерство внутренних дел Египта сообщило, что бен Ладен стал финансировать новую группу, получившую название «Принадлежащие к Джихаду». А к январю 1994 года, согласно отчетам разведывательного управления США, он финансировал по крайней мере три лагеря подготовки партизан или террористов для египетских, алжирских, тунисских и палестинских бойцов в сотрудничестве с НИФ. По словам тех немногих западных репортеров, которые смогли увидеть один из этих лагерей, помимо народной милиции организации НИФ Судана, иностранных представителей там не было.

В 1994 году Усама бен Ладен также активизировал свою деятельность в Йемене, на родине его отца. Он начал направлять деньги, оружие и обучать ветеранов, воевавших в Афганистане, в Северном Йемене. В своей речи ранней весной 1994 г. принц Саудовской Аравии Абдалла заявил, что происламистские элементы, исповедующие насилие и связанные с секретными египетскими организациями, больше не приветствуются в

королевстве. 7 апреля 1994 года после специального визита президента Мубарака король Фадх объявил, что бен Ладен лишается гражданства Саудовской Аравии, а спустя несколько недель после этого, некоторые журналисты, освещающие события на Ближнем Востоке, получили по факсу послание из Лондона, в котором говорилось, что бен Ладен открывает там офис. С этого момента деятельность бен Ладена стала связываться с деятельностью «Комитета по Совету и Реформам». Это оппозиционная Саудовской Аравии организация, основанная в Лондоне, которая в конце 1990-х годов выпустила тысячи памфлетов, направленных против Саудовского правительства.

Опасения королевской семьи относительно помощи бен Ладена Йемену оправдались. С момента приезда бен Ладена в Хартум, а возможно, и ранее, он помог организовать движение джихада в Сане, столице Северного Йемена. Также бойцы джихада участвовали в конфликте в Йемене в июне-июле 1994 года.

В Северной Африке правящие алжирские генералы также оказались вовлечены в войны с так называемыми «афганцами», теми, кто пытался установить там модель джихада, что привело к кровавой гражданской войне, начавшейся в 1991 году. Поддержка этому движению шла из Саудовской Аравии и других арабских стран и организаций. Помимо этого, получателями денежных средств из Саудовской Аравии стали также некоторые мусульманские общины в Европе, как например, община в Эврэ (Франция). Проявляющие подозрительность французские специальные службы пытались установить связь между ними и военными группировками, особенно алжирскими группами. Либо это подтверждение не было найдено, либо сведения об этом не просочились в прессу.

К середине 1990-х годов американская финансовая помощь «священным войнам» Афганистана отошла в прошлое. БМКК больше не существовал. Однако продолжающийся джихад в Египте, Алжире, на Филиппинах, в Нью-Йорке, Париже и других центрах Мусульманского и Западного миров все еще финансировался как Усамой бен Ладеном, так и другими «игроками», меньшего размаха, которые приватизировали международный терроризм и превратили его в большое предприятие.

Одной из самых больших угроз в этом процессе оставались джихад и насилие, сопутствующее наркотрафику. В 1980-х годах целая волна наркотических средств хлынула из Афганистана и Пакистана в Европу, Америку и на Дальний Восток. К концу 90-х годов этот поток, особенно опиум и героин, не говоря уже о различных формах марихуаны, достиг огромных масштабов. Он ослабил и убил миллионы людей, как и кокаин из Южной Америки. Ущерб, нанесенный им, ощущался как в городах Америки и Европы, так и в новых индустриальных государствах, а также в бывших советских республиках Центральной Азии и самой России. Это во многом стало последствием войны в Афганистане, обогатившей торговцев наркотиками и их союзников, но разрушившей жизни миллионов.

ОЦЕНКИ ОБЪЕМОВ И СТРУКТУРЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
АФГАНИСТАНА С ПАКИСТАНОМ, ИРАНОМ
И ТУРКМЕНИСТАНОМ В 2000–2001 гг.

В период с июня 2000 г. по февраль 2001 г. международной группой экспертов при содействии ПРООН и ВБ было проведено исследование торговых связей Афганистана, в ходе которого были собраны данные из первичных источников. Исследовательская группа побывала во всех основных пограничных переходах и основных торговых центрах страны – в Герате, Кандагаре, Джелалабаде, Кабуле, Газни, Мазари-Шарифе и др.

Оценки структуры и объема внешней торговли проводились тремя различными методами с использованием следующих наборов данных: данных полевых исследований; комбинированных данных транзитной, двусторонней и неофициальной торговли; а также статистических данных Управления по торговой статистике МВФ. Оценки, полученные с использованием этих трех методов, обеспечивают проверку последовательности и устанавливают наиболее вероятный диапазон того уровня, на котором находится торговля Афганистана.

Согласно исследованию, общий объем внешней торговли Афганистана в 2000 году составил 2,5 млрд. долл. (Таблица 1). Общий объем импорта Афганистана, пересекшего границы в течение 2000 года со стороны Пакистана, Ирана и Туркменистана, находился в диапазоне от 1 млрд. до 1,6 млрд. долларов США, при наиболее вероятной оценке в 1,280 млрд. долларов. Общий объем импорта в количественном выражении находился в диапазоне от 1,3 млн. тонн до 2,0 млн. тонн, с наиболее вероятной оценкой в 1,6 млн. тонн.

Общий объем экспорта и реэкспорта Афганистана в течение 2000 года находился в диапазоне от 1,0 млрд. до 2,5 млрд. долларов США, с наиболее вероятной оценкой в 1,272 млрд. долларов. В количественном выражении общий объем экспорта оценивается в пределах от 1,3 млн. тонн до 2,75 млн. тонн, с наиболее вероятной оценкой в 1,5 млн. тонн.

При недостаточной очевидности внешнего финансирования для покрытия торгового дисбаланса общий объем экспорта в целом компенсируется общей стоимостью всего импорта. Однако существует торговый дефицит товаров в части, касающейся «отечественной» экономики. Более конкретно: в общем объеме экспорта товары, произведенные в Афганистане, оцениваются в 130 млн. долларов (около 10,6% от общего объема экспорта), в то время как остальные – на 1,097 млрд. долларов – являлись реэкспортными товарами. Аналогично этому объ-

ем импорта для внутреннего потребления составил около 396 млн. долларов (33% от общего объема импорта), в то время как товары на сумму около 806 млн. долларов импортировались для реэкспорта. Торговый баланс Афганистана, исключая реэкспортную торговлю, показал в 2000 году дефицит в 266 млн. долларов США. Однако по реэкспортной торговле получилось превышение (профицит) в 290 млн. долларов США между оценками реэкспорта и импорта (для реэкспорта), и этот профицит покрыл дефицит во «внутреннем» торговом балансе.

Таблица 1

**Афганистан: полевые исследования;
Оценка внешней торговли, 2000 год**

	(млрд. долл. США)	(% от общего числа)
Импорт (всего)	1,202	100
В том числе:		
для внутреннего потребления	396	33
для потенциального реэкспорта	806	67
Экспорт (всего)	1,227	100
В том числе:		
экспорт местного производства	130	10,6
Реэкспорт	1,097	89,4

По характеру данного исследования соседние страны включают в себя экспорт и импорт всего остального мира, который проходит транзитом через ту или иную страну. Данное исследование предполагает, что Пакистан является основным торговым партнером Афганистана, поставляя напрямую, либо обеспечивая доступ к 47,3% всего импорта в Афганистан и получая 88,0% всего его экспорта. Следующим идет Иран, на который приходится 46% прямого и транзитного импорта Афганистана и 11% его экспорта. Туркменистан обеспечивает только 6,7% импорта в Афганистан и получает менее 1% его экспорта (Таблица 2).

Таблица 2

**Основные направления
внешней торговли Афганистана (млн. долл. США;%)**

В/Из (включает транзитную торговлю через эти три соседние страны)	Экспорт	Импорт
Иран	139(11,3%)	550 (46%)
Пакистан	1082(88,2%)	571 (47,3%)
Туркменистан	6 (0,5%)	81 (6,7%)
Всего	1227(100%)	1202 (100%)

Основные товарные группы импорта и экспорта Афганистана показаны в таблице 3. Импорт Афганистана, за исключением товаров, предназначенных для реэкспорта, состоит в основном из продуктов питания, топлива, -транспортного и сельскохозяйственного оборудования, в то время как экспорт состоит из фруктов, орехов и продукции первичной переработки. Товары реэкспортной торговли включают в себя электронику, косметику, туалетные принадлежности, посуду, автозапчасти, чай и различные товары народного потребления. Большинство реэкспортных товаров уходит в Пакистан, меньшая часть их направляется в Иран.

Таблица 3
Состав (структура) внешней торговли Афганистана

Основные виды импорта	Доля в общем проценте)	Основные виды экспорта	Доля в общем проценте)
Для внутреннего использования	33,2	Местного производства	11,1
В том числе: Топливо/горючее	3,6	В том числе: Фрукты и орехи	2,3
Сахар	3,2	Материалы первичной переработки	2,0
Пшеница, мука	8,0	Пиломатериалы	1,6
Рис	8,1	Реэкспорт:	
Пищевое масло	41,0	Чай	4,5
Сельхозпродукция	10,8	Электроника	30,4
Для реэкспорта:		Шины	15,2
Электроника	26,7	Косметика и пр.	9,5
Посуда и пр.	2,2	Мыло/моющие ср-ва	3,5
Автомобили/мотоциклы	0,8	Посуда	9,9
Автозапчасти	2,5	Запчасти	13,1
Ткани	1,9	Телевизоры	2,6
Косметика и пр.	8,2		
Шины	5,2		
Чай	5,6		-

Афганистан, будучи страной, не имеющей выхода к морю, может торговать с внешним миром только путем транзита, двусторонней торговли с соседними странами и, наконец, путем неофициальной торговли. Таким образом, альтернативным методом оценки величины и состава (структуры) афганской внешней торговли является суммирование оценочных величин транзитной торговли (эти данные имеются у соседних стран), оценочных величин двусторонней торговли (их также можно получить из источников соседних стран), а также оценок, осно-

ванных на исследовании неофициальных торговых потоков в соседние страны. Данные о транзитной торговле относятся к внешней торговле Афганистана с остальным миром, в то время как последние два компонента отражают торговлю Афганистана с соседними странами.

Таблица 4 содержит суммарную статистику. Согласно этому методу, общий объем внешней торговли Афганистана в 2000 году составил 2 млрд. долларов США. Общий объем экспорта Афганистана составил 1,171 млрд. долларов, а общий объем импорта – 878 млн. долларов. По этим оценкам, импорт Афганистана из соседних стран через двустороннюю и неофициальную торговлю, вместе взятые, составил 426 млн. долларов США, из которых 303 млн. долл. приходятся на Пакистан, 121 млн. долларов – на Иран и только 2 млн. долларов – на Туркменистан. Импорт товаров из всего остального мира составил около 440 млн. долларов, 86% которого прошло транзитом через Иран.

Таблица 4

**Транзитная, двусторонняя и неофициальная торговля,
2000/01 г. (млн. долл.)**

Афганистан	Импорт	Экспорт
Транзитная торговля (всего)	439,8	45,1
Через Иран	379,0	39,1
Через Пакистан	60,8	6,0
Двусторонняя торговля (всего)	262,2	45,5
с Ираном	38,8	0,4
с Пакистаном	221,2	45,0
с Туркменистаном	2,2	0,1
Неофициальная торговля (всего)	176,4	1080,2
с Ираном	94,5	139,1
с Пакистаном	81,9	941,1
с Туркменистаном	0	0
Общий объем торговли	878,4	1170,8 .

Основной объем афганского экспорта составил реэкспорт в соседние страны через неофициальные маршруты, и он оценивался в 1,080 млрд. долларов в 2000 году, из которых на Пакистан пришелся 941 млн. долларов. Весь экспорт в остальные страны мира составил 45 млн. долларов США.

Одним из источников информации по афганской внешней торговле является Сводная торговая статистика МВФ (DOT), собранная у стран-партнеров. За последние два десятилетия самый высокий уровень внешней торговли был отмечен в 1983–84 годах. До того, как негативное влияние гражданской войны достигло апогея, экспорт достигал своего максимального объема в 729 млн. долларов в 1983 г., а импорт максимально составил 1,4 млрд. долларов в 1984 г. В последующие годы гражданская война сказалась на афганской внешней торговле. В по-

следние 5 лет объем экспорта Афганистана снизился с 688 млн. долл. в 1993 г. до 166 млн. долл. в 1995 г., и до 111 млн. долл. в 1999 г.. Экспорт во Францию и США возрос в 1997/98, но снизился в 1999 году. Экспорт в развивающиеся страны был более или менее стабильным, и в результате в последние годы доля развивающихся стран в афганском экспорте выросла до 67%.

Общий объем импорта Афганистана увеличился с 465 млн. долл. в 1993 г. до своего наибольшего показателя в 623 млн. долл. в 1996 году и упал до 468 млн. долл. в 1999 г. Колебания в показателях объемов импорта в основном отражают рост импорта из промышленно развитых стран (США, Японии и Франции) в течение 1996–97 годов. Этот период совпал с последними годами власти оппозиционных сил до их отступления из Кабула. Доля промышленно развитых стран в афганском импорте снизилась с 45% в 1995 г. до 28,5% в 1999 г.

В 1999, последнем году, когда имелись данные DOT, внешняя торговля Афганистана находилась на отметке в 579 млн. долл., из которых 468 млн. долл. составлял импорт и 111 млн. долл. составлял экспорт. Эти цифры не включают в себя реэкспорт. Принимая во внимание, что только 150 млн. долл. импорта шло на внутреннее потребление, реэкспортировалось товаров на сумму в 320 млн. долл. Таким образом, если сделать поправку на реэкспорт, объем всей внешней торговли страны составил бы 900 млн. долл.

В 1999 году Пакистан являлся крупнейшим торговым партнером Афганистана (экспорт – 90 млн.долл., импорт – 36 млн. долл.). За ним шла Япония, общий объем торговли с которой составил 74 млн. долл., из которых 73 млн. долл. – импорт из Японии. Следом шли Кения и Индия.

Результаты трех различных методологий оценки внешней торговли Афганистана сравниваются между собой в таблице 5.

Таблица 5

**Афганистан: Сравнение оценок внешней торговли
(млн. долларов США)**

Методы	Экспорт и реэкспорт	Импорт
Исследование (2000)	1227	1202
Транзитная, двусторонняя торговля (2000)	1170	878
DOT (1999)	111+320	468

Оценки DOT являются в высшей степени малоприменимыми для сравнения, потому что они относятся к другому году и принципиально не учитывают неофициальных торговых потоков, а значит, и по понятной причине значительно ниже, в особенности, если речь идет об оценке реэкспорта. И это даже несмотря на сделанные выше поправки. Оценки, проведенные с использованием двух других методов,

находятся относительно ближе друг к другу, особенно в плане показателей экспорта.

Два данных метода полагаются на некую общую информацию (цены на товары, следующие транзитом через Иран и неофициальные торговые потоки), но они не могут отвечать за аналогичность общих результатов. Насколько высока вероятность заниженной оценки транзитного импорта, настолько выше достоверность оценки импорта в данном исследовании.

Таким образом, можно прийти к заключению, что афганский экспорт и реэкспорт в 2000 г. находился в пределах 1200 млн. долл. США (плюс-минус 300 млн. долл.).

Движение товаров через афганско-пакистанскую границу имеет место на множестве пунктов с относительно сложным рельефом местности. Часть торговли – официальная, но большая часть – неофициальная. Официальная торговля ведется в основном в Торхаме и Више, но также и в некоторых маленьких городках, таких как Новапасс, Маравара и Барикот. Неофициальная торговля имеет место в Котки, Шахринау, Бабрак Тана, Гулам Хан, Ангор Хада, Гороко и Дорбаба – к югу от Торхама, а также, помимо прочих, в Лалпура, Гошта, Мангал, Гангал и Дангам – к северу от Торхама.

Афганистан и Иран имеют общую границу протяженностью 900 км. Торговля через границу между двумя странами почти полностью сконцентрирована на официальных пограничных переходах под названием Догарун на иранской стороне и Ислам Кала на афганской стороне. Иранская таможня расположена вблизи пограничного города Таибад (150 км восточнее Герата). Это – важнейший пункт в товарообмене между этими двумя странами.

После того, как республики Центральной Азии стали независимыми, транзит товаров в северный Афганистан через эти страны сделался привлекательным. Из-за гражданской войны, отсутствия безопасности и плохих дорог в Афганистане бизнесмены для доставки товаров на север Афганистана выбирают в качестве транзитных маршрутов центрально-азиатские страны. С этой целью они пересекают границу в районе Серахса, расположенного к северо-востоку от Мешхеда на границе с Туркменистаном.

На туркменской границе есть два основных пограничных перехода – в Тургунди и Акине. Через Тургунди импортируется несколько основных товарных позиций, таких как: пшеница, моторное масло, удобрения, газ в баллонах и металлолом – все произведенное в центральноазиатских республиках. В Акину ввозятся аналогичные товары, а также и иранские товары народного потребления, проходящие транзитом через Туркменистан и предназначенные для рынков северного Афганистана в районе г. Мазари-Шариф.

Неофициальная внешняя торговля Афганистана включена в объем всей внешней торговли (за исключением контрабанды, оружия и т.д.),

с отметкой о том, что она не регистрируется официально таможенными органами соседних государств на предназначенных для этого пограничных переходах. Неофициальная торговля ведется для того, чтобы избежать таможенных пошлин, налогов и количественных ограничений на импорт, действующих в соседних странах. Она приносит торговцам (контрабандистам) огромные прибыли от продаж на рынках соседних стран. Неофициальная торговля также имеет место для тех экспортных товаров соседних стран, внутренние цены на которые ниже цен мирового рынка из-за субсидирования или ограничений на экспорт (как в случае с ценами на пшеницу и продовольственные товары в Пакистане). А некоторые виды неофициальной торговли идут через «дырявые» границы Афганистана просто из-за уверенности в том, что избираются маршруты, на которых не может существовать таможенных постов.

На афганской стороне границы пункты таможенного контроля обычно находятся не на самой границе, а в первом же относительно крупном городе в глубине страны, находящемся на одной линии с пограничным переходом данной зоны.

Для оценки величины (объема) и состава (структуры) «неофициальной торговли» существует два вида источников информации: первичный источник – это исследование, проведенное на границах, особенно на тех пограничных переходах, которые не предназначены для торговли с соседними странами; вторичные и косвенные источники – это статистические данные по транзитной торговле, собранные соседними странами. Эта информация показывает, что Афганистан импортирует большое количество товаров, которые вряд ли будут использоваться в Афганистане. К примеру, полевые исследования показали, что снабжение электроэнергией присутствует в очень немногих районах и городах Афганистана, однако идет большой импорт электроприборов и принадлежностей. В любом случае, уровень доходов населения не мог бы поддерживать покупку больших количеств импортных товаров народного потребления. Поэтому напрашивается вывод, что весь импорт электроприборов и принадлежностей, идущий через транзитную торговлю, предназначен для «неофициального» реэкспорта.

Весь объем неофициальной торговли Афганистана в 2000/01 г. (Таблица 4) был оценен в 1265 млн. долл. США. Неофициальный экспорт составил 1080 млн. долл., большая часть которого – 941 млн. долл. – пошла в Пакистан, а оставшиеся 139 млн. долл. – в Иран. Полевое исследование не выявило каких-либо значительных неофициальных экспортных потоков, идущих в Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Весь неофициальный импорт Афганистана оценивается в 176 млн. долл. США, из которых импорт из Ирана составил 94 млн. долл., а импорт из Пакистана – 82 млн. долл. Неофициальный импорт из республик Центральной Азии был незначительным.

Основной причиной того, почему неофициальный импорт был значительно меньше неофициального экспорта Афганистана, является то, что все же имеются некоторые ограничения на импорт в Афганистан товаров, идущих через транзитную торговлю. В Афганистане у торговцев имеется не такой уж высокий стимул ввозить товары контрабандно, поскольку «действующие налоги» на импорт меньше 6%, что должно быть меньше дополнительных расходов на транспортировку этих товаров окольными и трудными неофициальными маршрутами.

Согласно данному исследованию, неофициальный экспорт Афганистана в Пакистан составил в сумме 941 млн. долл. в 2000 году, в то время как официальный экспорт – только 98 млн. долл. Неофициальный экспорт включает в себя значительную долю экспорта фруктов, овощей и орехов, которые, в принципе, не создают много экономических или налоговых стимулов для обхода официальных маршрутов, но эти товары все же в основном экспортируются неофициальными маршрутами просто из-за удобства местоположения. В частности, виноград и другие фрукты, картофель и овощи, орехи, изюм экспортируются неофициальными маршрутами и в сумме составляют 56 млн. долл. или 6% от всего неофициального экспорта. Другие товарные позиции, доставляемые в Пакистан по неофициальным маршрутам во избежание таможенных и налоговых платежей, составляют в сумме 885 млн. долл. Эти товары включают в себя электроприборы и принадлежности, стекло и посуду, ткани, одеяла и напольные покрытия, косметику, туалетные принадлежности и моющие средства, транспортные средства, запчасти, смазочные масла, шины и металлолом. Самая крупная товарная группа среди неофициального экспорта в стоимостном выражении – электроприборы и принадлежности, они составляют в сумме 365 млн. долл., запчасти составляют 154 млн. долл., шины – 119 млн. долл., косметика – 112 млн. долл., посуда и флаги – 86 млн. долл.

Среди различных неофициальных маршрутов самые большие экспортные потоки были отмечены на маршрутах между Торхамом и Чаманом (Вишем), в особенности в районах Гулям Хана, Ангор Хада и Хосте.

Неофициальный импорт из Пакистана составляет в сумме 82 млн. долл. и состоит из таких товаров, как пшеница, сахар, рис, пищевое масло, это что касается продуктов питания, а также удобрений и товаров народного потребления ежедневного пользования – для нужд местного населения. Последние включают в себя ткани, лекарства, кухонную посуду и туалетные принадлежности – все товары, произведенные в Пакистане и более дешевые, чем импортируемые из стран, не входящих в данный регион. В отличие от пшеницы, муки, сахара и пищевого масла, на экспорт которых в Пакистане периодически накладываются ограничения из соображений продовольственной безопасности, для провоза других товарных позиций, вероятно, используют неофициальные маршруты просто из-за их удобства.

Основные продовольственные продукты, импортируемые из Пакистана неофициально, включают в себя пшеницу, муку, рис, сахар и пищевое масло. Общая стоимость импорта, согласно исследованию, составила в 2000 г. 68 млн. долл. Крупнейшими по стоимости товарными позициями были рис – 38 млн. долл., пшеница и мука – 14 млн. долл., пищевое масло – 15 млн. долл.

В соответствии с информацией Таможенного Департамента Ирана основными товарами, экспортированными в Иран неофициально в 2000/01 г., были: стеклянная посуда, электроника, текстиль, чай, кокосовая стружка, автозапчасти и домашний скот. Импорт данных товарных позиций в Иран либо ограничен, либо высоки применяемые тарифные ставки и сложны условия импорта. За тот же самый период наиболее важными товарными позициями, импортированными неофициально из Ирана в Афганистан, были: нефтяные субпродукты, пшеничная мука, химические удобрения, шины, продукты питания и железо. Экспорт этих товаров из Ирана запрещен, поскольку иранское правительство субсидирует свои внутренние цены.

Проведенное исследование показало, что неофициальный импорт из Ирана составил 95 млн. долл. В число основных товаров вошли пшеница, цемент, железо и сталь, топливо, кондитерские изделия и потребительские товары ежедневного использования. Эти товары были ввезены через различные пункты в провинциях Нимроз и Фарах.

Неофициальный экспорт в Иран через обширные территории провинций Фарах и Нимроз составил в 2000 г. 139 млн. долл.. Он включал в себя чай (18 млн. долл.), посуду (32 млн. долл.), электронику (27 млн. долл.) и запчасти (61 млн. долл.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
АФГАНИСТАН: ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	4
ИРАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ	14
ПАКИСТАН И АФГАНИСТАН: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	24
КИТАЙ – АФГАНИСТАН: ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХОВ	51
УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА В АФГАНИСТАНЕ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	62
ИНДИЯ И АФГАНИСТАН: ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ	80
Приложения:	
1. ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА: ИСТОЧНИКИ И ПОЛУЧАТЕЛИ	88
2. ОЦЕНКИ ОБЪЕМОВ И СТРУКТУРЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ АФГАНИСТАНА С ПАКИСТАНОМ, ИРАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ В 2000–2001 гг.	94

CONTENTS

FOREWORD	3
AFGHANISTAN: PROBLEMS, GOALS, PERSPECTIVES	4
NEW STAGE OF RELATIONS BETWEEN IRAN AND AFGHANISTAN	14
PAKISTAN AND AFGHANISTAN: PAST AND PRESENT	24
CHINA AND AFGHANISTAN: EXPIATION OF SINS	51
SETTLEMENT OF THE AFGHAN CONFLICT AND CENTRAL ASIAN STATES	62
INDIA AND AFGHANISTAN: THE BASIS OF COOPERATION AND BILATERAL RELATIONS PERSPECTIVES	80
Appendixes:	
1. THE FINANCING OF TERRORISM: SOURCES AND RECIPIENTS	88
2. VOLUME AND STRUCTURE OF AFGHAN FOREIGN TRADE WITH PAKISTAN, IRAN AND TURKMENISTAN IN 2000–2001	94

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко,
З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-
ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте". (совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Сборник.

103. "Иран и СНГ". Сборник.

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. **В.М.Ахмедов** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика"

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
  31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
  32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
  34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
  37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
  38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
  39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
  40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
  41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
  42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
  43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries."
by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed"
by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives"
(collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars
and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political
Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by
V.Ahmedov

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АФГАНИСТАН
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Подписано в печать 30.09.2003 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 7,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 85

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»